СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCIX, № 7.

М. Сперанскій.

ДЕВГЕНІЕВО ДѢЯНІЕ.

КЪ ИСТОРІИ ЕГО ТЕКСТА ВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Изслѣдованіе и тексты.

ПЕТРОГРАДЪ.
Россійская Государственная Академическая Типографія.
1922.

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук.
Июль 1922.
Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбургъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Памяти Николая Саввича Тихонравова.

10-го декабря (27-го ноября) 1918 года исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня смерти нашего общаго учителя, профессора Московскаго Университета и академика Николая Саввича Тихонравова, давшаго Россіи одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи русской науки прошедшаго столѣтія, — въ области изученія судебъ нашей литературы.

Почтить память замѣчательнаго ученаго и своего учителя — обязанность и нравственный долгъ его учениковъ и продолжателей его дѣла. Лучшимъ выполненіемъ этой обязанности и этого долга могла бы явиться дальнѣйшая разработка того вопроса, которому Николай Саввичъ самъ посвятилъ одинъ изъ послѣднихъ своихъ трудовъ, вызванный сдѣланнымъ имъ же замѣчательнымъ открытіемъ въ области нашей древней письменности, столь много ему обязанной въ своемъ историческомъ освѣщеніи.

Конечно, съ полной увѣренностью можно сказать, что тѣнь учителя не посѣтуетъ на то, что его ученикъ, посвящающій его памяти свой трудъ, какъ дань глубочайшаго уваженія и любви къ нему, въ своихъ разысканіяхъ пришелъ къ инымъ выводамъ, нежели то было сдѣлано Николаемъ Саввичемъ: меня и его оду-

шевляло въ работѣ одно стремленіе — сохраняя высокое научное безпристрастіе, которому онъ училъ насъ своими замѣчательными лекціями съ каѳедры устно и своими образцовыми трудами въ печати, — приблизиться по мѣрѣ умѣнія и разумѣнія къ истинной цѣли науки — истинѣ. . . .

М. Сперанскій.

Москва 1918 г.

«Девгеніево дѣяніе» въ русской научной литературѣ извѣстно стало гораздо раньше, нежели въ западно-европейской: уже въ 1800 г.—въ изданіи «Слова о полку Игоревѣ» — въ предисловіи редактора оно было отмѣчено въ числѣ статей, вошедшихъ въ сборникъ А. И. Мусина-Пушкина, хотя отмѣчено было и не совсѣмъ умѣло: выписано было заглавіе «Дѣянія» («Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о брѣзости, о силѣ и о храбрости»), а двѣ слѣдующія главы того же произведенія приняты были за самостоятельныя статьи («Сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ», и «Аще думно есь слышати о свадѣбѣ (sic) Девгѣевѣ и о всъхыщеніи Стратиговнѣ»). Болѣе подробныя свѣдѣнія о «Девгеніевѣ дѣяніи» съ изложеніемъ содержанія этой «восточной сказки», иллюстрированнымъ нѣсколькими выписками изъ подлинной рукописи и кое-какими замѣчаніями о древности перевода, даны были Н. М. Карамзинымъ въ «Исторіи государства Россійскаго» (II, гл. 12, прим. 333; III, гл. 7, прим. 272). Но ни первое извѣстіе, ни Карамзинъ не поставили вопроса о происхожденіи этого «Дѣянія» въ русской письменности. Впервые указалъ на византійское происхожденіе «Девгенія» на основаніи самого содержанія пьесы А. Н. Пыпинъ («Очеркъ», 1858, стр. 63): не зная ближайшаго или аналогичнаго текста въ византійской литературѣ, Александръ Николаевичъ отнесъ однако «Девгенія», вмѣстѣ съ повѣстью объ Акирѣ премудромъ, къ числу повѣствовательныхъ произведеній древняго періода нашей письменности, которыя «принадлежатъ Византійскому источнику, но отличаются отъ Александріи и сказаній

Троянскихъ тѣмъ, что выходятъ изъ ряда историческихъ сюжетовъ и относятся уже чисто къ области фантазіи» (послѣднее, какъ увидимъ, не вполнѣ оправдалось позднѣйшими изслѣдованіями о «Девгеніи»). Ему же принадлежитъ заслуга — приблизительное опредѣленіе характера «Девгеніева дѣянія», правда, очень на первый взглядъ общее: «дѣйствующія лица и мѣсто событій, одно изъ главныхъ основаній повѣсти.... указываютъ на греческое произведеніе, относящееся къ темному въ византійской литературѣ отдѣлу повѣстей о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ тѣми полуфантастическими исторіями, которыя порождены были крестовыми походами и странствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ Византійско-Палестинскій» (88)... «Памятники Византійскіе, обязанные своимъ происхожденіемъ этому историческому факту (ожесточенная борьба съ восточными завоевателями), извѣстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ «Девгеніева дѣянія», доказывающаго съ своей стороны давнишній переходъ къ намъ произведеній повѣствовательной Византійской литературы...., повѣсть, вѣроятно, нравилась стариннымъ читателямъ, потому что нѣкоторыми подробностями очень похожа на наши сказки. Вмѣстѣ съ сказаніемъ о Синагрипѣ, эта повѣсть дѣйствительно могла относиться къ XII—XIII вѣку и появилась у насъ также черезъ южнославянскій переводъ, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ («сухое» злато, «тисуща», «фарь»)....» (89). Рѣдкость повѣсти о Девгеніи Александръ Николаевичъ объяснялъ «той случайностью, которая господствуетъ надъ произведеніями литературы писанной» (ibid.). Пыпину же принадлежитъ и еще заслуга — открытіе списка, хотя и отрывочнаго, но по объему, разумѣется, превосходящаго немногія выписки изъ текста М.-Пушкина, сохраненныя Н. М. Карамзинымъ: въ Погодинской (№ 1773, въ ПБ.) рукописи XVII—XVIII в. найденъ имъ текстъ «Девгенія» и тогда же напечатанъ въ приложеніяхъ къ «Очерку» (стр. 316 и сл.; позднѣе

перепечатанъ въ Памят. стар. рус. лит. изд. Кушелева-Безбородка, II, стр. 379 и сл.). Въ значительныхъ отклоненіяхъ новонайденнаго текста отъ М.-Пушкинскаго Александръ Николаевичъ увидѣлъ доказательство того, что повѣсть часто переписывалась, при чемъ, однако, онъ призналъ сравнительную сохранность текста даже въ позднихъ копіяхъ.

Работа А. Н. Пыпина, какъ это обычно бывало, осталась неизвѣстной западнымъ ученымъ, занимавшимся византійской литературой, остается мало извѣстной имъ и до сихъ поръ: иначе, наличность славяно-русскаго текста «Девгенія» ускорила бы поиски такого крупнаго произведенія въ византійской литературѣ. Нужно было новое открытіе, оцѣнка его русскимъ ученымъ, при томъ сдѣланная спеціально для западныхъ ученыхъ, чтобы и западноевропейскіе ученые могли считаться съ важнымъ (но, увы, до сихъ поръ недостаточно оцѣненнымъ) фактомъ византійской литературы, сохраненнымъ славянской письменностью. Въ 1870 году греческій ученый историкъ Трапезунда Σάββας Ἰωαννίδης издалъ въ Константинополѣ свою Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας, гдѣ впервые сообщилъ (стр. 35—39) о существованіи и по гречески «Девгеніева дѣянія»: говоря о состояніи власти Византіи въ Трапезундской области въ X ст., Іоаннидисъ замѣчаетъ: «въ это время былъ и Βασίλειος Ἀκρίτας дѣйствовавшій при Романѣ II и Никифорѣ Фокѣ (960—990); о немъ до сихъ поръ поется въ устахъ народа, неизвѣстна была, однако, эпоха его жизни. Изъ единственной рукописи, заключающей исторію Акрита, написанной до взятія Трапезунта (Турками) въ 15-сложныхъ стихахъ на мѣстномъ нарѣчіи и раздѣленной на нѣсколько пѣсенъ (ᾠδάς) въ 3000 стихахъ, узнаемъ слѣдующее объ этомъ времени и о самомъ Акритѣ». Далѣе имъ изложено содержаніе повѣсти и приведена выписка въ 53 стиха изъ подлинной рукописи. Такимъ образомъ въ этой небольшой замѣткѣ сдѣлано было не только крупное открытіе, но и дано цѣнное указаніе на связь стихотворной книжной повѣсти о «Девгеніи» съ устной словесностью грековъ, съ ихъ богатырскимъ

историческимъ эпосомъ, ранѣе уже извѣстнымъ по отдѣльнымъ изданіямъ пѣсенъ (Форіеля (1824—5), Пассова (1860) и др.) на западѣ Европы. Открытіе не могло не обратить на себя вниманія, какъ ученыхъ византистовъ, такъ и патріотовъ-грековъ, сразу увидавшихъ въ Трапезундской рукописи «Девгенія» свой національный старый эпосъ, своихъ «Нибелунговъ», свои «Chansons de gestes»: тотчасъ начались попытки добыть для изданія и изслѣдованія эту «единственную» рукопись (къ этому времени подаренную Іоаннидисомъ въ общественную библіотеку Трапезунда). Результатомъ этого оживленія интереса[1]) къ Дигенису было первое научное изданіе Трапезундскаго текста, сдѣланное Константиномъ Саѳой и Эмилемъ Леграномъ: Les éxploits de Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébizonde (Paris 1875, въ серіи: Collection de monuments pour servir à l'étude de la langue néo-hellénique, nouvelle série № 6), съ обширнымъ введеніемъ (I—CLII), содержащимъ детальное изслѣдованіе исторической подкладки «Дигениса Акрита», выясненіе связи его съ устной греческой поэзіей такъ называемаго «акритовскаго» цикла и т. д. Изданіе Трапезундскаго текста позднѣе (1887) было повторено С. Іоаннидисомъ (въ Константинополѣ), гдѣ было при томъ дано глухое извѣстіе о существованіи еще одной рукописи «Дигениса» (ее, писанную прозой, будто бы, видѣлъ Dr. Mordtmann въ Константинополѣ, о чемъ и сообщилъ Іоаннидису). Во всякомъ случаѣ изданіе Саѳы и Леграна надо считать эпохой въ изученіи «Дигениса», началомъ новыхъ поисковъ за текстами «Дигениса». Однимъ изъ первыхъ — и по обыкновенію съ точки зрѣнія широкой литературной исторіи — оцѣнилъ открытіе А. Н. Веселовскій, который тотчасъ вслѣдъ за появленіемъ греческаго «Дигениса» по Трапезундской рукописи въ своей извѣстной статьѣ «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ»

1) Въ 1873 г. К. Саѳа въ своей «Bibliotheca graeca medii aevi» (Venetia), II, 45—50, далъ первую научную замѣтку о Дигенисовской рукописи и перепечаталъ изъ Іоаннидиса отрывокъ.

(Вѣстн. Евр., 1875, апрѣль) указалъ на важное значеніе русскаго текста (отрывковъ Карамзина и Пыпинскаго) для изученія греческаго, коснулся того значенія, какое можетъ имѣть «Дигенисъ» и греческія «акритовскія» пѣсни и для русской литературы (объ этомъ ниже). Для изученія самого «Дигениса» было указано то, что русскій текстъ дополняетъ дефектный (единственный тогда извѣстный) греческій (Трапезундская рукопись безъ начала — приблизительно $1^1/_2$ первыхъ книгъ). Но тотъ же Веселовскій впервые оповѣстилъ и западно-европейскихъ и греческихъ ученыхъ о существованіи и значеніи и русскаго «Девгеніева дѣянія», напечатавъ статью, аналогичную выше приведенной русской, въ Russische Revue (VII, 540) по-нѣмецки.

Это извѣстіе не осталось безъ послѣдствій, хотя и слишкомъ незначительныхъ сравнительно со значеніемъ русскаго текста: A. Rambaud въ своей «La Russie épique» (Paris 1875) указалъ на популярность темы о Девгеніи въ русской письменности на основаніи замѣтки А. Н. Веселовскаго; позднѣе (1880 г.) этими же замѣтками Веселовскаго и Rambaud воспользовался Сп. Ламбросъ въ предисловіи къ своему изданію стихотворныхъ греческихъ романовъ (Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers, Paris, p. LXXXIX): «существованіе переводовъ или подражаній этой эпопеѣ показываетъ», по мнѣнію Ламброса, «что Акритъ былъ въ славянской народной поэзіи такъ же популяренъ, какъ и въ византійской»[1]). Открытіе той же Трапезундской рукописи вызвало на западѣ небольшую литературу научнаго характера (она приведена у Krumbacher'а въ его Gesch. d. byz. Litteratur, изд. 1 и 2), между прочимъ, небольшую статью Ch. Gidel'я въ его «Nouvelles études sur la litterature grecque moderne» (Paris, 1875, p. 295 s.), гдѣ авторъ попробовалъ освѣтить «Дигениса» съ точки зрѣнія общаго развитія и сохраненія поэтической литературы средневѣковыхъ и современныхъ гре-

1) Cp. ibid. p. CI: les Slaves (russes?) se sont mis à l'oeuvre pour retrouver chez eux les traces, que ce poème byzantin y a laissées.

ковъ. Поиски новыхъ текстовъ «Дигениса Акрита» начались оживленные и скоро стали давать положительные результаты. Уже въ 1880 г. Спир. Ламбросъ въ упомянутой серіи греческихъ стихотворныхъ романовъ издалъ передѣлку старшаго текста эпопеи, сдѣланную въ 1670 г. хіосцемъ монахомъ Игнатіемъ Петрицисомъ (Ἰγνάτιος Πετρίτζης), нашедшуюся въ числѣ рукописей Оксфорда; имъ же сдѣлано и болѣе цѣнное сообщеніе: извѣстный въ свое время собиратель матеріаловъ по исторіи Византіи Іосифъ Мюллеръ, оказывается, давно зналъ[1]) и все собирался обнародовать найденную имъ старѣйшую рукопись «Дигениса» (въ Crypto-Ferrat'ѣ, около Рима); эту-то рукопись въ своемъ изданіи подробно описалъ С. Ламбросъ, далъ впервые изъ нея рядъ выписокъ, изъ которыхъ стало видно, что тексты «Девгенія» по-гречески представляютъ разновидности и отличія довольно значительныя другъ отъ друга. Между тѣмъ еще въ 1878 г. грекъ Ἀντ. Μηλιαράκη нашелъ еще неизвѣстную рукопись «Дигениса» на островѣ Андрѣ (Ἄνδρος), которую и издалъ вслѣдъ за Ламбросомъ (этотъ послѣдній о ней уже зналъ отъ того же Мильяраки): Βασίλειος Διγενὴς Ἀκρίτας. Ἐποποιΐα βυζαντινὴ τῆς 10-ης ἑκατονταετηρίδος, κατὰ τὸ ἐν Ἄνδρῳ ἀνευρεθὲν χειρόγραφον (ἐν Ἀθήναις 1881). Рукопись — одной редакціи съ Трапезундской, но она полная, съ началомъ и концомъ. Затѣмъ наступаетъ нѣкоторый перерывъ въ изданіи и открытіи новыхъ

1) Первое печатное извѣстіе объ открытіи І. Мюллера находимъ у Вагнера въ его рецензіи на изданіе трапезундскаго текста Саѳы и Леграна; позднѣе І. Мюллеръ сталъ готовить текстъ къ изданію и собирался печатать его въ нашей Академіи по предложенію А. Н. Веселовскаго, но такъ и не выполнилъ своего намѣренія еще въ 1891 г. (см. Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 64, кн. 1 (Спб. 1891). Протоколы Отдѣл. рус. яз. и слов. (сент.—дек. 1890), стр. 112—113). Около этого же времени Э. Легранъ сдѣлалъ себѣ копію (1887 г.) съ подлинной рукописи, провѣрилъ ее черезъ І. Психари, а затѣмъ поспѣшилъ, вѣроятно, зная о рѣшеніи русской Академіи издать текстъ ея по копіи І. Мюллера, напечатать текстъ: это видно изъ его замѣчанія въ предисловіи: «deux éditions ne seront pas de trop pour une oeuvre si remarcable à tous égards». Такимъ образомъ изданіе Леграна опередило І. Müller'a, который поэтому и отказался, видимо, отъ дальнѣйшей работы надъ подготовленіемъ своего изданія.

текстовъ «Дигениса»; только въ 1892 г. (Bibliothèque grecque vulgaire, t. VI, Paris) выходитъ наконецъ давно уже извѣстный въ наукѣ текстъ Crypto-Ferrat'скій, найденный І. Мюллеромъ, и теперь напечатанный É. Legrand'омъ [1]). Наконецъ, въ 1904 году становятся извѣстными въ печати выписки изъ отрывочнаго текста Эскоріальскаго, впервые опубликованныя K. Krumbacher'омъ (Sitzungsberichte der philos.-philol. und der histor. Klasse der Königl. Akademie der Wissenschaften (München), II Heft, S. 309 folg.).

Такимъ образомъ въ распоряженіи изслѣдователей, какъ греческихъ, такъ и славяно-русскихъ списковъ «Дигениса» оказалось *пять* его греческихъ текстовъ различнаго времени, различнаго состава, различной сохранности и цѣнности. Сюда присоединяются и извѣстія, частью неясныя, частью мало надежныя о другихъ текстахъ: такъ, есть извѣстія о прозаическомъ текстѣ Константинопольскомъ, видѣнномъ, якобы, д-ромъ Mordtmann'омъ (указаніе у Іоаннидиса, см. выше), какомъ-то писанномъ ямбами, купленномъ, якобы, É. Legrand'омъ въ томъ же Константинополѣ (указаніе — въ 'Εφημερίς № 328 (28 ноября 1881); отсюда — указаніе на него у Мильяраки: у. с., Πρόλογος, стр. 6); о второмъ Андросскомъ текстѣ, писанномъ, якобы, въ 1632 г. и найденномъ д-ромъ P. Paschalis'омъ (см. Deutsche Literaturzeitung, 1898, № 43); два текста, одинъ изъ нихъ съ миньятюрами, имѣлъ въ рукахъ жившій на Аѳонѣ въ XVIII в. греческій монахъ Кесарій Дапонтесъ, авторъ Βίβλος τῶν βασιλειῶν, собиравшійся переложить текстъ въ риѳмованные стихи и издать «Дигениса», но, кажется, такъ и не осуществившій своего намѣренія. Эти справки и свѣдѣнія имѣютъ, разумѣется, нѣкоторую, но очень небольшую цѣну для изученія исторіи поэмы о Дигенисѣ Акритѣ.

---

1) Коротенькую замѣтку объ этомъ изданіи см. въ Byz. Zeitschr., I (1892) 3. Abt., S. 166. Текстъ почему-то изданъ только въ 100 экземплярахъ. Я пользуюсь экз. № 33 библ. Спб. унив., любезно мнѣ присланнымъ оттуда.

Научное же критическое изученіе дошедшихъ до насъ и до сихъ поръ извѣстныхъ текстовъ «Дигениса» въ общемъ дало пока такіе результаты. Дошедшіе до насъ тексты греческаго «Дигениса» не восходятъ къ древнему времени: старшій текстъ—Crypto-Ferrata—относится (не къ XIV в., какъ полагали первое время) только къ XV вѣку; остальные еще моложе: Trap. — къ XVI в., Andr. — XVI — XVII в., Escor. — XVI в., Oxon. — 1670 г. По особенностямъ стиля и языка тексты характеризуются такъ: 1) одинъ — Crypt. — сильно архаизируетъ въ формахъ рѣчи; 2) второй—Trap. — на книжномъ языкѣ, но съ народными чертами живой рѣчи; 3) третій — Andr. — на народномъ языкѣ съ окраской книжной (школьной); 4) четвертый — Escor. — вполнѣ народный языкъ, свободный отъ книжнаго вліянія, безъ діалектическихъ какихъ-либо особенностей; 5) пятый — Oxon. — на Хіосскомъ діалектѣ 17 столѣтія. По формамъ стиха (политическій стихъ, безъ риѳмы) ни одна изъ извѣстныхъ обработка ранѣе XV вѣка восходить не можетъ. По составу изданные четыре текста распадаются на двѣ группы, при чемъ въ одну надо отнести рукоп. Crypto-Ferrat'скую, въ другую остальныя три[1]); впрочемъ, одна изъ нихъ, именно, Escor., восходя къ прототипу, близкому къ Trap. и Andr., представляетъ въ немъ нѣкоторыя особенности (преимущественно въ концѣ произведенія). Это дѣленіе внѣшнимъ образомъ характеризуется еще тѣмъ, что, тогда какъ тексты типа Crypt.-Fer. дѣлились на 8 книгъ[2]), тексты типа Trap. — Andr. насчитывали ихъ 10. Это дѣленіе на восемь и десять книгъ, повидимому, было распространеннымъ: упомянутый выше Кесарій Дапонтесъ въ XVIII в., имѣвшій подъ руками два текста «Дигениса», говоритъ о нихъ такъ:

1) Пятый—Oxon.—какъ безвкусная передѣлка въ школьномъ духѣ, замѣнившая риторикой, общими мѣстами значительную долю содержанія, имѣетъ ничтожное значеніе для возстановленія первоначальнаго текста поэмы.

2) Таковъ былъ, повидимому, и основной текстъ Oxon.

Ἡ ἱστορία του (т. е. Дигениса) πολλὴ εἶναι καὶ πλατυτάτη,
ὅμως ἀξιοθαυμάστη, ζάχαρη γλυκυτάτη.
Εἶναι βιβλίον καθαυτό, ὀκτὼ ἢ δέκα κόλλαις
καὶ τὰς ἀνδραγαθίας του ταῖς περιέχει ὅλαις[1]).

Исключеніе составляетъ Escor., въ которомъ дѣленія на книги (λόγοι) нѣтъ.

Такимъ образомъ анализъ дошедшихъ до насъ текстовъ, ихъ языка, метрики приводитъ къ выводу пока мало утѣшительному: во всѣхъ дошедшихъ до насъ текстахъ мы имѣемъ передъ собою лишь позднѣйшія (XV—XVII в.) переработки оригинала, который, однако, до насъ не дошелъ, либо не найденъ; мы не знаемъ даже, въ какой формѣ онъ возникъ: въ стихотворной ли, или въ прозаической, иначе: въ стихахъ ли обработалъ авторъ тѣ народныя пѣсни «акритовскаго» цикла, которыя лежатъ въ основѣ «Дигениса», какъ памятника письменности, или пересказалъ ихъ прозой. Если въ основѣ историческихъ пѣсенъ о Дигенисѣ Акритѣ (онъ лицо историческое, какъ доказано детально въ свое время Саѳой и Леграномъ въ ихъ изданіи Трапезундскаго текста) лежатъ отзвуки событій X вѣка, то все же мы не знаемъ, когда произошла обработка этихъ пѣсенъ въ книжное произведеніе; поэтому (принимая во вниманіе довольно короткій промежутокъ времени, отдѣляющій обычно самое событіе отъ созданія пѣсни о немъ) предположеніе, что «поэма» о Дигенисѣ могла создаться уже въ XI вѣкѣ, высказываемое изслѣдователями (ср. K. Krumbacher, o. c., S. 347; Веселовскій А. Н. «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ»), остается всетаки только предположеніемъ. Мало помогаетъ укрѣпить это предположеніе и наличность имени Евстаѳія, отмѣченнаго въ заголовкѣ Андросскаго текста:

---

1) Въ другомъ мѣстѣ у того же Дапонтеса:

Δύο λογιῶν τὸ εἶδ' αὐτὸ μὲ εἰκονογραφίας
τῶν ἀνδραγαθημάτων του, καὶ δίχως ζωγραφίας.
Εἰς ὀκτὼ λόγους δὲ αὐτὸ εἶνε διηρημένο,
δυσκολοεύρετον πολλὰ εἶνε καὶ ζητημένο.

Εὐσταθίου πρός τινα Μανουὴλ προσφιλέστατον αὐτοῦ δέκα λόγοι περὶ τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτου καὶ τῶν γονέων.

Этотъ Евстаѳій, какъ скорѣе всего слѣдуетъ предположить (ср. K. Krumbacher, Gesch. d. byz. Lit[1]., S. 415), былъ не авторомъ самого произведенія, а лишь авторомъ-перелагателемъ того текста, который мы читаемъ въ Андросской рукописи, иначе: это—такой же поздній обрабатыватель старшаго текста, какимъ былъ и тотъ Игнатій Петрицисъ, который въ своемъ риѳмованномъ переложеніи «Дигениса» въ 1670 г. (cod. Oxon.) говоритъ о себѣ: εἰς ῥίμα ἐποίησά το εἰς δώρημα τοῦ Χρυσάνθου τοῦ Κωνσταντινοπολίτου. Добавимъ еще, что и о самомъ Евстаѳіи мы узнаемъ только изъ этого надписанія и только то, что онъ посвящаетъ свой трудъ какому-то «любезнѣйшему Мануилу».

Въ такомъ положеніи въ общемъ дѣло обстоитъ съ греческими текстами «Дигениса Акрита». Здѣсь—въ изученіи литературной исторіи греческаго текста—могъ бы сыграть видную роль текстъ русскій, которому, какъ мы видѣли, приписываютъ почтенную древность (XII—XIII в.) на русской или славяно-русской почвѣ; стало быть, предполагаютъ его оригиналъ не моложе этого времени, т. е. много старше, нежели старѣйшая изъ дошедшихъ до насъ до сихъ поръ извѣстныхъ передѣлокъ оригинальнаго греческаго текста.

Но это важное значеніе славяно-русскаго текста въ значительной степени понижается вслѣдствіе плохого состоянія русскихъ текстовъ: въ нашемъ распоряженіи не имѣется ни одного цѣльнаго текста; и въ нашей литературѣ «Девгеніево дѣяніе» представляетъ, какъ и въ греческой, рѣдкость, ζητημένο, какъ выразился въ XVIII в. Кесарій Дапонтесъ. Старѣйшій изъ славяно-русскихъ текстовъ—XVI в.—былъ въ одной рукописи со «Словомъ о полку Игоревѣ», съ нимъ вмѣстѣ онъ и погибъ въ 1812 году; остались отъ него, какъ мы знаемъ, только заголовки, не совсѣмъ удачно перечисленные М.-Пушкинымъ въ предисловіи къ изданію «Слова о полку Игоревѣ» (1800 г.), сжатый пересказъ содержанія и нѣсколько выписокъ, сдѣланные Карам-

зинымъ. Поэтому большое значеніе имѣла находка А. Н. Пыпинымъ текста «Девгенія» въ Погодинской рукописи. Но текстъ Пыпина не только поздній (XVIII в.), но и отрывочный: въ немъ — едва половина всего текста, какъ онъ предполагается въ греческомъ оригиналѣ (на основаніи перечисленныхъ стихотворныхъ его обработокъ). Тѣмъ не менѣе открытіе Пыпина должно быть признано крупнымъ событіемъ: оно давало впервые болѣе прочный матеріалъ для исторіи у насъ повѣсти о Девгеніи; начало этому изученію и было положено самимъ А. Н. Пыпинымъ: помимо приведеннаго выше мнѣнія о византійскомъ происхожденіи нашего «Девгеніева дѣянія», онъ предположилъ и путь его проникновенія къ намъ—черезъ югъ славянства; сравненіе Погодинскаго списка съ выписками, сдѣланными Карамзинымъ, показало А. Н. Пыпину, что Погодинскій списокъ XVIII в. «довольно уже далекъ отъ того вида повѣсти, какой имѣла она въ древнемъ спискѣ или въ подлинникѣ», но съ другой стороны «тожественныя строки» въ Карамзинскихъ выпискахъ (т. е. въ рукоп. XVI в.) и Погодинскомъ, убѣждали автора «Очерковъ» въ томъ, что «Дѣяніе Девгеніево» «не было переиначено до такой степени, какъ сказка о Синагрипѣ (выше имъ анализированная), и въ позднемъ видѣ своемъ сохранило болѣе древняго, если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета» (стр. 89). Открытіе и изданіе Трапезундской рукописи, вызвавшее откликъ А. Н. Веселовскаго, дало ему поводъ въ той же статьѣ (Вѣстн. Евр. 1875, IV) коснуться и литературной исторіи русскихъ текстовъ; вотъ его отзывъ объ этомъ: «Отрывки этого (т. е. русскаго) *пересказа* (курсивъ мой) Дигениса, сохраненные Карамзинымъ, позволяютъ заключить, что онъ принадлежалъ *къ одной редакціи* (к. м.) съ текстомъ, обнародованнымъ Пыпинымъ. Разница представляется въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, такъ впрочемъ, что древнія черты сохранены попеременно то тѣмъ, то другимъ текстомъ. Такъ въ М.-Пушкинскомъ спискѣ—греческій «Филопаппъ» пишется: «Филопатъ»; въ текстѣ Пыпина: «Филипапа»; наоборотъ, послѣдній называетъ «Максимьяной» воин-

ственную дѣву, которую и греческій подлинникъ и *пересказъ* (к. м.) М.-Пушкина зоветъ «Максимой». Главный герой носитъ и въ томъ и въ другомъ спискѣ имя «Девгенія»: въ М.-Пушкинскомъ, кромѣ того, и «Девгѣй» («о свадьбѣ Девгѣевѣ»). Замѣтимъ особенность русскаго *пересказа* (к. м.): исключены или обобщены всѣ мѣстныя, географическія и историческія пріуроченія, дѣлающія византійскую поэму дѣйствительнымъ памятникомъ X-го столѣтія. Въ отдѣлѣ географіи русское *изложеніе* (к. м.) ограничивается простымъ упоминаніемъ греческой и аравитской земли, греческаго города, Ефрата и т. п.; императоры не названы, какъ не названъ Андроникъ, дѣдъ Девгенія. Онъ даже не является дѣйствующимъ лицомъ; о немъ нѣтъ рѣчи, и на сценѣ его *вдова* (к. м.). Эпитеты и прозвища возведены въ значеніе собственныхъ именъ, а имена отсутствуютъ. Въ греческомъ текстѣ герой названъ Василіемъ съ двоякимъ прозвищемъ: Дигениса и Акрита; въ русскомъ просто: «Девгеній Акритъ»[1]); въ греческомъ— эмиръ (Ἀμηρᾶς) Мусулъ крестится и названъ Іоанномъ; въ русскомъ онъ просто «Амиръ», т. е. эмиръ. Послѣ того легко предположить, что и Стратиговна (отъ «стратигъ» — воевода, вождь), воинственная дѣва, которую увозитъ Девгеній, названа такъ отъ прозвища, и что при этомъ пропало собственное имя» (стр. 755—756). Такимъ образомъ, мнѣніе А. Н. Веселовскаго объ исторіи русскаго текста «Девгеніева дѣянія» сводится къ слѣдующему: 1) переводъ сдѣланъ съ греческаго; 2) переводъ въ рукописи Мусина-Пушкина и Погодина *одинъ*; 3) это собственно не переводъ — а *пересказъ*, или *изложеніе*, по греческому тексту, какимъ А. Н. Веселовскій склоненъ считать новооткрытый тогда Трапезундскій текстъ; 4) переводъ (пересказъ) древенъ и пришелъ черезъ югъ славянства: А. Н. Веселовскій не нашелъ нужнымъ возражать противъ мнѣнія о томъ А. Н. Пыпина[2]). Интересъ,

---

1) Обычно—Девгеній; одинъ только разъ упомянутъ «Акритъ» («и нарекоша имя ему Акритъ» — при крещеніи; Пыпинскій текстъ, стр. 325).

2) И позднѣе, А. Н. Веселовскій остался при томъ же общемъ взглядѣ на нашего русскаго «Девгенія»: въ своей рецензіи на книгу Gaster'а Ilchester

возбужденный открытіемъ греческаго текста «Дигениса», отразившійся у насъ въ работахъ А. Н. Веселовскаго, далъ толчекъ дальнѣйшему изученію и нашего славяно-русскаго «Девгенія», попыткамъ намѣтить точнѣе связи его съ русской литературой.

Наиболѣе ранняя и своеобразная такого рода попытка принадлежала Вс. Ѳ. Миллеру, которому въ его «Взглядѣ на Слово о полку Игоревѣ» (М. 1877) пришла мысль использовать для уясненія пріемовъ творчества и степени самобытности автора «Слова о полку Игоревѣ» недавно ставшій извѣстнымъ греческій текстъ «Девгенія», который представился ему подходящимъ для аналогіи со «Словомъ о полку Игоревѣ» со стороны отдѣльныхъ пріемовъ стилистики, и вводилъ такимъ образомъ «Слово о полку Игоревѣ» въ кругъ памятниковъ, испытавшихъ на себѣ византійское вліяніе, хотя бы въ отношеніи «формальныхъ» особенностей. Это, естественно, обязывало Вс. Ѳ. Миллера высказать свой взглядъ и на «Девгеніево дѣяніе», его роль и положеніе въ русской письменности стараго времени. Его взглядъ сводился касательно «Девгеніева дѣянія» къ слѣдующему: «Такой богатый сюжетъ (каковъ о Дигенисѣ) долженъ былъ отразиться на литературахъ, находившихся въ зависимости отъ византійской; понятно, что разсказъ о подвигахъ Дигениса долженъ былъ далеко выйти за предѣлы страны и народа, среди которыхъ онъ сложился. Здѣсь кстати припомнить слова Ліутранда о быстромъ распространеніи византійскихъ произведеній въ его время (половина X в.).... Естественно, что и ближайшая сосѣдка Византіи, Болгарія, усвоивавшая такую массу византійскихъ произведеній, должна была познакомиться съ популярной личностью Дигениса, и въ свою очередь водворить эту личность на русской почвѣ... Уже первый взглядъ (на текстъ «Дигениса» русскаго) показы-

---

lectures on grecoslavonic literatur, находя страницы Гастера о Девгеніи неудачными и отвергая мало обоснованное предположеніе Психари, будто авторъ «Дигениса» (греческаго) скопировалъ свой планъ изъ Chanson de gestes («Guillaume au Courtnez»), касается и славянскаго «Дигениса»: «Византійскому теченію принадлежитъ поэма о Дигенисѣ, перешедшая къ славянамъ въ *своеобразномъ прозаическомъ пересказѣ*» (Ж. М. Н. П. 1888, III, 241—242).

ваетъ, что *славянская передѣлка* (к. м.) отнеслась къ своему оригиналу весьма самостоятельно: историческія черты, генеалогическія подробности, не представлявшія интереса для *славянскаго* (к. м.) читателя, стерты[1]). Повѣсть проникнута бо́льшимъ благочестіемъ (нежели греч. оригиналъ, иначе, Трапезундскій текстъ), и нѣкоторые эпизоды, представлявшіе соблазнъ пуританскому чувству, обойдены вовсе или подверглись измѣненію» (стр. 36—37) ..... «Судя по заглавію М.-Пушкинскаго сборника («Сказаніе о Филипапѣ и Максимѣ»), разсказъ *сборника* въ нѣкоторыхъ деталяхъ расходился съ *повѣстью* о Девгеніи» (стр. 41). ...«*Болгарская* повѣсть *либо* сильно измѣнена противъ поэмы (т. е. въ томъ ея видѣ, какъ она читается въ Трапезундскомъ текстѣ, единственномъ тогда извѣстномъ Вс. Ѳ-чу), *либо, что́ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, передѣлана не изъ этой поэмы, а изъ прозаической византійской повѣсти о томъ же героѣ»* (стр. 46).... «Другая черта, говорящая въ пользу предположенія, что славянская повѣсть имѣла оригиналомъ не поэму, а какую нибудь *прозаическую*[2]) редакцію, та, что въ поэмѣ не говорится ни слова о дарахъ тещи и шурьевъ (Дигенису, послѣ его побѣды надъ Стратигомъ). Едва-ли такую подробность могъ *славянскій* литераторъ придѣлать отъ себя: въ немъ замѣтна скорѣе охота къ сокращенію, нежели къ распространенію» (стр. 48)[3]).

---

1) Ср. выше у А. Н. Веселовскаго.

2) Эта форма греческаго оригинала остается не обоснованной: мы знаемъ, вѣдь, что греческіе стихотворные тексты передавались въ славянской и русской литературахъ прозой, за отсутствіемъ своей книжной стихотворной формы.

3) Перечень этотъ, близкій къ русскому (въ МП. и Тих.) есть, однако, въ Cr.—Fer. (IV, 916 и сл.):

ὁμοίως καὶ ἡ στρατήγισσα ἡ μάμμη τοῦ Ἀκρίτου
οἱ πέντε γυναικάδελφοι καὶ συγγενεῖς οἱ ἄλλοι
μαργαριτάριν ἄπειρον, χρυσίον καὶ λιθάριν,
καὶ βλαττία πολύτιμα ἄπειρα καὶ ὀξέα·
ἡ δέ γε τούτου πενθερὰ παρέδωκεν ὁσαύτως
πράσινον λευκοτρίβλαττον καὶ ζώνας πολυτίμους,
τέσσαρα χρυσογράμματα φακεώλια ἄσπρα,

Какъ видимъ изъ приведенныхъ выдержекъ, взглядъ Вс. Ѳ. Миллера на «Девгеніево дѣяніе» составляетъ въ общемъ дальнѣйшее развитіе того, что̀ было высказано его предшественниками, Пыпинымъ и Веселовскимъ: и для него происхожденіе славянскаго текста «Девгенія» также древне (иначе не зачѣмъ было бы приводить его въ аналогію со «Словомъ о полку Игоревѣ», видѣть въ немъ образецъ произведеній, могшихъ повліять на манеру изложенія русскаго автора XII в.); и для него это — повѣсть болгарская по своему происхожденію въ русской письменности; и онъ считаетъ ее передѣлкой, при томъ «весьма самостоятельной», сравнительно съ греческимъ Трапезундскимъ текстомъ (ср. «своеобразный прозаическій пересказъ» у Веселовскаго). Въ то-же время Вс. Ѳ. Миллеръ пошелъ нѣсколько дальше своихъ предшественниковъ въ установленіи отношеній славянскаго (собственно Пыпинскаго) текста къ тексту греческому, постаравшись точнѣе намѣтить возможное соотношеніе, при чемъ его мысль здѣсь уже какъ бы двоится: указывая на характеръ *передѣлки* греческаго текста въ славянскомъ (бо̀льшая религіозность, желаніе избѣгать того, что̀ противно «пуританскому чувству», склонность къ сокращеніямъ), онъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ то, что передѣлка восходитъ не къ тому тексту греческой поэмы, который извѣстенъ (т. е. Трапезундскій), а къ неизвѣстной пока прозаической греческой же повѣсти о томъ же «Дигенисѣ». Отмѣчаетъ онъ и взаимоотношеніе славянскихъ текстовъ «Девгенія» — Пыпинскаго и М.-Пушкинскаго — ихъ отличіе въ деталяхъ, не объясняя, однако, причинъ этого въ связи съ только что высказаннымъ предположеніемъ о прозаическомъ оригиналѣ «Дигениса» и, по-

καββάδδην τε χρυσοφυῆ ὄπισθεν γρύψους ἔχον·
ὁ πρῶτος γυναικαδελφὸς δέδωκε δέκα νέους
ἀσκευάστους καὶ εὐειδεῖς καὶ τῇ κόμῃ ὡραίους,
ἠμφιεσμένους περσικὴν στολὴν ἀπὸ βλαττίου
καὶ χρυσομάνικα καλὰ εἰς τοὺς αὐτῶν τραχήλους·
θάτερος γυναικαδελφὸς σκουτάριν καὶ κοντάριν·
ἄλλοι δὲ τούτου συγγενεῖς ἔδωκαν ἄλλα πλεῖστα,
ὧν οὐκ ἐξὸν ἀπαριθμεῖν τὸ εἶδος τῶν πραγμάτων.

видимому, допуская единство основного, древняго, перевода (передѣлки)[1]).

По связи «Девгеніева дѣянія» со «Словомъ о полку Игоревѣ», намѣчавшейся въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано Вс. Ѳ. Миллеромъ, не могъ не коснуться «Девгенія» и Е. В. Барсовъ, который и посвятилъ цѣлый экскурсъ ему въ своемъ большомъ изслѣдованіи о «Словѣ о полку Игоревѣ» (Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси, I, М. 1887, 308—326). Здѣсь авторъ экскурса ставитъ два, дѣйствительно, существенныхъ для исторіи «Девгеніева дѣянія» на русской почвѣ вопроса: 1) точно ли извѣстный намъ списокъ повѣсти о Дигенисѣ (имѣется въ виду текстъ, найденный А. Н. Пыпинымъ) представляетъ непремѣнно изводъ болгарскій? 2) Когда появился у насъ этотъ изводъ: до или послѣ написанія «Слова о полку Игоревѣ»? На первый вопросъ Е. В. Барсовъ отвѣчаетъ, рѣшительно не соглашаясь съ В. Ѳ. Миллеромъ: существованіе болгарскаго перевода «Девгеніева дѣянія» не доказано; но для него несомнѣнно, во-первыхъ, то, что «извѣстный русскій списокъ этой повѣсти представляетъ такого рода *передѣлку* (повидимому, первоначальнаго *перевода*, «древнѣйшаго извода», строго отвѣчавшаго греческому оригиналу; ср. стр. 313)[2]), въ которой исключены всѣ романтическія сцены, любовныя похожденія, свиданія и объясненія, и въ которой гос-

---

1) Въ своей рецензіи на «Взглядъ» В. Ѳ. Миллера (Ж. М. Н. П. 1877, IX) Ор. Ѳ. Миллеръ, не отрицая книжной болгаро-византійской струи въ Словѣ о полку Игоревѣ, склоненъ признать даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ *сходство* его хотя бы и съ «Дигенисомъ», но онъ противъ *заимствованій* изъ него въ «Словѣ»; къ числу подобныхъ *сходствъ* Ор. Ѳ. Миллеръ относитъ exordium 4 книги греч. текста (Trap.) и вступительную часть Слова о полку Игоревѣ (стр. 43). Далѣе онъ сходится съ Вс. Ѳ., относя Слово о полку Игоревѣ и Галицко-волынскую лѣтопись къ одной и той же литературной школѣ (что̀, впрочемъ, уже раньше подмѣчалось Н. М. Карамзинымъ) (стр. 52). Сюда же, какъ увидимъ, присоединяется и нашъ «Девгеній» со стороны стиля.

2) А такимъ оригиналомъ Е. В. Б—въ считаетъ, повидимому, Trap. (?), сравнивая ниже именно съ нимъ отдѣльныя выражѐнія Пыпинскаго списка «Девгенія».

подствуетъ лишь *понятіе геройства и храбрости*, т. е. то *понятіе*, которое было главнымъ возбудителемъ и двигателемъ въ укладѣ и жизни Кіевской дружинной Руси», и, во-вторыхъ, то, что «въ стилѣ этой *передѣлки* преобладаютъ выраженія и обороты, общія произведеніямъ литературно-повѣствовательной школы Кіевской Руси» (стр. 312). Далѣе Барсовъ и пытается выдѣлить «нѣкоторыя выраженія, уцѣлѣвшія въ дошедшемъ до насъ спискѣ, кои стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ греческому подлиннику и потому могутъ быть отнесены къ изначальнымъ мѣстамъ древнѣйшаго своего извода» (313); выбравши эти мѣста [1]), онъ находитъ, что переданы они «лѣтописными выраженіями», т. е., по его мнѣнію, «языкомъ дружинной повѣствовательной школы»; тѣ-же «лѣтописныя выраженія» находитъ онъ и въ тѣхъ мѣстахъ *передѣлки*, кои не отвѣчаютъ греческому оригиналу. Такимъ образомъ Е. В. Барсовъ, отрицая существованіе болгарскаго текста «Девгенія» и его переводъ съ какого-либо отличнаго отъ извѣстнаго (Trap.) греческаго текста (какъ предполагалъ В. Ѳ. Миллеръ), какъ гипотезу, мало обоснованную, самъ допускаетъ существованіе теперь уже неизвѣстнаго *русскаго* перевода, сдѣланнаго въ Кіевской Руси, перевода точно передающаго дошедшій до насъ греческій текстъ (т. е. Trap.) и разсматриваетъ Пыпинскій текстъ, какъ *передѣлку* этого не дошедшаго *перевода*, сохранившую кое-что изъ этого перевода, т. е., строится также на гипотезѣ, обосновывая ее также гипотезой о полномъ соотвѣтствіи этого предполагаемаго «древнѣйшаго извода» греч. тексту, какъ онъ читается въ Trap. — Что касается второго вопроса — о времени перевода этого «древнѣйшаго извода», — Е. В. Барсовъ, на основаніи *стиля* повѣсти, несущаго на себѣ нѣкоторые, хотя и мало замѣтные, но весьма характерные слѣды, уцѣлѣвшіе въ передѣлкѣ, не находитъ основаній предѣлъ ея появленія возводить ранѣе XIII вѣка» (стр. 317, ср. 320), т. е.,

1) Отмѣтимъ при этомъ отъ себя, часто не стоящія въ непосредственномъ отношеніи мѣста къ греческому подлиннику, а лишь отдаленно ихъ напоминающія.

считаетъ появленіе «Девгеніева дѣянія» позднѣе «Слова о полку Игоревѣ», а потому аналогію, предлагаемую В. Ѳ. Миллеромъ, неправильной, допуская, скорѣе, обратное: стиль «Слова» долженъ былъ повліять на стиль *передѣлки* «Девгенія». Создавши гипотезу о «древнѣйшемъ изводѣ» повѣсти и считая Пыпинскій текстъ его передѣлкой, Барсовъ постоянно сбивается, говоря то о передѣлкѣ, то о переводѣ; вѣроятно, онъ говоритъ о тѣхъ мѣстахъ *передѣлки*, которыя уцѣлѣли безъ измѣненія изъ его «древнѣйшаго извода» повѣсти. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мнѣніе Е. В. Барсова о «Девгеніевомъ дѣяніи» не отличается большой опредѣленностью во всѣхъ своихъ частяхъ: одно, что онъ категорически утверждалъ, это—*русское* происхожденіе текста «Девгенія», того, который мы знаемъ въ текстѣ Пыпина. Отношенія же его къ греческому подлиннику остаются невыясненными; невыясненными остались и отношенія текста Пыпина къ тексту Мусина-Пушкина.

Позднѣйшій (въ «Исторіи русской словесности», II, 41—44) взглядъ на «Девгенія» А. Н. Пыпина новаго сравнительно съ тѣмъ, что было высказано еще въ 1858 г. имъ и позднѣе Веселовскимъ и Миллеромъ, не представляетъ, давая въ сжатой формѣ сводку этихъ взглядовъ; здѣсь только яснѣе и опредѣленнѣе онъ высказался о греческомъ текстѣ: «нашелся, если не самый оригиналъ, то очень близкое произведеніе» (стр. 41).... «въ основѣ славянскаго *перевода* могъ лежать особый греческій пересказъ» (стр. 43). Допуская такимъ образомъ существованіе пересказа еще на греческой почвѣ, а славянскій текстъ считая по прежнему переводомъ съ него, Александръ Николаевичъ относитъ, естественно, характерныя черты, отличающія славянскій текстъ отъ Трапезундскаго, на долю этого греческаго оригинала. Допускаетъ онъ въ то же время измѣненія и уже славянскаго текста; такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи его замѣчанія, что «текстъ новѣйшій (XVII—XVIII в., т. е. найденный имъ) впадаетъ въ тонъ русской книжной сказки» (стр. 41).

Дальнѣйшая разработка литературной исторіи «Девгеніева дѣянія» касается главнымъ образомъ не текста, а самого содержанія произведенія: уже въ 1875 г. въ своей статьѣ «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ» А. Н. Веселовскій указалъ на точки соприкосновенія отдѣльныхъ мотивовъ въ «Дигенисѣ» съ русскимъ духовнымъ стихомъ объ Аникѣ и смерти, высказавъ предположеніе о непосредственномъ вліяніи греческихъ народныхъ пѣсенъ—помимо книжной поэмы — на созданіе этого духовнаго стиха. Съ нимъ согласился И. В. Ягичъ, предположивъ возможный переходъ греческихъ народныхъ пѣсенъ въ качествѣ мотивовъ для стиховъ (als Erzählungsstoff) черезъ югъ славянства (Die chirstlich-mythologische Schicht in der russ. Volksepik—въ Arch. für slav. Phil. I, 1, S. 103). Это направленіе въ изученіи «Девгенія» продолжалъ И. Н. Ждановъ, развивъ детальнѣе картину взаимоотношеній «Девгенія» и русской устной поэзіи: кромѣ связей между Дигенисомъ и Аникой, онъ отмѣтилъ возможное вліяніе русскаго «Девгенія» на былину о Дюкѣ, именно, въ описаніи дворца Дюковой матушки (ср. описаніе дворца Дигениса на Ефратѣ) (Сочин. I, 569 и 730).

Въ январѣ 1890 года и въ области русскихъ текстовъ «Девгенія» произошло знаменательное событіе: на VIII Археол. съѣздѣ (въ Москвѣ) Н. С. Тихонравовъ доложилъ объ открытіи имъ еще новаго текста русской поэмы о Дигенисѣ: это была купленная имъ недавно въ Ярославлѣ[1]) рукопись-сборникъ — XVIII вѣка; здѣсь въ разныхъ мѣстахъ небольшого отрывочнаго сборника оказалось два куска «Девгенія», писанныхъ въ 1744 г. какимъ-то Семеномъ Малковымъ. Въ докладѣ своемъ[2]) объ этомъ открытіи

1) По личному сообщенію покойнаго Н. С. Т—а, въ кучѣ всякаго рукописнаго хлама. Теперь эта рукопись (за № 399) въ Рум. Музеѣ.

2) Напечатанъ въ Собраніи соч. Н. С. Т—а, I (1896), стр. 256—274. Н. С. Тихонравовъ, въ апрѣлѣ того же года повторилъ, съ небольшими измѣненіями, свой докладъ въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія рус. яз. и слов. А. Н. (См. Записки И. Акад. Наукъ, т. 63 (Спб. 1890). Протоколы Отдѣленія рус. яз. и сл. (янв.—май), стр. 158—159—краткое изложеніе доклада). Этотъ послѣдній докладъ остался не изданнымъ.

Н. С. Тихонравовъ опредѣленно высказался о «Девгеніи»: 1) найденный имъ текстъ есть поздняя копія той же редакціи текста, какая была въ погибшей рукописи Мусина-Пушкина, что видно изъ буквальнаго совпаденія текста С. Малкова съ отрывками, сохраненными Карамзинымъ; 2) текстъ, найденный Пыпинымъ, по редакціи отличенъ отъ текста Мусина-Пушкина и Малкова; 3) обѣ эти редакціи восходятъ къ различнымъ по редакціи текстамъ греческимъ: тогда какъ Мусинъ-Пушкинъ и Малковъ соотвѣтствуютъ той греческой редакціи, которая представлена Трапезундскимъ и др. той же группы (см. выше), текстъ Пыпина восходитъ къ редакціи, представителемъ которой является текстъ Crypto-Ferrat'скій; этому дѣленію на двѣ редакціи славянскаго текста соотвѣтствуетъ такое же дѣленіе греческихъ текстовъ: въ однихъ спискахъ на 10 книгъ, въ другихъ на 8, за свидѣтельствованное Дапонтесомъ (см. выше); 4) оригиналъ Мусина-Пушкина и Малкова по содержанію представлялъ отличія отъ извѣстныхъ греческихъ (императоръ, съ которымъ имѣлъ свиданіе Девгеній, въ извѣстныхъ греческихъ текстахъ носитъ имя Романа, въ Малковскомъ текстѣ онъ—Василій); эти отличія по характеру своему говорятъ за то, что этотъ оригиналъ Мусина-Пушкина и Малкова былъ старше, нежели тотъ, который лежитъ въ основѣ Трапез. и Крипто-Фер. 5) Для литературной исторіи «Девгеніева дѣянія» Н. С. Тихонравовъ указалъ на то, что появленіе его на русской почвѣ было подготовлено популярностью здѣсь этого имени, что засвидѣтельствовано аналогичными лѣтописными замѣтками; въ интересахъ той же исторіи имъ указана и та литературная компанія, въ которой оказался текстъ «Девгенія», въ его рукописи XVIII в.: популярно-народное сказочное апокрифическое мученіе Кирика и Улиты, Сказаніе о трехъ богатыряхъ, объ Ильѣ Муромцѣ и Михаилѣ Потыкѣ, проложное сказаніе о Матронѣ Ѳессалоникійской, Слово о бражникѣ, отрывокъ популярнаго житія Іосифа прекраснаго, статья о нравехъ и образехъ человѣческихъ (физіономика); такая компанія не случайна: она характеризуетъ взглядъ стараго книжника на «Девгенія».

Такимъ образомъ Тихонравовымъ впервые было указано, что въ старой русской литературѣ существовало *два* перевода (либо пересказа) «Девгеніева дѣянія», тогда какъ до сихъ поръ либо считались оба извѣстные текста (Мусинъ-Пушкинскій и Пыпинскій) за одинъ переводъ (А. Н. Веселовскій), либо за одинъ переводъ въ разныхъ, уже славяно-русскихъ, редакціяхъ (Вс. Миллеръ). Но болѣе точнаго обоснованія своему положенію не могъ дать и Н. С. Тихонравовъ: располагая текстомъ Трапезундскимъ (въ изд. Саѳы и Леграна), отрывками только и короткимъ пересказомъ Крипта-Ферратскаго (у Ламброса), да еще поздней передѣлкой Игнатія Петрициса (тамъ же), онъ долженъ былъ осторожно ограничиться лишь нѣсколькими примѣрами для указанія, что Пыпинскій текстъ восходитъ къ болѣе краткой греческой редакціи, Малковскій—къ болѣе пространной, оставивъ вопросъ о составѣ и чтеніяхъ греческихъ оригиналовъ нашихъ текстовъ открытымъ.

Уже послѣ работы Тихонравова сталъ извѣстенъ Крипто-ферратскій текстъ цѣликомъ (изд. Леграна, 1892) и еще позднѣе эскоріальскій (у Крумбахера). Эти тексты, особенно эскоріальскій въ освѣщеніи Крумбахера, подтвердили предположеніе Тихонравова о различныхъ (по крайней мѣрѣ двухъ) редакціяхъ греческаго «Дигениса», но и они не могли разрѣшить вопроса о тѣхъ редакціяхъ-архетипахъ, отъ которыхъ ведутъ въ концѣ концовъ свое происхожденіе, какъ греческіе извѣстные, такъ и славянскіе тексты. Въ частности, эскоріальскій текстъ показалъ, какъ велико могло быть разнообразіе по составу самихъ греческихъ текстовъ: близкій къ теперешнему Андросскому и Трапезундскому его прототипъ, какъ мы видѣли, далъ (въ концѣ) эпизодъ о смерти Девгенія въ чтеніи отличномъ отъ до сихъ поръ извѣстныхъ, навѣянный, какъ предположилъ К. Крумбахеръ, народными греческими о томъ же пѣснями (отличными въ данномъ случаѣ отъ тѣхъ, которыя зналъ составитель поэмы или тѣ редакторы, трудъ коихъ легъ въ основу дошедшихъ до насъ стихотворныхъ обработокъ дошедшихъ греческихъ текстовъ). Анало-

гичныя указанія для исторіи греческихъ текстовъ даетъ теперь текстъ Малкова своимъ эпизодомъ о царѣ Василіи (а не Романѣ), источникъ коего, однако, оставался не выясненнымъ византологами. Эскоріальскій же текстъ далъ и еще одну черту, не безполезную для исторіи греческихъ текстовъ: онъ, какъ знаемъ, не дѣлится на книги (λόγοι); аналогію къ этому мы находимъ и въ славянскихъ текстахъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что, подобно тексту Трапезундскому, группа Мусина-Пушкина и Малкова даетъ дѣленіе на главы: это показываютъ заголовки, выписанные въ изд. 1800 г. «Слова о полку Игоревѣ» (см. выше), а также сохраненные въ текстѣ Малкова, гдѣ, кромѣ заглавія всего произведенія (отличнаго отъ Пыпинскаго, въ данномъ случаѣ почти совпадающаго съ Мусинъ-Пушкинскимъ; см. «Очеркъ», стр. 85 и 316), уцѣлѣлъ еще заголовокъ одной изъ статей: «Сказаніе, како побѣди Девгеній Василія царя» (л. 16).

Такимъ образомъ открытіе Н. С. Тихонравова и его статья переводили вопросъ о славянскомъ «Девгеніи» въ иную плоскость, а отчасти должны были бы оказать вліяніе и на разработку самихъ греческихъ текстовъ «Дигениса»: въ зависимости отъ разрѣшенія вопроса о греческихъ прототипахъ стихотворныхъ обработокъ стоитъ разрѣшеніе вопроса о взаимоотношеніи, редакціяхъ и дошедшихъ славянскихъ текстовъ[1]).

---

1) Эта новая до извѣстной степени постановка вопроса о «Девгеніевомъ дѣяніи» и категорично выставленное положеніе о двухъ переводахъ «Девгенія» показались неубѣдительными П. В. Владимирову, который въ «Древнерусской литературѣ Кіевскаго періода» (Кіевъ, 1901) такъ опредѣлилъ соотношеніе между Мусинъ-Пушкинскимъ и Пыпинскимъ текстами: «Сравнивая Пыпинскій текстъ со отрывками Карамзина, мы видимъ значительныя отличія въ выраженіяхъ; текстъ XVII в. (правильнѣе, перв. пол. XVIII в. — М. С.), раздѣляя со старымъ текстомъ многія общія выраженія, отличается значительными подновленіями, какъ бы пересказомъ стараго текста» (стр. 93—94). Ясно, что П. В. Владимировъ признаетъ единство перевода (ср. А. Веселовскаго) и считаетъ Пыпинскій текстъ по редакціи въ связи съ переводомъ въ текстѣ Мусина-Пушкина: онъ есть измѣненіе, какъ бы пересказъ старшаго текста. Но въ тоже время статья Тихонравова заставила Владимирова нѣсколько ниже (стр. 97) отмѣтить (безъ оговорки, отчего получилось не объяснимое противорѣчіе въ конечномъ итогѣ): «Различіе текстовъ

Но въ своей работѣ Тихонравовъ, всетаки, оставилъ въ сторонѣ одинъ изъ довольно крупныхъ вопросовъ въ литературной исторіи «Девгеніева дѣянія»: о пути и времени перехода къ намъ греческой темы и самого произведенія.

Относительно темы, конечно, колебанія быть не могло: изъ доклада Н. С. Тихонравова выходило, что въ давности ея, по крайней мѣрѣ, имени героя, онъ не сомнѣвается; также косвеннымъ путемъ можно заключать, что онъ допускаетъ и давнее и

Мусинъ-Пушкина и Малкова съ Пыпинскимъ приводятъ Тихонравова къ предположенію о двухъ редакціяхъ перевода (двухъ переводахъ двухъ редакцій греческаго текста?) «Дѣянія Девгенія» въ древней Руси». Существенно новаго, т. о., въ представленіи Владимирова о «Дѣяніи Девгенія» ничего нѣтъ, если не считать явившееся, явно, результатомъ какого-то недоразумѣнія замѣчаніе его о греческихъ текста «Дигениса»: «Новогреческія пѣсни объ Акритѣ произошли отъ старинной византійской поэмы X вѣка».

Н. С. Тихонравовъ такъ формулировалъ свои наблюденія надъ новооткрытымъ текстомъ «Девгенія»: 1) рукопись эта доказываетъ, несомнѣнно, существованіе болѣе древней редакціи поэмы, чѣмъ представляемая Трапезундской рукописью, которая оставляетъ изъ древняго текста немногія черты; 2) она сохраняетъ такія черты преданія, которыя стерты въ позднѣйшей обработкѣ поэмы; 3) представляетъ въ *русскомъ переводѣ* такіе эпизоды греческой поэмы, которые пока не найдены въ греческомъ подлинникѣ (Соч. I, 274). Относительно же исторіи самого «Девгеніева дѣянія» Н. С. Тихонравовъ долженъ былъ ограничиться лишь замѣчаніемъ: «Мы не имѣемъ пока никакихъ данныхъ о времени появленія въ древнерусской литературѣ Девгеніева дѣянія» (стр. 261).

Для полноты обзора свѣдѣній, касающихся найденнаго Н. С. Тихонравовымъ текста «Девгеніева дѣянія», слѣдуетъ упомянуть о замѣткѣ А. Н. Пыпина, брошенной вскользь въ его «Исторіи русской этнографіи» (Спб. 1891, т. II); характеризуя рукописное собраніе Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпинъ указываетъ: «ему (Тихонравову) удалось встрѣтить замѣчательную *народную редакцію* рѣдкаго памятника старой русской повѣсти, извѣстнаго подъ названіемъ «Девгеніева дѣянія», которое до сихъ поръ было извѣстно только въ одномъ спискѣ» (т. е. найденномъ имъ, Пыпинымъ, не считая погибшій текстъ Мусина-Пушкина?). Что подразумѣвалъ А. Н. Пыпинъ подъ «народной редакціей», не вполнѣ ясно, да и едва-ли текстъ Малкова, какъ увидимъ ниже, можно назвать такъ сравнительно съ найденнымъ самимъ А. Н. Пыпинымъ. Далѣе тамъ же: «въ 1890 г. . . . найденъ былъ г. Тихонравовымъ второй списокъ этого сказанія, новѣйшаго *простонароднаго письма*, но со стараго подлинника, съ любопытными архаическими варіантами. Этотъ новый текстъ долженъ появиться въ изданіяхъ Второго отдѣленія Академіи» (стр. 142 и 143, прим. 1). И эта замѣтка, говоря лишь о «простонародномъ письмѣ» рукописи, мало объясняетъ «народность» редакціи.

даже весьма раннее появленіе и самого «Девгеніева дѣянія» на русской почвѣ. Это особенно представляется вѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что «Девгеніево дѣяніе», какъ и переводъ Сказанія объ осадѣ и взятіи Іерусалима (Іосифа Флавія), Н. С. Тихонравовъ относилъ къ числу тѣхъ «воинскихъ» повѣстей переводнаго характера, къ которому—но, разумѣется, уже какъ оригинальное—принадлежало «Слово о полку Игоревѣ». Въ тоже время хронологическаго соотношенія обѣихъ переводныхъ редакцій «Девгенія» онъ въ своемъ докладѣ не коснулся, хотя можетъ быть и можно предположить, что первенство онъ отдавалъ, повидимому, тексту Мусина-Пушкина и Малкова передъ Пыпинскимъ. Также остался въ сторонѣ, по ходу мыслей въ рефератѣ (имѣвшемъ главнымъ образомъ цѣлью сообщить объ открытіи и оцѣнить значеніе текста Малкова въ научномъ отношеніи), и вопросъ о пути, какимъ пришло къ намъ «Девгеніево дѣяніе»: повидимому, и Тихонравовъ принималъ, какъ обычный для нашей письменности древнѣйшаго періода, путь черезъ югославянское посредство (хотя въ резюме доклада онъ говоритъ о русскомъ переводѣ «Девгеніи», см. предыд. прим.). На эти оба вопроса далъ отвѣтъ А. И. Соболевскій въ своей статьѣ «Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода» (Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи, гл. VIII. — Сборн. Отд. рус. яз. и слов. А. Н., т. 88, стр. 175), отнеся текстъ Пыпина къ числу переводовъ *прямо на русскій,* на основаніи словарнаго матеріала текста (сюда отнесены: фарь, фарижъ кметь, братанець, какъ спеціально русскія слова; ср. тамъ же, стр. 190). «Пространный» текстъ «Девгеніева дѣянія», представляемый рукописью Малкова, А. И. Соболевскій отнесъ также къ числу переводовъ, повидимому, до-монгольскаго времени.

Въ послѣднее время коснулся «Девгеніева дѣянія» Н. Серебрянскій въ своей работѣ «Древнерусскія княжескія житія» (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. росс. 1915 г., I, стр. 186—190), именно: имъ намѣчена предположительно путемъ сопоставленій

связь житія Александра Невскаго (XIII в.) съ «Девгеніемъ», показывающая, что автору житія было знакомо между прочимъ и «Дѣяніе» (187). Этимъ устанавливалась, такимъ образомъ, довольно значительная древность самого текста «Девгеніева дѣянія» на русской почвѣ; въ примѣчаніи (3-е къ стр. 187) онъ пытается дать и общее обоснованіе своему предположенію: «мнѣ думается, говоритъ онъ, что если мы будемъ настаивать на раннемъ, при томъ самостоятельномъ, переводѣ повѣсти Іосифа Флавія[1]), то тѣмъ болѣе мы въ правѣ будемъ допустить раннее проникновеніе въ русскую литературу такихъ сочиненій, какъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ или о Троянскомъ плѣненіи. Сочиненія І. Флавія могли остановить на себѣ вниманіе славянскихъ писателей своею близостью къ библейской литературѣ, Повѣсти— ихъ міровымъ, общечеловѣческимъ значеніемъ и интересомъ». Къ категоріи этихъ Повѣстей Н. Серебрянскій относитъ, повидимому, и «Девгеніево дѣяніе».

Вотъ приблизительно все, что до сихъ поръ было сдѣлано по изученію греческаго и славяно-русскаго «Дигениса». Обзоръ этотъ, какъ видимъ, показываетъ, въ какомъ положеніи находится теперь вопросъ о литературной исторіи нашего «Девгенія»? Вопросъ о переводѣ рѣшенъ только въ одномъ отношеніи: онъ сдѣланъ съ греческаго, но качества этого перевода остаются неясными: есть ли *одинъ* переводъ или *два*, есть ли это переводъ или пересказъ, былъ ли переводъ, а затѣмъ пересказъ, или передъ нами два пересказа—все это еще не установлено окончательно. Остается открытымъ и путь перехода «Девгенія»: должны ли мы предположить обычное юго-славянское посредство, или допустить переводъ прямо на русскій, примѣры чему мы знаемъ въ другихъ случаяхъ?

Древность перехода, если судить по языку и фразеологіи текстовъ, меньше, нежели другіе моменты литературной исторіи

1) А ея переводъ прямо на русскій относятъ (Е. В. Барсовъ) ко времени не позднѣе XI—XII вѣка; А. И. Соболевскій (Сборн. отд. рус. яз. А. Н. 88, стр. 169) также занесъ его въ списокъ переводовъ до-монгольскаго времени.

«Девгенія», вызываетъ сомнѣній, но все же не можетъ счесться точно опредѣленной.

Появленіе новаго греческаго матеріала — полное изданіе Crypto-Ferrat'скаго текста, находка текста Эскоріальскаго — еще не привело къ возсозданію исторіи поэмы о Дигенисѣ на греческой почвѣ, а это значительно затрудняетъ и рѣшеніе соотвѣтствующихъ вопросовъ и по отношенію къ славяно-русскому «Девгенію». Тѣмъ не менѣе, даже при томъ матеріалѣ, который мы теперь имѣетъ въ видѣ не только вновь открытыхъ греческихъ текстовъ, но также и текста Малкова, попытка двинуться впередъ не лишена своего значенія и законности.

I.

На первомъ мѣстѣ, естественно, долженъ быть еще разъ поставленъ вопросъ о взаимоотношеніи славяно-русскихъ текстовъ: М.-Пушк. (М.), Пыпинскаго (П.) и Тихонравовскаго (Т.). Проще всего рѣшается дѣло касательно М. и Т., которые, какъ указалъ уже Тихонравовъ, совпадаютъ, т. е., восходятъ къ одному основному[1]): отрывки (за исключеніемъ одного, которому въ отрывкахъ Тихонравова, соотвѣтствующаго не сохранилось) М. вполнѣ совпадаютъ съ Т.; намѣчающіеся варіанты — мелочные и такого свойства, что нарушить единства редакціи обоихъ текстовъ никоимъ образомъ не могутъ. Сюда относятся, напр., такіе, гдѣ Т., какъ текстъ XVIII в., вообще болѣе склонный къ обычной книжной фразеологіи, даетъ въ тоже время болѣе обычную позднюю форму вмѣсто оригинальной и болѣе архаичной по употребленію Мусина-Пушкина; напр.:

1) Разумѣется въ предѣлахъ соотвѣтствія самого текста по содержанію.

Текстъ XVI в.	*Текстъ 1744 г.*
гораздо	вельми
дѣва	дѣвица
только, толико	токмо
старости твоея дѣля пожалую	старость твою пощажу
бѣ	бысть
пода	дасть
всякый звѣрь	вся звѣри
бръже.	быстрѣе.

Или же это — замѣна менѣе понятнаго выраженія болѣе обыкновеннымъ: похупается — покушается; на знамени мѣсто — за знаменія; хошу возложити (будущ. вр.) — возложу.

То это—просто случайные механическіе пропуски то того, то другого текста: ихъ — у нихъ, сѣдла и узды—сѣдла; шатра — у шатра; кажи—скажи; непроизвольныя измѣненія: чрьвленою паволокою — паволоками червлеными; сюда же относятся пропуски словъ, явно, по небрежности: шуринъ уноша — шуринъ; такого же рода объясненіе получаетъ (м. б. также и палеографическое) разница въ цифрахъ: 50—70 (н—п.), 20—50 (к—н). Наконецъ, нѣкоторыя разночтенія (ихъ три въ совпадающихъ по содержанію отрывкахъ) показываютъ простую перефразировку одного и того же текста (въ сп. XVIII в. или XVI-го, сказать, за неимѣніемъ точнаго греческаго чтенія для этихъ мѣстъ, едва-ли возможно опредѣленно), не внося редакціоннаго различія:

1) Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ гораздо на немъ играетъ (М.).	Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ вельми на немъ крѣпко сѣдяще и всяческимъ оружіемъ играше и храбро скакаше (Т.).
2) Како дръзость яви уноша, како лось нагони бръже фаря бръзаго (М.).	Какова дерзость явисъ млада отрочати, кто (?) лося догна быстрѣе льва.

«Левъ», видимо, попалъ потому, что раньше была рѣчь о немъ; написавши, вм. «како дръзость», — «какова дерзость», — естественно писецъ вм. «яви» долженъ былъ написать: «явисъ», и сообразно съ этимъ передѣлать въ остальномъ конструкцію.

3) Нѣтъ (М.). иныя дары многи дасть ему (Т.).

Можетъ быть, естественное прибавленіе послѣ перечня даровъ; съ такимъ же правомъ это могло быть опущено и въ М.

Такимъ образомъ ни одно изъ разночтеній между этими списками не можетъ быть сочтено ни редакціоннымъ, ни указаніемъ на различные оригиналы: переводъ остается одинъ и тотъ же.

Гораздо труднѣе объяснить болѣе сложное соотношеніе между М. и Т. съ одной стороны и П. — съ другой: если, вмѣстѣ съ Тихонравовымъ, приходится признать различіе между ними по самому составу, распредѣленію деталей содержанія, то въ тоже время при сличеніи аналогичныхъ мѣстъ нельзя не обратить вниманіе на какія-то подозрительныя совпаденія въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, нельзя не замѣтить какихъ-то точекъ соприкосновенія во фразеологіи текстовъ; но совпаденія эти въ тоже время не настолько на первый взглядъ показательны, чтобы можно было увѣренно говорить о связи текстовъ редакціонной (ср. П. В. Владимирова).

Сопоставленіе М. Т. и П. возможно вполнѣ лишь на небольшомъ пространствѣ: 1) въ разсказѣ объ Амирѣ и его переселеніи въ землю Греческую; (П. стр. 323 и выписка Карамзина); 2) въ разсказѣ о первыхъ подвигахъ Девгенія (П. стр. 326—327 и Т. л. 31—33 об.); 3) начало разсказа о похищеніи Стратиговны (П. стр. 331—332 и Т. л. 9—9 об.) и 4) наконецъ, самое заглавіе текста (П. стр. 316 и выписка въ изд. Слова о полку Игоревѣ 1800 г.).

I. Въ первомъ отрывкѣ дѣло представляется ближайшимъ образомъ такъ: Амиръ, принявшій уже крещеніе и женившійся на дѣвицѣ, имъ первоначально похищенной, возвращается по зову матери въ Срацынскую землю, обманомъ желаетъ вернуться къ

женѣ и ея братьямъ въ Греческую землю: оставивши управленіе государствомъ своему брату, якобы временно, собираетъ войско, свои богатства, хочетъ якобы идти войной на Греческую землю, доходитъ до границы (дальше сравниваемые отрывки). Здѣсь Амиръ спрашиваетъ Срацынъ: желаютъ ли они идти воевать Греческую землю? Одинъ изъ Аравитянъ, съ замками на устахъ (здѣсь кончается отрывокъ М.) выражаетъ сомнѣніе въ успѣхѣ: если одинъ изъ братьевъ (его жены) его побѣдилъ, то всѣ трое вмѣстѣ покорятъ ихъ всѣхъ и всю землю. Амиръ, пославъ впередъ свои богатства, самъ съ немногими «кметями» уходитъ въ Греческую землю, гдѣ его встрѣчаютъ жена и ея братья. По содержанію отрывокъ въ обоихъ сравниваемыхъ текстахъ одинаковъ (вѣроятно и остальное — оно не сохранено въ Т. и М. — также, судя по связи мыслей въ П., въ общемъ довольно стройно передающемъ разсказъ); въ чтеніяхъ же оба текста, М. и П., расходятся, представляя, однако, точки соприкосновенія во фразеологіи [1]).

Ста Амера на сумежіи грецкой земли и рече: «Боярство мое великое, сынове Аравитьстіи! имѣете ли дръзость на гречскую землю, противу тъи силѣ плъки поставити?» И единъ Аравитянинъ велегласно рече: . . . . . . устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многи жуковины, а по конецъ носа 12 замка замчена (М.).

Доиде же Амиръ царь до сумежія греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ: «Братія моя милая, силніи и храбріи Аравитяне, кто хощетъ со мною дерзость творить, той поиди со мною въ греческую землю пакости творити». И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, въ устѣхъ имѣя у себя 12 замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю (П.).

Какъ видимъ, при одинаковости содержанія, отрывки различно передаютъ его, при чемъ самый образъ Аравитянина въ спискѣ М. обрисованъ детальнѣе, нежели въ П.. Греческіе,

1) Я ихъ подчеркиваю, въ интересахъ слѣдующаго.

намъ извѣстные тексты обѣихъ разновидностей, Trap. и Crypto-Fer., какъ разъ этого эпизода не знаютъ (см. λόγος γ'): такимъ образомъ оба текста русскіе, независимо отъ ихъ взаимоотношенія, даютъ еще разъ доказательство тому, что существовала такая старая обработка греческаго текста, которая не совпадала съ архетипомъ ни Trap., ни Crypto-Fer. Еще большее подтвержденіе этому, хотя поддерживаемое однимъ П., находимъ въ общемъ изложеніи всего эпизода о крещеніи матери Амира и возвращеніи въ Романію (Грецію) Амира. Греческій текстъ Trap.-Anrd. (которому въ общемъ, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, соотвѣтствуютъ М. и Т.), содержащій разсказъ объ этомъ въ третьей книгѣ (по Andr., ст. 623—1285, по Trap. 173—759), даетъ такую схему. Мать Амира, узнавши объ измѣнѣ сына, посылаетъ ему гнѣвное, полное упрековъ и печали, письмо, гдѣ напоминаетъ ему про славу, доблесть и вѣрность пророку его отца, дяди, которую онъ промѣнялъ на любовь чужестранки, умоляетъ его возвратиться въ Сирію, посылаетъ ему чудеснаго чернаго коня. Письмо тайно передано Амиру, онъ сильно встревоженъ, колеблется между любовью къ матери и женѣ, сообщаетъ женѣ о письмѣ матери, своемъ намѣреніи ѣхать, зоветъ жену съ собой, обѣщая вмѣстѣ съ нею вернуться послѣ свиданія домой. Планъ держится въ тайнѣ. Но все раскрывается во снѣ, который видитъ младшій изъ братьевъ жены Амира: находятъ посланныхъ съ письмомъ арабовъ, изобличаютъ Амира. Подозрѣвая измѣну жены, онъ осыпаетъ ее упреками, боится быть убитымъ братьями жены; она примиряетъ ихъ съ нимъ. Амиръ готовится въ путь, поклявшись вернуться. По дорогѣ онъ удивляетъ свою свиту, убивая свирѣпаго льва, когти котораго и клыки беретъ себѣ для подарка Василію Дигенису Акриту, когда онъ вернется назадъ. Онъ подъѣзжаетъ къ Эдессѣ, его съ радостью встрѣчаетъ мать, ведетъ во дворецъ, гдѣ они пьютъ, ѣдятъ, веселятся. Слѣдуетъ разговоръ съ матерью: на вопросъ, почему онъ долго не возвращался, Амиръ разсказываетъ ей, какъ онъ чуть было не погибъ, когда раскрылась тайна относительно письма. Затѣмъ онъ наединѣ

матери сообщаетъ о томъ, какъ онъ убѣдился въ истинности христіанства, сталъ христіаниномъ, въ чемъ убѣждаетъ и мать, давши свое исповѣданіе вѣры. Мать убѣждена, увѣровала, онъ ее поучаетъ. Она рѣшается ѣхать съ сыномъ въ Романію и принять тамъ крещеніе. Они ѣдутъ въ Багдадъ, тамъ отпускаютъ плѣнниковъ, рабовъ, Амиръ оттуда шлетъ богатые дары (перечень) женѣ, затѣмъ направляются всѣ въ Каппадокію, прибываютъ въ домъ жены. Онъ входитъ въ комнату жены, всѣ удаляются изъ почтенія къ нему. О прибытіи его узнаютъ ея братья, идутъ въ домъ, но, не желая мѣшать нѣжной встрѣчѣ супруговъ, скромно остаются внѣ дома. Приносятъ маленькаго Дигениса. Амиръ отпускаетъ, одаривши щедро, своихъ спутниковъ домой, а самъ остается съ женой, матерью и шурьями.

Схема же эпизода въ П. (соотв., по Тихонравову, Crypto-Fer.) предполагаетъ редакцію: Амиръ, давши обѣщаніе креститься, чтобы стать «съ великой честью» зятемъ братьевъ, отправляется (стало быть, до крещенія) домой къ матери и брату, которымъ разсказываетъ, что онъ полонилъ себѣ дѣвицу, но меньшій ея братъ ее отбилъ; онъ, де, уступилъ, боясь, что если всѣ три брата будутъ воевать, вся земля Срацынская покорена будетъ. Мать съ гнѣвомъ упрекаетъ его въ трусости, напоминая о сильныхъ кметахъ, которые у Срацынъ есть, велитъ ему собрать ихъ, завоевать Греческую землю, а дѣвицу привести къ ней. Амиръ притворно соглашается, передаетъ царство брату, а самъ собираетъ не только войско, но и большія богатства и двигается къ греческимъ предѣламъ. Здѣсь происходитъ разговоръ съ мужемъ Срацыниномъ съ замками на устахъ. Амиръ посылаетъ впередъ свои богатства, а самъ съ небольшимъ числомъ кметовъ идетъ туда же слѣдомъ въ Греческую землю. Его встрѣчаютъ братья его будущей жены, признаютъ зятемъ. Братья, двое, съ сестрой ѣдутъ ночью впередъ и приходятъ къ матери и извѣщаютъ, что меньшій братъ съ зятемъ, котораго надо крестить, прибудутъ слѣдомъ. Его креститъ патріархъ въ Ефратѣ. Затѣмъ свадьба и торжества втеченіе 3 мѣсяцевъ. Мать узнаетъ о крещеніи

сына, собираетъ войско, чтобы идти на грековъ; но войско, согласное воевать, предлагаетъ прежде отвезти ему письмо («книги»). Она даетъ посламъ трехъ коней чудесныхъ: Вѣтреницу, Громъ и Молнію. Срацыны съ письмомъ тайно подходятъ къ городу (гдѣ живетъ Амиръ). Въ туже ночь царица (жена Амира) видитъ вѣщій сонъ, сообщаетъ братьямъ; братьямъ волхвы истолковываютъ сонъ: Срацыны съ письмомъ найдены, на Амира сыплются упреки. Амиръ коней даритъ братьямъ. Тутъ же предсказаніе волхвовъ о рожденіи Девгенія. Рожденіе его, крещеніе патріархомъ.

Такимъ образомъ, схема нѣсколько иная: Амиръ крещенъ и уже нѣсколько мѣсяцевъ живетъ съ женой, затѣмъ получаетъ письмо отъ матери, ѣдетъ съ ней повидаться, хитростью переправляетъ свои богатства въ Грецію; самъ также хитростью уходитъ отъ своихъ; объ обращеніи матери рѣчи нѣтъ; за то есть мелочи, которыхъ нѣтъ въ первой схемѣ: крещеніе Амира патріархомъ, вѣщій сонъ видитъ не одинъ изъ братьевъ, а сама жена Амира, есть эпизодъ о волхвахъ (первая схема предполагаетъ рожденіе Дигениса еще до поѣздки Амира къ матери, либо въ его отсутствіе), мужъ съ замками на устахъ; за то во второй схемѣ нѣтъ эпизода со львомъ, переселенія матери Амира въ Греческую землю и т. п.

Все это показываетъ, что для П. мы обязаны предположить такой оригиналъ, который отличенъ не только отъ Трап., но и отъ Crypto-Fer., гдѣ изложеніе этого мѣста близко къ Trap. Косвенное доказательство тому же даетъ переложеніе Петрициса, имѣвшаго въ основѣ текстъ типа Crypto-Fer.: онъ по существу въ своемъ бездарномъ переложеніи сходится съ Trap.; но даетъ кое-какія подробности, нашедшіеся въ П. и не встрѣченныя въ Trap. и Crypto-Fer.; напр. и у него мать посылаетъ вмѣстѣ съ письмомъ Амиру трехъ коней (хотя нѣтъ ихъ названій и указанія на чудесныя ихъ свойства, какъ въ П.), о которыхъ нѣтъ рѣчи въ Trap.:

Τρία ἄλογα μοῦ ἤστειλεν γία νὰ καβαλλικεύσω (679).

Безъ текста въ родѣ П. эта фраза у Петрициса совершенно не понятна.

Такимъ образомъ, анализъ этого эпизода можетъ указывать: 1) М. Т. и П. представляютъ редакціонныя различія; 2) оба въ свою очередь отклонялись, какъ отъ группы Trap., такъ и Crypto-Fer., имѣя эпизоды, не находимые ни въ томъ, ни въ другомъ.

II. Второй изъ аналогичныхъ по содержанію отрывковъ въ Т. и П. касается первыхъ подвиговъ Девгенія, совершенныхъ имъ на охотѣ за дикими звѣрями; онъ соотвѣтствуетъ въ общемъ первой половинѣ четвертой книги Trap. (861—1020) = Andr. 1396—1557) и Cr.-Fer. (IV, 72—253) [1]).

Не выписывая обоихъ отрывковъ параллельно, приведу результатъ ихъ сличенія. Прежде всего замѣчаемъ, что, несмотря на близость общаго содержанія, Т. и П. расходятся въ расположеніи самого матеріала; вотъ схема разсказа въ Т. и П. [2]):

1) Девгеній 12 лѣтъ мечемъ играетъ, 13 копьемъ, 14—покушается побѣждать звѣря.	1) 11 и 12 копьемъ играетъ, 13—на коняхъ ѣздитъ, 14—охотится безъ оружія.
2) Просьба къ отцу ѣхать съ нимъ на ловъ.	2) Описаніе наружности Девгенія (ср. въ Т. 11).
3) Сборы и выѣздъ.	3) Просьба къ отцу объ охотѣ.
4) Охота на зайцевъ и лисицъ.	4) Сборъ и выѣздъ.
5) Охота въ пустынѣ.	5) Охота на зайцевъ со псами.
6) Девгеній душитъ руками медвѣдицу.	6) Охота въ «пустыхъ лѣсахъ».
7) Убиваетъ (отрываетъ голову) медвѣдя.	7) Убіеніе лося (раздираетъ на двое) (ср. въ Т. 3).
8) Убиваетъ лося.	8) Убіеніе медвѣдя.

1) Въ передѣлкѣ Петрициса также кн. 4, ст. 1259—1390. Въ Crypto-Fer. 4 книга обнимаетъ, въ сжатомъ видѣ содержаніе 4-й и 5-й книгъ Trap.-Andr.

2) Въ П. есть несомнѣнные два пропуска въ текстѣ: послѣ слова «нудить» у Пыпина (326, строка 15) пропущено, въ чемъ состоитъ просьба Девгенія къ отцу (безъ чего не понятенъ отвѣтъ отца); послѣ слова «мыслити» (326, строка 16) опущенъ отвѣтъ Девгенія.

9) Убиваетъ лютаго звѣря.	9) Убіеніе лютаго звѣря.
10) Отецъ въ восторгѣ цѣлуетъ Девгенія.	10) Восторгъ отца.
11) Описаніе наружности Девгенія.	11) Отецъ зоветъ къ чудесному источнику.
12) Отецъ зоветъ къ чудесному источнику.	12) Появленіе *четырехъ-головаго* змѣя и убіеніе его Девгеніемъ.
13) Появленіе *трехъ-главаго* змѣя и убіеніе его Девгеніемъ.	13) Восторгъ зрителей (ср. въ Т. 14: иначе).
14) Восторгъ зрителей.	14) Описаніе одежды Девгенія.
15) Описаніе одежды Девгенія.	15) Возвращеніе домой.
16) Возвращеніе домой.	
17) Описаніе коня Девгенія.	

Простое сопоставленіе между собой этихъ схемъ отрывка (въ лѣвомъ столбцѣ — Т., въ правомъ П.) уже показываетъ разницу между этими текстами: 1) въ П. по содержанію разсказъ короче, не имѣя нѣкоторыхъ эпизодовъ, находящихся въ Т. (убіеніе медвѣдя—№ 6 въ Т., описаніе коня—№ 17); 2) порядокъ сходныхъ эпизодовъ нѣсколько иной въ П., нежели въ Т. (описаніе наружности Девгенія въ П. на 2 мѣстѣ, въ Т.—на 11-мъ; охота на лося и медвѣдя — въ обратномъ порядкѣ); 3) въ аналогичныхъ эпизодахъ разница въ деталяхъ (въ Т.—охота на зайцевъ и лисицъ, въ П. — только на зайцевъ; разсказъ о быстромъ развитіи Девгенія (№ 1) съ различнымъ счетомъ лѣтъ, змій—въ одномъ трехглавый, въ другомъ четвероглавый). Таже разница обнаруживается и при текстуальномъ сравненіи, напр.:

1) Еще еси, сыну мой, младъ, о ловѣхъ не молви, понеже жаль ми тебе млада нудити (Т.).	1) Чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити (П.)
2) Слышавъ Девгеній поско-	2) видѣ прекрасный Д. лося

чи, яко левъ и догнавъ лося, похвати его за задніе ноги, на двое раздра.

бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзые.... борзаго фарыжа, и догнавъ, ухнативъ его за задніе ноги и раздра его на двое.

3) Бѣ бо юноша возрастомъ велми лѣпъ, паче мѣры, а власы имуще кудрявы и очи велики, гораздо нань зрѣти, лице жъ его, яко снѣгъ, и румяно, яко червецъ, брови же черны имяше, перси жъ его сажени шире.

3) Самъ же юноша красенъ велми, лице же его, яко снѣгъ, а румяно, яко маковъ цвѣтъ, власы же его, яко злато, очи же его велми великіи, яко чашы, пристрашно зрѣти на него.

4) Во источницѣ бо томъ свѣти (?) а вода, яко свѣща, свѣтится, и не смѣяше бо къ водѣ той отъ храбрыхъ пріитъти никто, понеже бяху мнози чюдеса: въ водѣ той змѣи великъ живяше.

4) Есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріитьти, понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся.

5) вси предстоящи почюдишася такой дерзости (юже?) юноша показа на лютомъ звѣри.

вси людіе и дивишася чюдеси его.

6) исподни жъ быша хладари, а верхни бяху черны сухимъ златомъ тканы, а предрукавіе драгимъ жемчюгомъ сажены, а наколѣнники его бяху драгая паволока, а сапоги его вси златы, сажены драгимъ жемчюгомъ и каменіемъ алинг-наретомъ, острози его виты златомъ со измарагдомъ каменіемъ.

и положиша на него драгоцѣнныя порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ.

7) Бысть же Девгеніевъ

Отецъ же его избра ему

конь бѣлъ, яко голубь, грива же у него плетена драгимъ каменіемъ, и среди каменія звонцы златы и отъ умноженія звонцовъ и отъ каменей драгихъ велелюбезны гласъ исхождаше на издивленіе всѣмъ; на лядвияхъ коневыхъ драгою паволокою покрыто (лѣтняго ради праха), а узда его бысть златомъ кована со измарагдомъ и каменіемъ, конь же его борзъ и гораздъ играти.	конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ человѣчь не можетъ смыслить; а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданіи умъ человѣчь исхититца.

Сверхъ того нельзя не замѣтить, что разсказъ въ «Девгеніи» по Т. носитъ опредѣленно благочестивый характеръ: такъ, на слова отца, что рано ему ѣздить на опасную охоту, Д. отвѣчаетъ: «тѣмъ, отче, не пуди (ркп. поди) мене, понеже имамъ упованіе на сотворшаго Бога, яко нѣсть ми нуды въ томъ, но великое утѣшеніе» (въ П. отвѣтъ Д., явно, опущенъ); Девгеній пошелъ въ пустыню: «сниде съ коня, яко соколъ млады, на божію силу надѣясь»; за разсказомъ объ убіеніи слѣдуетъ: «о чюдо преславно! божіимъ дарованіемъ кто сему не дивится, какова дерзость явись млада отрочати: кто лося догна быстрѣе лва (фаря борзаго) отъ Бога надо всѣмъ силу имѣти»; на предупрежденіе стрыя о приближеніи лютаго звѣря Д. отвѣчаетъ: «Господине стрыю, (надѣю)съ на Творца и на его величіе Божіе и молитву матерню, яжъ мя породи». Всѣ эти «благочестивыя» мѣста въ П. отсутствуютъ. Еще одно довольно характерное отличіе П. отъ Т. не излишне отмѣтить: въ отрывкѣ П. нѣтъ нигдѣ упоминанія о стрыяхъ Девгенія («братаничи» его матери), тогда какъ эти «стрыи» играютъ роль въ текстѣ Т.: они участвуютъ въ охотѣ на лисицъ и зайцевъ (въ началѣ эпизода), стрый предупреждаетъ Д. о лютомъ звѣрѣ, совѣтуетъ бросить убитыхъ ранѣе

звѣрей (этотъ совѣтъ въ П. вложенъ въ уста отца), ему же даетъ свой отвѣтъ (см. выше) Девгеній; къ нему же обращается и отецъ, выражая свой восторгъ послѣ побѣды Девгенія надъ лютымъ звѣремъ: «виждь, стрыю, величія божія, како разсѣченъ бысть левъ....».

Т. о. мы видимъ рядъ редакціонныхъ различій между текстами[1]) П. и Т.; какого рода это различіе, покажетъ болѣе детальный анализъ этихъ текстовъ. Обращаясь къ греческимъ стихотворнымъ текстамъ «Дигениса», мы замѣтимъ, что текстъ Т. стоитъ по схемѣ ближе всего къ Trap.[2]); схема его таже, что въ Т.: также принимаетъ участіе дядя (γυναικάδελφος (т. е. Амира), χρυσὸς Κωνσταντῖνος, далѣе имени нѣтъ, только θεῖος); также на лицо разговоръ передъ охотой, тотъ же порядокъ (отличный отъ П.) убитыхъ звѣрей, описаніе наружности Девгенія въ концѣ отрывка (не въ началѣ, какъ въ П.), коня Девгенія (также въ концѣ). Кромѣ того, по мѣстамъ сходство доходитъ почти до текстуальнаго, что̀ показываетъ, что въ основѣ текста Т. и греч. Trap. лежали въ этомъ мѣстѣ тексты, очень близкіе между собой (т. е. нашъ текстъ въ переводѣ, греческій при обработкѣ въ стихахъ — сохранили оба болѣе или менѣе неприкосновеннымъ свой оригиналъ); вотъ нѣсколько такихъ мѣстъ:

1) кто сему не дивится, какова дерзость явись млада отрочати? кто лося догна быстрѣе льва (фаря бръзаго), отъ Бога надъ всѣмъ силу имѣти, како побѣди медвѣди безъ оружія! О чюдо преславно видимъ (о) юноши 14 лѣтъ возрастомъ

Τίς οὐ θαυμάσει μέγεθος θεοῦ τῶν χαρισμάτων, καὶ τὴν φοβερὰν δύναμιν ἐκείνου τὴν μεγάλην[1]); ἅπας γὰρ νοῦς ἀνθρώπινος ἐκπλήττει τὸ τοσοῦτον[2]), πῶς τὴν ἐλαφίνα ἔφθασεν παιδίον χωρὶς ἵππου, πῶς τοὺς ἄρκους ἔκτεινεν ἐν χερσὶ χωρὶς ῥάβδου[3])...

1) Ср. Н. С. Тихонравовъ, у. с, стр. 264, 266.

2) Andr. даетъ, кромѣ мелкихъ разночтеній, значит. отклоненія въ этомъ мѣстѣ; см. изд. Μηλιαράκη, ст. 1399 и сл., 1415—1441.

1) Варіанты изъ Cr.-Fer. (IV, 146—150): 1) καὶ τὴν αὐτοῦ ἀσύγκριτον δύναμιν μεγαλύνῃ. 2) ὄντως ἔργον παράδοξον τὰς ἐννοίας ἐκπλῆττον. 3) ἐφόνευσε μηδὲν ἐν χερσὶν ἔχον. 4) (156—159) τὸ θαῦμα ἐκπληττόμενοι ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους· Θεοτόκε,

суща; но не отъ простыхъ людей, но отъ Бога созданъ.

Σὺν τούτοις δὲ καὶ ἔλεγον καθ' ἑαυτοῖς τοιαῦτα·[4]) οὗτος οὐκ ἔστιν ἄνθρωπος ἀπὸ κόσμου τούτου[5]), τοῦτον ὁ θεὸς ἔστειλεν διὰ τοὺς ἀπελάτας[6])... (918—932).

2) и стрый рече ему: приди, чадо, сѣмо и мертвая та поверги: здѣ суть ины живы звѣр(и).

καὶ τοῦτον ὁ θεῖος αὐτοῦ ἐφώνησεν εὐθέως·[1]) ἐλθὲ ἐνθάδε, τέκνον μου, παμφίλτατε Ἀκρίτα[2]), καὶ τὰ νεκρὰ κατέλιπε, ἔχομεν ἄλλα ζῶντα (940—942).

3) звѣрь же обрѣлъ юношу къ себѣ идуща и начатъ рыкати, хвостомъ свои ребра бити.

ἐπήδησεν[1]) ὁ λέων καὶ ἐπιπλώσας[2]) τὴν οὐρὰν αὐτοῦ[3]) εἰς τὰς πλευράς του (956—7).

4) бѣ бо юноша возрастомъ вельми лѣпъ паче мѣры, а власы имуще кудрявы и очи вели(ки) — гораздо нань зрѣти, лице жь его яко снѣгъ и румяно яко червецъ, брови же черны имяше, персі жъ его сажени шире. Видѣвъ же отецъ юношу вельми красна радовашесь и глагола къ нему: чадо мое милое, преславны Девгеній, зной золъ и великъ въ полудни бысть, всяки звѣрь сохранился

εἶχε γὰρ ὁ νεώτερος πανθαύμαστος[a]) ἐκεῖνος κόμην ξανθήν, ὑπόσγουρον, καὶ ὄμματα μεγάλα, πρόσωπον ἀσπρὸν, ῥοδινόν, κατάμαυρα ὀφρύδια, στῆθος ὡς κρύσταλλον χρυοῦ[b]) ὀργυῖαν ἔχον μῆκος[c]) (971—974).

Τοῦτον ὁρῶν ἠγάλλετο πάμπολλα[1]) ὁ πατήρ του, καὶ χαίρων ἔλεγεν αὐτῷ μεθ' ἡδονῆς μεγάλης·[2]) τὰ μὲν θηρία κρύπτονται, εἰσῆλθον εἰς τὰς κοίτας[3])[d]), δεῦτε τοίνυν[e]), ἀπέλθωμεν εἰς τὸ ψυ-

---

τὸ θέαμα ὃ βλέπομεν εἰς τὸν νέον! 5) ὥσπερ οἱ ἐκ τοῦ κόσμου. 6) διὰ τοὺς ἀνδρειωμένους.

2) Вар. изъ Cr.-Fer. (167—168): 1) ἐλάλησεν. 2) π. Ἀ. опуск.

3) Вар. Cr.-Fer. (181—182): 1) ἀποπηδᾷ. 2) χαρζανίσας. 3) ἔδερε.

4) Разночт. изъ Andr.: 1) Τ. βλέπων ἐχαίρετον κατὰ πολλά. 2) μετὰ χαρᾶς μεγάλης. 3) ἐμπήκασιν ῥ τὸ δάσος. 4) ἔρχεσθε νὰ πηγαίνωμεν εἰς τὸ νερὸν τὸ κρύο 5) ὁποῦ 'βαψαν ἀπὸ τὸ αἷμα. Далѣе: πλύνω τὰς χεῖράς σου ἐγώ, ὁμοῦ δὲ καὶ τοὺς πόδας, καὶ καθαρίσω τοὺς ἀφροὺς θηρίων τῶν μαγάλων, καὶ τὴν ὀσμὴν καὶ μυρωδιὰν θηρίων τῶν ἀρκούδων. Πλύνω...

Разночт. изъ Cr.-Fer. (196—198): a) εὔνοστον ἡλικίαν. b) опуск, c) εἶχε

бяше въ пустолѣсіе. Поидемъ, чадо, къ студеному источнику: измыеши бо лице свое отъ многаго пота и во инны порты облечеши(сь), а рудныя съ себе снимеши, понеже отъ звѣринаго пота и медвѣжи капани и лютаго звѣря крови порты на тебѣ орудишась; измыю твои и нозѣ и самъ азъ.

χρὸν τὸ ὕδωρ [4]), καὶ νίψον σου τὸ πρόσωπον ἐκ τῶν πολλῶν ἱδρώτων, ἄλλαξον δὲ καὶ τὰς στολὰς [f]) ἐξ αἱμάτων χρανθέντας [5]) καὶ ἐξ ἀφρῶν γε τῶν θηρίων καὶ ἐξ ὀσμῆς τῶν ἄρκων [g]). Πλύνω δὲ καὶ τοὺς πόδας σου ἐγὼ μετὰ χειρῶν μου [h]) (975—982).

Если приведенныя сопоставленія Т. и Trap. даютъ понять, что въ Т. мы имѣемъ передъ собой переводъ (а не пересказъ) такого греч. текста, который сохраненъ (разумѣется, относительно, на сколько онъ уцѣлѣлъ подъ перомъ версификатора) въ основѣ и Trap., то все же едва-ли можно говорить, исходя изъ Т., о полномъ тожествѣ оригинала Т. съ прототипомъ Trap.: въ Т. есть эпизоды, которыхъ не оказывается на лицо въ Trap. (и Andr.), отчасти и Crypto-Fer. [1]); такъ, отсутствуетъ эпизодъ объ охотѣ на зайцевъ и лисицъ: «отецъ его ловитъ зайцы и лисицы, и стрыи его ловятъ, а Девгеній имъ смѣяшеся». Что этотъ эпизодъ, по всей вѣроятности, былъ въ греч. подлинникѣ Т., подтверждается косвенно и П. (восходящимъ, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, къ типу Crypto-Fer.) гдѣ онъ переданъ, однако, своеобразно: «отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловити со псами; преславный же Девгеней посмѣявся и рече: «отче, не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ далные пустые лѣса». Къ числу пропущенныхъ въ Trap. эпизодовъ слѣ-

τὸ πλάτος. (200—209) d) ἀπάρτι εις τὴν ἔλην. e) δεῦρο ἄς. f) ἀλλάξεις δὲ καὶ τὰ φορεῖς. g) εἰσὶ γὰρ μεμιασμένα ἐκ τῶν θηρίων τοὺς ἀφροὺς καὶ λέοντος τὸ αἷμα. καὶ τρισμακάριστος ἐγὼ ἔχων τοιοῦτον παῖδα. h) μὲ τὰς ἰδίας χεῖρας.

1) Поэтому ихъ нѣтъ и въ передѣлкѣ Петрициса, который, имѣя въ основѣ текстъ, сходный съ Cr.-Fer., могъ случайно сохранить эти детали своего оригинала.

дуетъ на томъ же основаніи отнести сообщеніе о чудесныхъ свойствахъ источника (переданное довольно сходно и въ П.) и разсказъ о борьбѣ съ трехглавымъ зміемъ (въ П. четырехголовымъ). Можно отмѣтить предположительно и кое-какія своеобразности въ передачѣ аналогичныхъ эпизодовъ въ Т. и Trap.; такъ по Trap. Девгеній первымъ убиваетъ медвѣдя, ухвативъ его за пасть, ударомъ кулака (ὁ δὲ ἁρπάσας παρευθὺς ἐκ στόματος τὸν ἄρκον, ἀπεσφονδύλησεν αὐτὸν, κ' ἐξέψυξεν ὁ ἄρκος — 907 — 908), въ Т. подробнѣе и иначе: «юноша жь еще не ученъ, како звѣри бити, и поскочи вборзѣ переди и похвати ея (т. е. медвѣдицу) и согну ея локтями — и се, еже бѣ во чревѣ ея, изыде изъ нея, борзо мерва бысть въ руку»; кратко, но опять — иначе въ П.: «Девгеній же храбрый, видѣвъ медвѣдя, и поскочи и догнавъ медвѣдя, разодравъ его челюсти и разодравъ его на двое».

Если же взять (предположивъ перестановку) эпизодъ съ медвѣдемъ, слѣдующій ниже, то найдемъ въ Т. (Девгеній нагоняетъ убѣжавшаго послѣ убіенія медвѣдицы, но возвратившагося): «яко соколъ скоры медвѣдя наскочи, и медвѣдь къ нему возвратись, разверзъ уста своя (ср. 90—56—καὶ ὁ ἄρκος ἐπιστραφεὶς καὶ στόμα μέγα χάνας, ὥρμησε γὰρ τὴν κεφαλὴν συντρίψαι τοῦ παιδίου), хотя его пожрати. Юноша жь борзо скочи и ухвати его за главу и оторва ему главу, и вборзѣ умре въ руку его». Въ такомъ случаѣ, придется допустить, что Trap. (а вмѣстѣ съ нимъ и оригиналъ П.) пропустилъ этюдъ съ медвѣдицей; что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ, видно изъ самого текста Trap.: если въ Т. совершенно ясна слѣдующая ниже (передъ сраженіемъ со львомъ) фраза: «Девгеній же влечаще лосову главу въ правой рукѣ и два медвѣдя убитые, на лѣвой рукѣ раздраны лось», то въ греч. (соотв. этому мѣсту Т.) не объяснимо, безъ допущенія пропуска: ὁ παῖς δὲ διερχόμενος ἔσυρε τὰ θηρία, ἐν μὲν τῇ δεξᾷ χειρὶ εἶχε τοὺς δύο ἄρκους. τῇ ἄλλῃ δὲ πάλιν χειρὶ τὴν ἔλαφον ἐκράτει (937 — 939). Такого же рода своеобразное чтеніе въ греч., не дошедшее въ Trap. и наличныхъ греческихъ текстахъ, предполагается и для начала нашего отрывка: въ греч. было (хотя различно пере-

даваемое въ ориг. Т. и П.) перечисленіе успѣховъ Девгенія по годамъ, тогда какъ въ наличныхъ греч. текстахъ лишь въ общихъ словахъ указано, какъ онъ учился грамотѣ (Andr. 1385—1395; Trap. 851—860), владѣть оружіемъ, охотиться, и только 12 лѣтъ начинаетъ онъ проситься на охоту за звѣрями (θηριομαχία, θηρία κυνηγῆσαι).

Изъ этого довольно подробнаго анализа Т. и Trap. можно вывести, повидимому, слѣдующее: 1) Т. восходитъ, какъ переводъ, къ греч. тексту, аналогичному съ лежавшимъ въ основѣ и Trap.; 2) этотъ предположенный прототипъ однако заключалъ въ себѣ особенности чтеній и содержанія, до сихъ поръ въ греческихъ текстахъ не встрѣченныя, въ этомъ—важное значеніе Т. (и М.) для возстановленія греческаго первоначальнаго облика поэмы о Дигенисѣ; 3) какъ прозаическій переводъ, Т. разумѣется, не даетъ указанія на первоначальную форму (стихотворную или не стихотворную) оригинала; не исключена возможность двухъ предположеній: этотъ оригиналъ могъ быть и прозаическимъ и стихотворнымъ, если допустить, что, какъ обычно это для славяно-русскихъ переводовъ, стихотворный оригиналъ переводился прозой, такъ какъ переводчикъ или могъ не различить стихотворной формы (особенно, если онъ, какъ Escor., напр., писанъ безъ дѣленія на стихи) отъ прозаической, или не имѣлъ въ распоряженіи славяно-русской стихотворной формы, вообще не употребительной почти въ нашей письменности старшаго періода. Что же касается соотношеній между Т. и П., то на первый взглядъ приходится допустить, что и ихъ оригиналы были различны, какъ видно до нѣкоторой степени изъ сдѣланныхъ выше сопоставленій, хотя разница эта въ содержаніи была едва-ли значительна: она, повидимому, сводится къ тому, что П. (соотв. его оригиналъ) въ общемъ сжатѣе, короче передаетъ разсказъ, нежели Т. (т. е. его оригиналъ).

Въ результатѣ разбора второго отрывка получаемъ наблюденія тѣ же, что и при разборѣ перваго.

III. Сопоставленіе Т. и П. возможно еще въ третьемъ отрывкѣ:

это начало 2-го отрывка Т. (о похищеніи Стратиговны) и конецъ текста Пыпина, приблизительно на пространствѣ полустраницы печатнаго текста (въ «Очеркѣ», стр. 331 (внизу)—332). Схема разсказа здѣсь въ томъ и другомъ текстѣ такова:

Начало анализируемаго эпизода (не сохраненное въ Т., но уцѣлѣвшее въ П. и отчасти въ греч. текстахъ) таково въ общемъ: наслышавшись о красотѣ дочери Стратига Ирины (у насъ безъ имени—Стратиговна), Девгеній, возвращаясь однажды съ охоты, подъѣзжаетъ къ городу Стратига, находитъ какого-то юношу, узнаетъ отъ него подробности о Стратигѣ, его сыновьяхъ и дочери и ѣдетъ ко дворцу Стратига (далѣе нашъ отрывокъ);

1) Стратиговна смотритъ на Девгенія.	1) Стр. видитъ Девг., думаетъ о немъ (красивъ, но не силенъ).
2) Д. ѣдетъ къ своимъ шатрамъ, взявши съ собою юношу.	
3) Одѣваетъ юношу въ роскошную одежду, веселится всю ночь со своими «милостивниками».	3) Д. веселится шумно всю ночь.
4) На утро, приказавъ дружинѣ охранять станъ отъ Стратига, ждать его, одѣвается въ роскошное платье, беретъ гусли и ѣдетъ ко двору Стратига.	
5) Играетъ на гусляхъ и поетъ пѣсни.	4) Этотъ шумъ слышитъ Стратиговна и узнаетъ, что пріѣхалъ Д. взять ее за себя.
6) Въ пѣснѣ поется о намѣреніи похитить Стратиговну.	5) Утромъ пріѣзжаетъ на конѣ со звонцами Д.
7) Дѣвица слышитъ пѣсню, влюбляется.	6) Дѣвица слышитъ звонцы, подходитъ къ окну, видитъ Девгенія.

8) Посылаетъ кормилицу, поручаетъ ей предупредить Д-я объ опасности.	7) Посылаетъ нянекъ спросить о Д.
9) Кормилица сообщаетъ ему о Стратигѣ, пугаетъ его.	9) Нянька отъ имени дѣвицы спрашиваетъ, откуда онъ, и предупреждаетъ его на счетъ Стратига и его братьевъ.
10) Девгеній спрашиваетъ, кто ее послалъ. Кормилица говоритъ.	
11) Д. черезъ нее проситъ Стратиговну подойти къ окну и показаться.	
12) Стратиговна подходитъ и, признаваясь въ любви, уговариваетъ Д. уѣхать, чтобы онъ не погибъ отъ ея отца и братьевъ.	
Такъ въ текстѣ Т.	Такъ въ П.

Какъ видимъ, разсказъ въ П. не только короче, но иначе передаетъ самый ходъ свиданія въ отдѣльныхъ мѣстахъ, представляется спутаннымъ: Стратиговна, хотя уже знаетъ, что пріѣхалъ Девгеній за ней, спрашиваетъ черезъ кормилицу, откуда явился юноша; о пріѣздѣ Д. она узнаетъ по шуму отъ ночной пирушки, а не по пѣснѣ и т. д. Это сопоставленіе въ результатѣ подтверждаетъ различіе редакцій русскаго текста въ Т. и П.

Еще сложнѣе отношенія Т. и П. къ греч. текстамъ: сверхъ ожиданія Trap. (и Andr., здѣсь дополняющій пропуски Trap.), которому долженъ бы соотвѣтствовать Т,, даетъ иную схему разсказа; по ней порядокъ и содержаніе разсказа таковы: ѣдучи съ охоты мимо роскошнаго дворца Стратига (дворецъ при этомъ описывается), Девгеній поетъ пѣсню: «когда юноша, влюбленный въ красавицу, проѣзжаетъ здѣсь и не видитъ ее, сердце

его не имѣеть радости въ этомъ мірѣ» (пѣсня должна соотвѣтствовать въ Т. № 6 схемы)[1]). Дѣвица услыхала пѣсню, взглянула въ оконце (въ щель), заглядѣлась на Д., говоритъ объ его красотѣ своей кормилицѣ. Эта, поглядѣвъ на Д., соглашается, думаетъ, что отецъ согласится имѣть его зятемъ. Д. притворно спрашиваетъ: не дворъ ли это Стратига, не здѣсь ли живетъ красавица, изъ за которой погибло столько знатныхъ воиновъ? Въ это время выходитъ отецъ дѣвицы подъ видомъ слуги и сообщаетъ ему, что ея отецъ погубилъ уже многихъ смѣльчаковъ. Д. догадывается, кто передъ нимъ, отвѣчаетъ, что онъ не пришелъ похищать дѣвицу, а намѣренъ просить ее въ замужество. Отецъ отказываетъ (οὐδόλως κατένευσεν ἵνα τοῦτο ποιήσῃ — 1164). Д. на конѣ подскакиваетъ къ дѣвицѣ (къ тому мѣсту, гдѣ она смотритъ въ щелочку), обращается къ ней, проситъ сказать: если онъ дорогъ ея сердцу, и она согласна стать его супругой, пусть скажетъ; если же нѣтъ, онъ не желаетъ ее принуждать. Дѣвица черезъ кормилицу, сообщаетъ, что она его любитъ, спрашиваетъ, не Девгеній ли онъ, тотъ славный родомъ, ихъ родственникъ? Умоляетъ его не подвергать себя опасности изъ за нея, ибо отецъ ея жестокъ. Д. проситъ дѣвицу выйти показаться.

Охоп. (передѣлка Петрициса, въ концѣ концовъ восходящая къ типу Crypto-Ter.) еще меньше даетъ для объясненія текста русскихъ списковъ: здѣсь разсказывается такъ же, какъ во всѣхъ, что Девгеній пріѣзжаетъ съ охоты ко дворцу Стратига (ἄρχοντας μεγαλώτατος στρατάρχος ἀκουσμένος.... Δούκα τον ὠνόμαζον, ἀλλὰ οἱ περισσότεροι Στράταρχό τον ἔκραζον), вызываетъ ее пѣсней (текста пѣсни нѣтъ); дѣвица (Εὐδοξία) видитъ, влюбляется, нянька считаетъ его достойнымъ зятемъ. Отецъ узнаетъ о приходѣ Д., отказываетъ ему (τί κυνηγᾶς ἀνέμους:),

---

1) Νεώτερος, ὅταν ποθῇ κόρην ὡραιοτάτην,
κἀκεῖσε διερχόμενος τὰ κάλλη τῆς οὐ βλέπει,
οὐ χαίρει ἡ καρδία τοῦ διὰ νὰ ζῇ εἰς τὸν κόσμον.
(Trap. 1112—1114; ср. Andr. 1677—79).

грозитъ войной, примѣромъ прежнихъ искателей ея руки. Девгеній настаиваетъ на своей просьбѣ. Стратархъ готовится къ войнѣ, уходитъ. Девгеній продолжаетъ разговоръ съ дѣвицей, открывается ей (ἐγῶ μ' ὁ Διγενής), дѣвица рѣшается идти только за него, даетъ ему перстень. Девгеній ѣдетъ домой, разсказываетъ матери о своей любви, возвращается, похищаетъ дѣвицу и т. д. (ст. 587 — 1855). Ясно, что въ данномъ случаѣ и Т. и П., если и расходятся между собой, передаютъ каждый различно подлинникъ, то восходятъ къ такому греческому тексту, который представлялъ значительныя отклоненія отъ извѣстныхъ, и который до сихъ поръ не найденъ[1]).

Въ результатѣ видимъ тоже, что и по отношенію къ прежде разобраннымъ отрывкамъ, только уже болѣе категорично выраженное. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему и послѣдующее въ разсказѣ о похищеніи Стратиговны (мы знаемъ текстъ только Т. и выписку изъ М., приведенную выше) такъ отклоняется отъ Тгар. и его группы, почему и послѣдняя изъ сохранившихся въ Т. главъ «Девгеніева дѣянія» — «Сказаніе, како побѣди Девгеній Василія царя» — не встрѣчена въ извѣстныхъ до сихъ поръ греческихъ текстахъ и содержитъ разсказъ совершенно иной, нежели эти послѣдніе, гдѣ фигурируетъ Романъ, встрѣча котораго съ Д. носитъ характеръ миролюбивый, выраженія взаимнаго уваженія и почтенія другъ къ другу императора и богатыря-паликара[2]). Т. о. значеніе русскаго текста «Девгеніева дѣянія» Т. для возстановленія первоначальнаго греческаго текста поэмы не маловажно: попытка представить себѣ этотъ недошедшій (или не найденный) текстъ безъ русскаго едва-ли возможна. Судя по русскому переводу, повидимому, довольно близко передававшему свой оригиналъ (ср. близкую передачу отдѣльныхъ мѣстъ, сохраненныхъ даже въ стихотворной обработкѣ, приведенныхъ выше), оригиналъ этотъ въ началѣ

1) Ср. Н. С. Тихонравова, ук. соч., стр. 269 — 270.
2) Ср. тамъ же, стр. 270 — 273.

текста былъ довольно близокъ къ оригиналу, который имѣлъ передъ собой версификаторъ Trap. и Andr.; но чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, отклоненій отъ этого прототипа Trap. Andr. было больше, какъ это видно изъ отрывка о похищеніи Стратиговны (5-я книга Trap. и Andr.).

II.

Присматриваясь къ Т. и М. внимательнѣе, мы естественно ставимъ себѣ прежде всего вопросъ объ объемѣ русскаго перевода «Девгеніева дѣянія». Такъ какъ Т. дошелъ до насъ лишь въ отрывкахъ, мы естественно предполагаемъ въ немъ пропуски; одинъ, по крайней мѣрѣ, мы можемъ возстановить по содержанію; это эпизодъ о Филипапѣ и Максимѣ. Что онъ былъ, доказывается не только тѣмъ, что мы его находимъ въ греческихъ текстахъ (хотя и въ другомъ мѣстѣ поэмы, именно въ 7-й книгѣ)[1]), но и наличностью его въ погибшемъ М.: «Сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ»; о нихъ есть упоминаніе и въ нашемъ текстѣ Т., предполагающее, что эти лица и то, что о нихъ разсказывалось, извѣстно уже: Девгеній побѣдивши Стратига и женившись на его дочери, даруетъ свободу плѣнникамъ, «а самому Филипапѣ стрыю возложи пятно на лице и отпусти его во свояси, а Максимѣ подасть свободу....» Подтверждается это косвенно и наличностью этого эпизода въ П., какъ и въ М. (судя по перечню главъ въ рукоп. Мусина-Пушкина), находящагося передъ разсказомъ о Стратиговнѣ. Такимъ образомъ, русскій текстъ «Девгенія», намъ извѣстный по М. и Т., состоялъ изъ четырехъ, по крайней мѣрѣ, кусковъ: 1) Житіе Девгенія (Т. = Дѣяніе прежихъ временъ храбрыхъ человѣкъ, о бръзости, о силѣ и о храбрости—М.; ср. П.) — начало подвиговъ Девгенія (соотв. 4-ой кн. Trap. Andr., безъ конца); 2) Сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости

1) Въ надписаніи, Девгеній разсказываетъ:

Τὰς περὶ τὸν Φιλόπαππον μάχας τε καὶ νίκας·
πολέμους τε τῆς Μαξιμοῦς, αὐτῆς τῆς Ἀμαζόνος (Andr. 2814—5).

ихъ (было въ М., не сохранилось въ Т.; соотв. 7-ой кн. Trap. Andr.; ср. П.); 3) Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ и о всъхыщеніи Стратиговнѣ (М.; въ Т. начала нѣтъ: утраченъ приблизительно одинъ листокъ въ рукописи; соотв. 5-й кн. Trap. Andr.; ср. П.); 4) Сказаніе како побѣди Девгеній Василія царя (сохр. только въ Т.; въ греч. отсутствуетъ, но нѣкоторой частью соотв. концу 5-й кн. Andr. (со ст. 2342) и Trap. (со ст. 1476) съ разсказомъ про имп. Романа). Въ такомъ составѣ «Девгеніево дѣяніе» все же остается отрывкомъ: прежде всего въ немъ, по тексту, Т. не достаетъ, повидимому, начала, т. е. разсказа о происхожденіи Девгенія, какъ это мы знаемъ изъ всѣхъ греческихъ, изъ текста П., и изъ пересказа содержанія у Карамзина и той первой выписки изъ текста, которая сохранена Карамзинымъ[1]) же и идетъ изъ части повѣсти, предшествующей по содержанію «Житію Девгенія» (Т.). Отсюда ясно, что М.-Пушкинъ перечислилъ главы повѣсти, не отмѣтивъ общаго заглавія всей повѣсти, или же надо допустить, что подъ этимъ заглавіемъ («Дѣяніе прежнихъ временъ....») помѣщался также разсказъ не только о первыхъ подвигахъ Девгенія, но и объ его происхожденіи, какъ это находимъ и въ П. Слѣдовательно, въ Т. недостаетъ еще одной части, именно, начальной. М. б. повѣсть озаглавлена была «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита. Дѣяніе прежнихъ временъ человѣкъ» и т. д. (ср. Очеркъ, 85[2]). Т. о. возстановляется еще отрывокъ «Девгеніева дѣянія» (соотв. 2-й и 3 кн. Trap. Andr.); въ результатѣ мы имѣемъ содержаніе греческого «Дигениса» все за исключеніемъ 1-й кн., 6-ой и 8 — 10; но первая книга греч. текста (она трактуетъ съ массой реторическихъ прикрасъ о предкахъ и воспитаніи Ирины, матери Дигениса), повидимому, не имѣлась въ оригиналѣ нашего текста: и по передачѣ у Карамзина и въ текстѣ П. разсказъ

1) И тотъ и другая перепечатаны полностью у Пыпина. (Очеркъ, 85—86).

2) Первую часть заглавія даетъ г. Карамзинъ (И. Г. Р., II, гл. XII, пр. 333): объясняя слово «фаръ», онъ ссылается на старинную русскую сказку, названную «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита», т. е. на нашу рукопись — М.

имѣетъ вполнѣ самостоятельное, цѣльное по содержанію начало, отличное отъ извѣстныхъ греческихъ: по словамъ Карамзина «Девгеніево дѣяніе» изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы[1]), что вполнѣ соотвѣтствуетъ и тексту П.: «Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя спасенію — отъ церкви никогда же отхождаше — и бысть у нея три сыны велелѣпны и велеозарны....» (Очеркъ, 316 — 7). Вѣроятно такъ же начинался и греческій оригиналъ русскаго «Дегениса». Что же касается окончанія этого текста, то сказать что либо опредѣленное трудно. Судя по характеру Trap., надо предположить, что его оригиналъ состоялъ изъ частей различныхъ по происхожденію и лишь механически соединенныхъ въ одно; такъ заставляетъ думать то, что книга неожиданно начинаетъ передавать разсказъ отъ лица самого Девгенія, что отмѣчено въ Trap. вставкой отъ лица перелагателя:

ὁ ἕκτος λόγος, λέγω δή, καὶ ὁ ἕβδομος αὐτίκα
πεφύκασι τοῦ ποιητοῦ ἐκ στόματος λεχθέντες
Βασιλείου τοῦ Διγενοῦς τοῦ θαυμαστοῦ Ἀκρίτου.

Далѣе, дѣйствительно, самъ Дигенисъ (въ 6-й и 7-й книгахъ) разсказываетъ друзьямъ, какъ онъ нашелъ и возвратилъ мужу пропавшую жену эмира Аплоравда (6-я кн.), какъ онъ побѣдилъ Филопаппа и Максиму (7-я кн.)[2]). Книга 8-я опять отъ третьяго лица разсказываетъ о построеніи дворца на Ефратѣ, о смерти отца Дигениса, 9-я — о смерти его матери, 10-я — о кончинѣ самого Дигениса. Если наше предположеніе вѣрно, то можно также предположить, что составъ оригинала и нашего перевода комбинировалъ отдѣльныя части, когда-то бывшія отдѣльными разсказами о различныхъ моментахъ жизни Дигениса, иначе, нежели въ дошедшихъ до насъ греческихъ текстахъ. Косвенное

1) По текстамъ Trap. Andr., мужъ матери похищенной Амиромъ дѣвицы (Евдокіи) живъ (хотя въ дальнѣйшемъ разсказѣ уже не упоминается); по тѣмъ же текстамъ (также и по Oxon.), у дѣвицы пять братьевъ.

2) Oxon., однако, этой особенности не знаетъ, разсказывая въ третьемъ лицѣ.

указаніе на это находимъ въ самихъ греческихъ текстахъ, которые, какъ мы знаемъ, восходятъ къ различнымъ по составу оригиналамъ (ср. напр. Escor. въ концѣ), а также въ томъ, что даетъ русскій переводъ, какъ онъ читается въ Т. (и, вѣроятно, читался въ М.): этотъ послѣдній представляетъ механическое соединеніе отдѣльныхъ сказаній, изъ которыхъ каждое разсматривалось, какъ болѣе или менѣе законченное цѣлое; на такого рода характеръ русскаго текста (стало быть, и его оригинала) указываютъ самыя чтенія отдѣльныхъ «главъ», поскольку о томъ можемъ судить по сохранившимся въ Т.: въ немъ, если начало (прямо, ex abrupto: «Преславный Д. 12 лѣто мечемъ играше....») и не даетъ подобнаго указанія, то конецъ этой главы ясно показываетъ, что писавшій разсматривалъ ее, какъ нѣчто законченное: сказавши о возвращеніи Д. съ охоты и описавши «како Фарь подъ нимъ играше....», онъ заканчиваетъ главу такъ, какъ обычно заканчивается отдѣльная статья: «Богу нашему.... *Аминь*». Тоже надо сказать и о сказаніи про похищеніе Стратиговны, гдѣ, послѣ разсказа о томъ, какъ Девгеній отпустилъ Филипаппу и Максиму и самъ началъ жить и «ловы дѣяти», послѣ славословія въ честь Девгенія, текстъ заканчиваетъ: «о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцемъ и святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. *Аминь*». Еще нагляднѣе говоритъ о томъ же «глава» — «Сказаніе, како побѣди Девгеній Василія царя»: она начинается какъ отдѣльное повѣствованіе словами: «Нѣкто бысть царь именемъ Василій....» и кончается: «сотвори (Девгеній) радость велію и по многи дни пребысть. Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. *Аминь*». Т. о., судя по русскому переводу, текстъ греческаго оригинала представлялъ также рядъ законченныхъ сказаній, посвященныхъ отдѣльнымъ эпизодамъ изъ жизни Девгенія, расположеннымъ въ послѣдовательности его біографіи, какъ ее представлялъ себѣ составитель поэмы; а такое представленіе можетъ себѣ получить объясненіе въ генезисѣ самой поэмы: она вѣдь возникла изъ отдѣльныхъ устно-народныхъ

пѣсенъ о Дигенисѣ, которыя собралъ во едино, обработалъ и изъ нихъ составилъ біографію Дигениса авторъ поэмы: на эту эту «расчлененность» первоначальной поэмы и намекаетъ, слѣдовательно, механичность подбора эпизодовъ, различное ихъ расположеніе въ поэмѣ въ ея русскомъ переводѣ [1]).

Каковъ же былъ объемъ этого представляемаго нами такимъ греческаго оригинала? Судя по дошедшимъ до насъ греческимъ текстамъ, содержащимъ или полную поэму — передѣлку этого оригинала — или, по крайней мѣрѣ, конецъ текстовъ (а такими будутъ Andr., Escor. и Oxon.), а также зная, что въ устныхъ пѣсняхъ, заложенныхъ въ основѣ поэмы, есть пѣсни о кончинѣ Дигениса [2]), мы въ правѣ полагать, что и оригиналъ нашего перевода содержалъ полную біографію Дигениса, кончая разсказомъ объ его кончинѣ. Въ такомъ случаѣ, приходится допустить, что таковъ же былъ объемъ и русскаго текста, если не допустить, что въ рукахъ русскаго переводчика былъ уже экземпляръ поэмы безъ конца. Т. о. мы должны заключать, что либо конецъ русскаго перевода еще не найденъ, либо что въ русскомъ текстѣ мы владѣемъ лишь отрывкомъ греческаго оригинала. Какое предположеніе ближе къ истинѣ, сказать трудно, имѣя лишь два отрывочныхъ, при томъ позднихъ очень списка, «Девгеніева дѣянія». Одно можно пока сказать: старѣйшій изъ текстовъ «Девгеніева дѣянія» (выписки въ Исторіи госуд. Россійскаго; оглавленіе въ изд. Слова о полку Игоревѣ) былъ дефектнымъ: иначе Карамзинъ, пересказывая содержаніе, навѣрное указалъ бы на детали содержанія, соотвѣтствующія концу повѣсти (кн. 8 — 10 греч.). Можно сдѣлать предположеніе и о томъ, что разсказъ, соотвѣтствующій 8-й книгѣ

1) Въ такомъ случаѣ, имѣя въ виду упомянутое выше тождество по редакціи Т. и М., можно догадываться, что эта «расчлененность» имѣла мѣсто и въ рукописи М.-Пушкина, и что она то и отразилась въ перечнѣ «главъ» въ качествѣ отдѣльныхъ статей сборника при описаніи его редакторомъ «Слова о полку Игоревѣ» (1800 г.).

2) Ихъ отраженіе, какъ знаемъ, представляетъ и нашъ духовный стихъ объ Аникѣ и Смерти (ср. выше, А. Н. Весселовскаго).

Тгар., существовалъ въ русскомъ переводѣ; такое предположеніе было бы вполнѣ обоснованнымъ, если бы намъ удалосъ доказать убѣдительно, что подробности описанія палатъ Дюковой матушки (въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ) восходятъ, дѣйствительно, къ тексту (естественно, для слагателей былинъ— русскому) «Девгеніева дѣянія», какъ это предположилъ И. Н. Ждановъ (Соч. I, 569 и 730); но указывая на нѣкоторое сходство этого описанія съ описаніемъ дворца Дигениса на Ефратѣ, И. Н. Ждановъ долженъ былъ ограничиться лишь этимъ сопоставленіемъ, не опредѣляя точнѣе, какимъ путемъ могло образоваться это сходство.

Для характеристики реконструируемаго греческаго оригинала нашего перевода можно указать, на основаніи дошедшихъ до насъ отрывковъ М. и Т., еще на нѣкоторыя отличія его отъ дошедшихъ до насъ греческихъ текстовъ (соотв. и ихъ прототипа). На одно редакціонное отличіе было указано уже выше; это—эпизодъ съ Филопаппой и Максимой: тогда какъ въ Тгар. онъ входитъ (7-я кн.) въ разсказъ самого Дигениса друзьямъ, у насъ онъ передается отъ третьяго лица, какъ и все прочее. Объ эпизодѣ съ императоромъ Романомъ была также рѣчь выше: нашъ разсказъ отличенъ не только въ имени (Василій), но и по изложенію, что̀ и естественно: въ Тгар. это—мирное свиданіе, въ Т.—вооруженное столкновеніе; общаго между ними мало, развѣ только то, что Д. и по нашему тексту и по греческому, прося придти императора съ немногими воинами на свиданіе, мотивируетъ свое условіе тѣмъ, что («да не разгнѣваши мене, зане) юность человѣческая на много безуміе приводитъ», чему въ греч. соотвѣтствуетъ: ἡ γὰρ νεότης, δέσποτα, ἔχει πολλὰς μωρίας (Тгар. 1504). Но, что любопытно въ эпизодѣ съ царемъ Василіемъ, это—то, что въ разсказѣ замѣчается соприкосновеніе съ разсказомъ о Филопаппѣ и Максимѣ (котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни въ Т., ни въ М.): такъ же, какъ и въ этомъ разсказѣ, въ эпизодѣ съ ц. Василіемъ, Девгеній, видя множество воиновъ у царя, оперся копьемъ и перепрыгнулъ Ефратъ и

сталъ избивать царскую рать. Вотъ параллельный разсказъ того и другого:

(Девгеній съ немногими греками ѣдетъ на Ефратъ, посылаетъ грековъ къ Филипаппу и Максимѣ. Филипаппъ начинаетъ со всѣмъ войскомъ преслѣдовать ихъ). И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ (въ Т. — «предстатели» эпизода съ Василіемъ), и ухвативъ копье свое и попре въ рѣку концемъ и перескочи черезъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца и завопи гласомъ велiимъ, велегласно: «дайте мои борзы конь, рекомый фарь», и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву коситъ: въ первомъ поскокѣ тысящу поби войска Филипата, а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипата самого.... (Пыпинъ, Очеркъ, 329).

(Царь Василій переправляетъ свое войско, чтобы поймать, какъ зайца, Девгенія. Д. видя это приходитъ въ ярость, приказываетъ своимъ «предстателемъ», спустя нѣкоторое время, придти къ нему) и подпреся копіемъ и скочи черезъ рѣку, яко дюжи соколъ, велегласно кликнувъ: «гдѣ есть Василій царь, иже имѣя желаніе видѣтись со мною?» и то слово изрекъ, и воины къ нему ударишась и онъ копів вотъкнувъ и вынявъ мечь противо вои и поскочи, яко добрый жнецъ траву сѣчетъ: перво скочи, 1000 ихъ побѣди, и возвратись вспять и поскочи, 1000 побѣди; царь же Василій....побѣже.... и кликну (Девгеній) за рѣку предстателемъ своимъ: «приведите ми борзы мой фаръ, рекомы «вѣтръ». Они же прямчаша ему фаръ и всѣдъ нань борзо погна Василія, нагна близко града его. (Т., л. 18—18[2]).

Сходство видимъ не только въ общемъ, но даже въ выраженіяхъ того и другого эпизода. Въ извѣстныхъ греческихъ

текстахъ эпизодъ борьбы съ Филиппапомъ и Максимой разсказанъ совершенно иначе.

Къ числу такихъ же особенностей греческаго оригинала нашего перевода слѣдуетъ отнести также эпизодъ со зміемъ у источника (первый выѣздъ на охоту), упомянутый выше: его, какъ мы видѣли, въ этомъ мѣстѣ греческихъ наличныхъ текстовъ нѣтъ; но его можно найти въ другомъ мѣстѣ, стало быть, въ иномъ сочетаніи, именно, опять въ 7-й книгѣ (въ разсказѣ самого Девгенія — ст. 1921 и сл. Trap.; 2881 и сл. Andr.): возлюбленная Дигениса съ нимъ въ восхитительномъ саду; въ полдень онъ прилегъ спать, а дѣвица, почувствовавъ жажду, пошла къ студеному источнику и для удовольствія стала мыть ноги. Внезапно явился драконъ, который принялъ видъ прекраснаго юноши, желая ее похитить (μορφώσας ἑαυτὸν εἰς εὐειδῆ παιδίον; ср.: «прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы имѣя у себя, яко человѣчи (?)» — П., Очеркъ стр. 327; «абіе змѣй великъ прилетѣ ко источнику, яко человѣкъ явись, троеглавой — Т., л. 32 об.). Дѣвица будитъ Девгенія. Девгеній, схвативъ мечь, бросается къ источнику. Драконъ тогда преобразился въ страшилище трехголовое, извергая пламя и молніи (τρεῖς κεφαλὰς ἀντὶ μιᾶς ὅλας τε παμμεγέθεις, ἐξ ἑκατέρων ἔπεμπον φλογὰς ἐξαστραπτούσας); отъ грома трясется земля, колеблются деревья. Девгеній съ божьей помощію убиваетъ его, велитъ трупъ отнести подальше отъ его шатра. Родство этого эпизода съ помѣщеннымъ у насъ въ разсказѣ о первыхъ подвигахъ Д. ясно по самому содержанію; подкрѣпляется оно и тѣмъ, что сказано въ Т.: непонятно, почему этотъ змѣй — «яко человѣкъ, явись», если мы не будемъ имѣть въ виду эпизода съ дѣвицей, только что разсказаннаго. Ясно, что здѣсь, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, одинъ и тотъ же мотивъ получилъ различное примѣненіе подъ перомъ составителя оригинала нашего текста и въ оригиналѣ Trap. Andr.

Сводя въ одно наши наблюденія надъ русскимъ текстомъ «Девгеніева дѣянія» сравнительно съ дошедшими греческими

обработками, мы приходимъ къ такого рода выводамъ: 1) нашъ переводъ сдѣланъ съ такого греческаго текста, который не совпадалъ ни съ однимъ изъ тѣхъ текстовъ, которые лежатъ въ основѣ дошедшихъ до насъ греческихъ обработокъ его; 2) текстъ этотъ отличался отъ этихъ обработокъ, слѣдовательно, и ихъ прототиповъ, своеобразнымъ размѣщеніемъ матеріала, извѣстнаго этимъ прототипамъ; 3) заключалъ въ себѣ такіе эпизоды, которыхъ не знали прототипы этихъ стихотворныхъ обработокъ; 4) онъ состоялъ изъ сказаній, изъ которыхъ каждое представляло собою болѣе или менѣе законченное цѣлое, имѣло свое отдѣльное заглавіе; объединялись эти разсказы внѣшнимъ образомъ, будучи расположены въ хронологическомъ порядкѣ біографіи Дигениса, какъ представлялъ ее себѣ собиратель этихъ разсказовъ въ одно — авторъ поэмы; 5) былъ ли текстъ этотъ стихотворнымъ по гречески или прозаическимъ,—вопросъ, который пока остается открытымъ; 6) по своему составу, редакціи, этотъ текстъ приближался къ той группѣ греческихъ текстовъ, которая (по своему прототипу) представлена дошедшими до насъ Trap. и Andr.; сходство (разумѣется, лишь общее) съ этой редакціей наиболѣе замѣтно лишь въ началѣ.

III.

Мы видѣли два мнѣнія о пути, которымъ греческій текстъ «Девгеніева дѣянія» перешелъ на русскую почву: одни принимали болѣе обычный — черезъ юго-славянскую, въ частности черезъ болгарскую письменность (Пыпинъ, Вс. Миллеръ), другіе менѣе обычный—непосредственный переводъ на русскій литературный языкъ (Соболевскій, Барсовъ, Тихонравовъ), при чемъ послѣдователи того и другого взгляда (кромѣ Соболевскаго и Тихонравова) не считались съ разновидностями, дошедшихъ до насъ текстовъ. Если имѣть въ виду наличный матеріалъ дошедшихъ до нихъ рукописей, мы должны отдать предпочтеніе второму мнѣнію: юго-славянскихъ текстовъ «Девгенія», не смотря на популярность этого героя въ сосѣдней Византіи и возможную

популярность его и въ Болгаріи, до сихъ поръ мы не знаемъ; всѣ три сохранившіеся текста — русскіе. Это, конечно, не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ и самого перевода прямо на русскій языкъ: наши тексты, особенно Т. и П., какъ очень поздніе (XVIII в.), могли быть копіями, и то не непосредственными, съ юго-славянскихъ не сохранившихся оригиналовъ. Такъ, повидимому, смотрѣлъ на дѣло А. Н. Пыпинъ, находя, что въ нашихъ позднихъ текстахъ сохранились черты юго-славянскаго оригинала, именно, въ словарѣ: «сухое» злато (ср. сухо злато—серб. народн. пѣсенъ)[1]), тисуща (тисѫшта—юго-сл.), фарь (греч. φάρης, φαρίον)—подтверждали это мнѣніе[2]).

---

1) Ср. напр. у Караджича «Српске народне пјесме», II (Беогр. 1895), 55.

Да донесе (девојка) много сухо злато,
Да саплете ону ситну мрежу,
Ситну мрежу од сухога злата.

2) Такъ же, повидимому, позднѣе на дѣло взглянулъ и М. Е. Халанскій, касаясь мимоходомъ и «Девгеньева дѣянія» въ своемъ большомъ изслѣдованіи «Южно-славянскія сказанія о Маркѣ Кралевичѣ» (Варш. 1893): онъ находитъ слѣды вліянія сказаній о Дигенисѣ въ югославянскомъ эпосѣ, въ частности въ сербскомъ; по его мнѣнію, эпизодъ о приключеніи Д. съ дочерью Амира Аплоравда (по Трар.—кн. VI) нашелъ себѣ отраженіе въ пѣснѣ о Маркѣ Кралевичѣ и дочери арапскаго короля въ цѣломъ рядѣ деталей, почему онъ и предполагаетъ, что «отдѣльные эпизоды поэмы о Дигенисѣ, *переведенной на древнеболгарскій языкъ*, излагались въ пѣсенной формѣ юго-славянскими пѣвцами, и т. о. входили въ составъ героическаго эпоса»; такіе же отзвуки «Девг. д.» находитъ онъ въ пѣснѣ «Јакшиѣима двори похарани» (стр. 436—7; 447—452; ср. стр. 261—262). Насколько, однако, мы имѣемъ здѣсь дѣло именно съ *поэмой* о Дигенисѣ, при томъ еще въ древне-болгарскомъ его переводѣ (къ тому же намъ неизвѣстномъ, существованіе коего остается недоказаннымъ), а не съ отзвукомъ греческихъ о немъ *пѣсенъ*, извѣстныхъ и на Балканскомъ полуостровѣ — сказать объ этомъ нельзя; а изслѣдователемъ этотъ вопросъ, вполнѣ естественный, не затронутъ. Кстати будетъ напомнить, что похожденіе Девгенія съ дочерью Аплоравда намъ неизвѣстно изъ русскихъ текстовъ «Девгенія», правда, дошедшихъ, какъ мы знаемъ, до насъ въ отрывкахъ. Даже не отрицая наличности отзвуковъ сказаній о Д. въ славянскомъ эпосѣ, мы должны, кажется, и въ указанныхъ М. Е. Халанскимъ случаяхъ отдать предпочтеніе вліянію греческихъ *пѣсенъ* о Дигенисѣ на сербскій эпосъ: съ такого рода отзвукомъ вліянія, именно, «акритовскихъ» греческихъ устныхъ пѣсенъ на эпосъ, въ частности русскій (болѣе далекій отъ греческаго и территоріально), мы встрѣчаемся въ нашихъ пѣсняхъ о смерти Аники-воина, которыя А. Н. Веселовскій и сопоставляетъ

Но возникаютъ вопросы: достаточно ли этихъ немногихъ примѣровъ, чтобы рѣшать въ эту сторону вопросъ о переводѣ? Насколько эти, приводимыя А. Н. Пыпинымъ, слова — спеціально юго-славинскія? На сколько наличность ихъ въ текстѣ наряду съ другими выраженіями, отнюдь не юго-славянскими, показательна для юго-славянскаго происхожденія всего перевода? Насколько затруднительно, на основаніи немногихъ словъ изъ словаря, рѣшать вопросъ о мѣстѣ и времени перевода, можно судить потому, что А. И. Соболевскій, утверждая русское происхожденіе перевода, привелъ тоже слово «фарь», какъ одно изъ такихъ, которыя характерны именно для русскихъ переводовъ, да и самъ А. Н. Пыпинъ (стр. 89) отмѣтилъ это слово не только въ «Александріи» и повѣсти объ Акирѣ[1]), но и въ русской лѣтописи, усвоившей этотъ грецизмъ (Ипат. 56, 162, фаревьникъ. 170)[2]). Что касается «сухого злата», то и этотъ примѣръ не убѣдителенъ: этотъ оборотъ встрѣчается въ завѣдомо русскихъ переводахъ, каковъ, напр., переводъ Іудейской войны Іосифа Флавія[3]): «одръ же бысть, на немъже лежаше, злата суха весь» (ὁλόχρυσος); «сухымъ златомъ строена» (ὁλόχρυσα, ex solido auro)—Срезневскій, Мат. для древне-рус. слов., III, стлб. 633). Наконецъ, «тисуща» не характерно для юго-славянскаго происхожденія перевода, какъ юго-славянизмъ не перевода, а русскаго литературнаго языка, встрѣчаемый и въ чисто русскихъ текстахъ (напр. въ Лаврентьевск. сп. лѣтописи)[4]). Тѣмъ не менѣе при наличности только позднихъ списковъ (какъ въ данномъ случаѣ) въ нашемъ распоряженіи почти единственное средство опредѣлить,

---

съ пѣснями о смерти Дигениса греч. эпоса (см. его отзывъ объ изд. E Legrand'a, Chansons papulaires grecques.... Paris. 1876.—въ Ж. М. Н. П. 1876, IX, 206—208). Тѣмъ болѣе допустимо такое вліяніе для эпоса юго-славянскаго.

1) Признаваемой теперь (А. Д Григорьевъ, Н. Н. Дурново) переводомъ прямо на русскій.

2) Ср. въ Кіев. лѣт. (у Карамзина, II, гл. 12, пр. 333): «Тогда же Угри на фарехъ и на скокахъ играаху въ Ярославлѣ дворѣ».

3) По Соболевскому, Сб. отд. р. яз. и сл. А. Н., 88, стр. 169, переводъ домонгольскаго періода.

4) Ср. Е. В. Барсова «Слово о п. И.». I, 310—311.

хотя бы приблизительно, мѣсто и время перевода памятника — все же словарный матеріалъ его, какъ элементъ наиболѣе въ немъ устойчивый: но для этого приходится основываться не на немногихъ отдѣльныхъ словахъ, а на общемъ строѣ употребленія тѣхъ или иныхъ выраженій, при томъ сравнивая этотъ общій строй съ таковымъ же въ другихъ памятникахъ опредѣленнаго точно, или болѣе или менѣе точно, происхожденія. Руководясь такими принципами мы и попытаемся присмотрѣться къ словарю и общему строю рѣчи въ «Девгеніевомъ дѣяніи», сперва по сп. Тихонравова и отрывкамъ у Карамзина, характеризируя ихъ сравнительно съ памятниками, близкими къ «Девгеніеву дѣянію» по содержанію и въ тоже время такими, происхожденіе коихъ опредѣляется болѣе или менѣе точно, какъ по времени, такъ и по принадлежности къ опредѣленному кругу русской письменности; для этой сравнительной характеристики возьмемъ: 1) Исторію Іосифа Флавія — переводъ, сдѣланный на Руси (по сп. XV в. Е. В. Барсова, теперь Историч. Музея, № 633) не позднѣе XII — XIII в.[1]); 2) Лѣтопись, преимущественно по Ипатскому списку, за XII и XIII в.в., какъ писанную въ оригиналѣ современниками описываемыхъ событій; 3) Слово о полку Игоревѣ, какъ памятникъ XII в., родственный по типу нашему «Девгеньеву дѣянію»; 4) словарный матеріалъ русскихъ переводовъ до-монгольской эпохи (по А. И. Соболевскому и Срезневскому). Для удобства и болѣе наглядной характеристики стиля перевода «Девг. дѣянія» выдѣлимъ въ текстѣ нѣсколько категорій, имѣя въ виду въ тоже время, что въ нихъ отражается (какъ слѣдъ оригинала и его общаго вліянія) м. б. отчасти и самый текстъ оригинала; но таже категорія, отмѣчаемая параллельно изъ русскаго по происхожденію памятника, естественно будетъ указывать уже и на характеръ самого перевода.

1) Такъ, текстъ «Д. д.» очень любитъ сравненія, обычно

---

1) Ср. Е. В. Барсова, «Слово о п. И.», I, 217; А. И. Соболевскій, стр. 169 (Сб. отд. р. я. и сл. А. Н. 88, № 3).

придающія изобразительность, картинность разсказу и построенныя при помощи «какъ» («яко»). Вотъ рядъ такихъ сравненій[1]).

Яко соколъ дюжей (13, 18)
Яко соколъ младый (31)
Яко скоры соколъ (31²)
Лице его яко снегъ (32)
Яко орелъ (11²)
Яко пастухъ овецъ передъ собою погна (13²)
Яко добрый жнецъ траву сѣчетъ (18)
Яко заица въ тенета яти (18).

Такія же сравненія, хотя и не такъ часто, любитъ и текстъ Исторіи Іосифа Флавія[2]), напр. выюще а̓кы въл́ци радощами (132), стрѣлы на нѣ лѣтахоу а̓кы дож̑ь (133), и̓ тако оу̓стремись а̓кы звѣрь гонимъ дикый (154), и̓юдей же ристахоу къ лѣсоу а̓кы звѣри (171²); а̓кы на сваᵡ'бѹ течахоу, а не на рать (186), крово-литьѐ бы́сть въ ѡ̓боихъ а̓кы рѣка (202), попоустать и̓юдеа̓ на сѧ а̓кы ѿ сѣти и̓ ѿ тенета (210³), падахоуть и̓ а̓кы ли́ствїѐ и̓ а̓кы пѣсокъ (213), ꙗ̓сна́ вода бѹдеᵀ стѹдена а̓кы снѣгъ (103²), гра́ди части и̓ села а̓кы звѣзды (80²).

Такъ же охотно пользуется сравненіями этого типа, какъ извѣстно, и «Слово о полку Игоревѣ»; ср.: «сами скачють, акы сѣрыя влъци»; «прострошася Половцы, акы пардуже гнѣздо», и др.

Любитъ ихъ и галицко-волынская лѣтопись XII—XIII в.в.[3]); напр. Половецкіи полци.... аки борове (432.25); устремил бо ся (кн. Романъ, надъ 1201 г.) бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храбръ бо бѣ, яко и туръ (479—480).

Присматриваясь ближе къ этимъ сравненіямъ, мы замѣтимъ нѣкоторую общность между «Д. д.» и другими памятниками не только въ способѣ построенія ихъ, но, кромѣ того, и въ самомъ под-

1) Цыфра—листъ рукоп. Тихонравова.
2) Цыфра—листъ рукоп. Барсова № 633.
3) Цыфра—страница и строка по изд. 1871 г. (Спб.).

борѣ матеріала для сравненія: это—преимущественно область міра животныхъ, (соколъ, волкъ, левъ, пардусъ, туръ, орелъ и т. п.), явленій природы (дождь, снѣгъ); при томъ эти образы животныхъ и картины природы часто будутъ одни и тѣже. Видимо, этотъ кругъ предметовъ сравненія былъ въ значительной степени ходячимъ, общепринятымъ въ той средѣ, которая дала намъ и переводъ «Д. д.», и Іосифа Флавія, и «Сл. о п. И.», и нашу южную лѣтопись XII—XIII в.в.

2) Употребленіе эпитетовъ (б. ч. epitheton ornans) дастъ, кажется, въ результатѣ матеріалъ для подобнаго же заключенія, хотя, м. б., и въ меньшихъ размѣрахъ. Вотъ нѣсколько такихъ эпитетовъ изъ «Д. д.» и сравниваемыхъ съ нимъ памятниковъ:

(звѣрь) лютый (32), (фарь) борзый (12[2], 33, 32 (тоже въ М.-П.), 11), (соколъ) дюжій (18, 13), младый (31), скоры (31[2]), (чадо) милос (82) (ср. — зятя милово, 15); сюда же можно отнести: велегласный (возрастъ, сынъ славный, кличъ, 32, 32[2], 12), (шеломъ) златый (13), (злато) сухое (15[3], 17; (струны) златыя (9).

Ср. у Флавія: ѿ лютаго сего звѣри (21), двери.... соу́ха злата (161), фиалы ве́сѧ соухымъ зла́томъ строе̑на (234[2]), рыда́ніе̑ велегласно (36[2]), дивїа̀ ѕ҆вѣри (133), звѣрь дикый (154), палаты и҆ высокаѧ̀ и҆ краснаѧ̀ (231).

Въ «Сл. о п. И.»: бръзыя комони, златый шеломъ, милая хоти и т. д.

Въ Лѣтописи: конь свой борзый сивый (491, 26—27), острый мецю, борзый коню (492, 18, подъ 1217 г.), како милаго сына (480, 32).

Опять, какъ можно замѣтить, усматривается между всѣми памятниками нѣкоторая общность и въ самыхъ эпитетахъ, не только въ манерѣ ихъ употребленія.

3) Въ самомъ словоупотребленіи, до извѣстной степени въ области обычныхъ, какъ бы ставшихъ техническими, выраженій наблюдается такая же общность у «Д. д.» съ другими памятниками или русскаго происхожденія или русскими по переводу, при

томъ относящимися къ старѣйшему періоду литературы (Кіевскому, «до-монгольскому»). Объясненіе этой общности надо искать тамъ же: въ общности среды и м. б. близости по времени переводчика «Д. д.» и подобныхъ памятниковъ: онъ передавалъ слова своего оригинала такъ, какъ принято было въ его время и въ его средѣ [1]). Къ числу такихъ выраженій можно относить:

борзо, в борзѣ: поскочи в борзе, выде из нея борзо, юноша бо́рзо скочи (31^2), в борзе умре (31^2), восхити мечь свои в борзе (32^2), борзо поскочиста (32^2), дѣвица..... скочи борзо (11), шедъ на гору борзе (11^2), в борзе скопивъ весь родъ свои (15), в борзе повеле собрати вои (17), в борзе созва бояры (18), борзо погна (18^2).—Ср. у Флавія: показа и телеснѹ́ю ко́нноую бо́рзость и хитрость всаднника (210^2).

бръзость: Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о бръзости, о силѣ... (заглавіе М.-П. текста);—ср. привед. выше цитату изъ Флавія (= προθυμία).

бояры: созва бояры своя (18), боярство мое великое (МП.)— Обычно въ русскихъ лѣтоп. текстахъ и переводахъ для греч. συγκλητικός (у Іоанна Малалы; ср. Срезневскій, Словарь, I, 160 и сл.).

броня: брони златы (13); въ лѣтоп. см. у Срезневскаго, I, 183; у Флавія: бꙑ̑ ѡ҆блъченъ въ шеломъ и҆ въ брони всюдѣ (203^2).

велегласный: Аравитянинъ велегласно рече (МП.), кликну велегласно (12), твоего велегласнаго возраста (32), образа твоего велегласнаго (10), породи сына славнаго и велегласнаго (32) = μεγαλόφωνος, διαπρύσιος (Срезн. I, 239); Флавій: рыданїє велегласно (32).

воевода: рече воеводамъ своимъ (17); у Флавія: Оу҆ѽлюм́нїа воєводоу (9; ср. 25^2, 74^2); обычно въ лѣтописи (ср. Срезневскій, I, 280—281).

1) Для этой категоріи кругъ сравненія можно расширить, привлекая матеріалъ, собранный А. И. Соболевскимъ, какъ характерный для русскихъ переводовъ до-монгольскаго времени, въ тоже время ограничивая его памятниками не узко-церковными, скорѣе «свѣтскими», интересными для среды, болѣе или менѣе родственной той, которая дала «Д. д.», Флавія, Сл. о ц. И., Лѣтопись.

въсхытити: восхити мечь (32²) = в борзѣ мечь свой похвати (32), о всъхыщеніи Стратиговнѣ (МП.); ср. ниже: исхитити; у Флавія: въсхытити побѣдоу (101), по всей земли въсхыщеніе и насилїе бы (59²), имѣнїе..... въсхытаахоу (76²).

въсѣсти: всѣде на фаръ свои (15); въ лѣт. обычно въ знач.: выйти въ походъ, двинуться въ походъ; см. Срезн. I, 432.

вѣсть: приказа ему съ вѣстью быти (11), съ вѣстью присиѣ (11), посла.... съ вѣстью (14², 18²); ср. Ипат. лѣт.: бысть вѣсть Половцемъ (369,17).

глава: главы своя положиша (9², 10); въ Сл. о п. Иг.: хощю главу свою приложити; Ипат. лѣт.: за Русскую землю головы своѣ сложити (368,23).

глядати: часто глядаху дабы не вредилъ юноши (32); Ипат. лѣт.: съглядаша полковъ своихъ (370,2); у Флавія: сего ради ѿстаноу зде, да разъглядаю оудобїе вон (208).

голка: голка (рук. испорч. — толкъ) велика (рук. — ъ) побѣже (32); ср. Срезневск. I, 612 (цитаты изъ Іакова Мниха, Кир. Тур., лѣтоп. и пер. Житія Андрея Юрод. (рус. пер. — Собол., 167), Александрія (ibid. 169) — θόρυβος); у Іос. Флавія: и голку незнаемоу нападъшоу (202).

гораздъ: гораздо нань зрѣти (32), гораздъ играти (33), гораздо на немъ играетъ (МП.); у Срезн. (I, 552–3) ср. цитаты изъ лѣтоп. (подъ 6495, 6745 гг.), Ж. Андрея Юрод., Кир. Тур.

грамота (письмо): посла грамоту (16), принесоша грамоту (16²); кромѣ Поуч. Моном., Кир. Тур. и др. (Срезн. I, 579), ср. у Флавія: писавше епистолїю скоро.... и вдаша грамоту (122²), рядомъ: книгы, в нихъ же написано бы (19) — въ смыслѣ также письма.

дрьзость: како дръзость яви (МП.), Девгенїеву дерзость (31²; ср. 16²), какова дерзость явись (31²), почюдишася такой дерзости (33), кою дерзость имаши (9², 12, 17²), показавъ..... дерзость (10), зане имамъ мужескую дерзость (10²), какову Девгенїи дерзость показа (11²), аще имѣеши мужескую дерзость у себѣ (12), о дерзость благодатная! (15). — Ср. въ лѣт. Ипат.:

бяше же (Волод. Глѣб.) дерзъ и крѣпокъ къ рати (436,4), бяше же мужь бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати (431,12); ср. у Срезн. (I, 778—9)—изъ Поуч. Мон. и Кир. Тур.

дружина: дружина (9, 9², 10, 11); кромѣ лѣтоп. (Срезн. I, 730), ср. у Флавія: и дрꙋжины его почести когожᵈо по достоянію (8²), кожᵈо гдѣ хощеᵗ дрꙋжинꙋ пріимъ (45²), раздѣли своей дрꙋжини дань (212).

думати, дума: ту думу думали (11), удумалъ еси (16², ср. 17), начатъ думати (18), думаше чрезъ рѣку ѣхати (18), что есть здумалъ (14²).—Ср. Ипат. лѣт.: явлена бысть дума его (366,17); дума Мьстиславля (368,20); у Флавія: думаеть бѣжати (21, 28), доумахоу битися (56), доумаеть бо оубиті ю (9), призва архієрѣѧ и доумци (66²), доумаѧ да гладомъ възметь ѧ (87), без ᵈоумы не исползчаваютсѧ (62²), доумаше побѣгноути изъ града (87), въдасть имъ времѧ на дꙋмоу (114), ни дꙋмы, ни дѣла, ни слова (121), с людмі дꙋмаста, что достоить сотвбрити (122) и т. д. Ср. также Соболевскаго, стр. 167.

женьчугъ: жемчугъ (13) жуковины..... з другимъ каменіемъ и жемчугомъ (14); ср. у Собол. 167; ср. Сл. о п. Иг.: сынахуть ми..... великыи жемчугъ на лоно; Ипат. лѣт. подъ 6683: шитыхъ... женчугомъ, и др. (Срезн. I, 855, почти исключительно изъ русскихъ памятниковъ).

животъ: не имаши живота имѣти себѣ (10), подаждь ми животъ (13²); ср. у Срезн. (I, 868): Аще въ семъ житьи животъ намъ подасть (Іо. митр.), забывъ чти и живота (Сл. о п. Иг.), токмо животъ имате (Псков. лѣт. подъ 6773 г.), даша имъ животъ (Новг. I подъ 6906).

жуковина: на конецъ устенъ висяху многи жуковины (МП.), жуковины многоцѣнны з драгимъ каменіемъ (14). Рѣдкое слово: у Срезн. (I, 883) только изъ «Девг. дѣянія» (по тексту М. П. изъ Карамзина) [1]; въ формѣ «жиковина» (δακτύλιος)—въ Георг. Ам.

---

1) У него ошибочно сдѣлана ссылка на «Пов. о Синагр.». Въ Толк. Палеѣ (рук. Барсова, № 619, XV в. нач., л. 235а) въ разсказѣ о Китоврасѣ находимъ его дважды.

(русск. пер. или русская правка), въ грамотахъ русскихъ XV—XVI в. (ibid., I, 873).

знаменіе: знаменіе свое возложу (14), возложи имъ знаменіе на лице (19)—въ смыслѣ болѣе конкретномъ, нежели обычно (=σημεῖον; ср. Мѳ. XXIV, 48): значекъ, клеймо, тавро (ср. въ I, Псковск. подъ 6950 г.: а знаменіе бысть тако: коемуждо явится железа, тотъ наскоро умиралъ—о «черной смерти»); поэтому въ томъ же значеніи: пятно (16: Ѳилипапѣ стрыю возложи пятно на лице).

играти: мечемъ играше..... копіемъ (31), всяческимъ оружіемъ играше (33[2]); онъ гораздо на немъ (фарѣ) играетъ (МП.).

исполчитися: исполчеваись (17), исполчился царь Василій (18), множество вои исполчено (17).—Лѣтоп.: Володимеръ же ста исполчився (Ипат. подъ 6652 г.); ср. другія цитаты оттуда же у Срезн. I, 1140; у Флавія: по рѧдоу исполчившеся (35 et passim), сташа пре^д градомъ исполцившеса (84), Оуеспасинъ исполчи воа (85), Симонъ исполчивы воа биса (168); без ^оумы не испълчаваютса (82[2]).

иноходый: на голубицѣ (ркп. полубицѣ) иноходомъ (11), на конѣ иноходомъ (11[2]).—Ср. въ Сл. о п. Иг.: повелѣя отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи.

исхитити: Стратиговнѣ исхищено (sic) быти (9), чему ти исхитити мене (10), татъбою..... дѣвицу исхити (10[2], 12; ср. татбою украде, 11[2]);—ср. выше—«въсхытити»; ср. лѣтоп.: хотя исхытити отъ всѣхъ имѣнье (подъ 6677, по Срезн. I, 1164).

капань: понеже..... отъ звѣринаго пота и медвежи капани и лютаго звѣри крови порты на тебѣ орудишась (32).—У Срезн. единственная ссылка (капаниє — истеканіе) на Минею 1096 г.: капания мучьничьскихъ кръвни (I, 1192).

кликнути: кликну его къ нему (31[2]), начатъ велегласно кликати Стратига (11[2], 12), кликну велегласно (12, 18); начатъ кликати сыны своя (12), кликнȣ за рѣку предстателемъ (18[2]);—ср. въ Сл. о п. Иг.: за нимъ кликну Карна, Донъ ти, княже, кличеть, кликну, стукну земля, Дивъ кличеть връху древа.

кметь: (12, 12²); ср. Соболевскій, 175: онъ отмѣчаетъ слово, какъ характерное для русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода; подробнѣе см. у Срезн. I, 1390.

кожухъ: 20 кожуховъ сухимъ знатомъ шиты (15², bis), въ Сл. о п. Иг.: кожухы начашя мосты мостити. У Срезн. (I, 1246): отъ кожь оустроеныя ризы..... яже кожюхы вѣсть нарицяти обычай (Студ. уст. XII в., рус. пер.); лѣт.: кожюхъ же оловира грѣцького и круживы златыми плоскими ошитъ (Ипат., подъ 6760,—541,4—5).

конюхъ: подасть ему 20 конюховъ (15²);—см. Срезн., I, 1277, рядъ цитатъ почти исключительно изъ лѣтописи (съ 6420 г. по 6771 г.); также—въ «Александріи» для передачи греч. ἱπποφορβοί; ср. у Соболевскаго, 169.

кормилица: начать звати кормилицу (9²);—Русск. Правда: Ащс раба кормилица, любо кормиличицъ 12 (гривенъ); Василья же Юрьи попъ съ кормилицею возися (Ипат. лѣт., подъ 6711 г.). Греч. βάγια, βάϊα—въ текстахъ Девг. дѣянія.

кормилецъ: пріятъ и кормилица (сокольихъ?) и слуги (14²), подасть..... соколовъ 20 съ кормилцы своими (15²);—ср. у Соболевскаго, 169.

кудрявыи: власы кудрявы (32):—Ипат. лѣт. подъ 6796 г.: волосы имѣя желты, кудрявы.

ловъ; поидите на ловы..... о ловѣхъ не молви (31), ѣхать на ловъ (31), идяху на ловы (31²), начатъ ловы дѣяти (16); Ипат. лѣт.: идоста на ловы..... и ту ловы дѣявша (449,28—29); рядъ другихъ цитатъ изъ русск. пам. и переводовъ—у Срезн., II, 39.

лось: 32² (et passim); ср. въ Поуч. Моном.: 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другыи рогома болъ; въ «Д. д.»=ἔλαφος, ἐλαφῖνα.

милый: чадо мое милое (32), еже дарити зятя милово (15); ср. въ Сл. о п. И.: Игорь ждетъ мила брата Всеволода, жаль бо ему мила брата Всеволода, своя милыя хоти красныя Глѣбовны, своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити; ср. у Флавія: ѡному ѕѣло бы мила жена (17²); лѣтоп.: пріялъ бо бѣ Данила, како милого сына своего (480,32).

милостивникъ: сотвори радость (рукоп. худость) велику.... со своими милостивники (9), съ милостивники (11), выѣде къ милостивникомъ своимъ (11^2), съ милостивники нарядивъ (12), повелѣ Д. своимъ милостивникомъ (13^2), посла милостивники своя (14^2).—У Срезн., II, 138, —«милостьникъ» со значеніемъ: «любимецъ», и цитатами изъ лѣтоп. исключительно (Новг. I, подъ 6644 г., Ипат. 6682 г., 6683 и 6688 г.). Ср. въ сербск. «милосник» въ Законникѣ Душана (Беогр. 1898, стр. 192; чл. 78): човек владалачке милости и владалачкога поверења, преко кога се што чинило — Ст. Новаковић; ср. Рјечник из књижевн. старина српских (Даничић, II, s. v.).

многоимецъ: вѣщаша ему многоимцы (= бояре) (18).— Изъ другихъ текстовъ неизвѣстно.

многоцѣнный: многоцѣнныя ризы (9, 11), жуковины многоцѣнны (14), крестъ златъ.... многоцѣненъ (14); многоцѣнное имѣніе (15). Обычный эпитетъ при характеристикѣ вещей (= πολυτίμιος): бисеръ, вѣнецъ, одежда, сокровище, икона; цит. у Срезн. II, 210—211, какъ изъ переводныхъ, такъ и русскихъ памятниковъ (изъ Іак. Мниха, Ипат. лѣт. подъ 6683 г.).

молвити: не молви (9^2, 31, 11^2), да не молвиши (11^2), да не молвите (12); обычное въ лѣтописи; см., напр., въ Ипат. 357,20, 358,7, 362,25 и т. д.; у Флавія: ꙗко рѣчью молвиховѣ (24), но азъ вамъ молъвлю (121^2), не измолвиша слова (99), ср. въ Сл. о п. Иг.: млъвить Гзакъ Кончакови, про малое—се великое—млъвити.

нарядити: поносъ имъ сотворити.... нарядивъ (12), нарядивъ послы (16, 16^2, 17^2). У Срезн. въ обѣихъ значеніяхъ (приготовить, устроить и послать) цитаты исключ. изъ лѣтоп.; Андрея Юрод. (рус. пер.) и Амартола (рус. пер. или правка); у Флавія: наради воѧ оутрꙋ пристоупять (219^2).

нуда, нудити: начатъ (Д.) прилежно нудити отца своего (31), жаль ми тебе млада нудити (ibid.), нѣсть ми нуды въ томъ (19^2).— Съ разными оттѣнками значенія (πείθεσθαι, καταναγκάζεσθαι, βιάζεσθαι) см. у Срезн. II, 172; изъ Флавія: ноудить мѧ естество по-

казати милость (15), ноудѧ (настаивая) на разлоученіє жены (19[2]). ноудить възрастъ нейскꙋшенъ бра́ни (68[2]). Нуда—въ Слов. Срезн. не указано.

оборона: левъ съ великою обороною итти (sic) къ нему (32[2])— съ этимъ значеніемъ не встрѣтилось.

орудіе: что есть тебѣ орудіе къ сему дому (9[2]); обычно въ лѣтописи съ этимъ значеніемъ: послалъ на свое орудье (446,19); ср. Поуч. Мон.: есть ми къ тобѣ орудіе велико.

острога (шпора): острози (33). У Срезн. (II, 744) только поздніе (XV в.) примѣры.

охочій: охочь одинъ храбровать (16). Съ этимъ значеніемъ въ старыхъ памятникахъ (по крайней мѣрѣ, принятыхъ въ Словарѣ Срезневскаго) не встрѣчается; м. б., въ текстѣ Д.-д. оно явилось въ замѣну старшаго выраженія?

отрывати: оторва главу (31[2]). Повидимому также надо признать подновленіемъ стараго выраженія (напр. отторже); ср. Срезневскаго, II, 766.

ощутити (м. б. очютити): ощути медвѣдица юношу (31[2]).— Въ лѣт. (по Срезн., II, 848) подъ 6604 г.: не очютиша ихъ (Святослава и Владимира) Половци; у Флавія: гражане бо ѿчютивше пришествіе ихъ, сташа пре^д градомъ (84); плѣненій не ѿчютиша, ра́з^дроуши бѡ силꙋ и̂хъ трꙋдъ и̂ сонъ (91), римлѧне же ѿчютивше пришествіє и̂хъ притекоша скоро (210). Впрочемъ, возможно въ томъ же значеніи и «ощутити»: Срезн. II, 852.

паволока: паволока драгая (15[2], 13, 33); въ значеніи: дорогая ткань, обычно въ лѣтописи, см. Срезн. II, 855; ср. въ Сл. о п. Иг.: помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты; у Флавія: паволока вавѵлонская (161[2]), ризы и̂ паволоки (223). См. у Соболевскаго, 164.

пакость: начнетъ пакости творити (*9*);—лѣтоп.: начаша Половци пакость творити по Рьси (387,15) и др. (у Срезн. II; 864); у Флавія: на пакость войномъ его щаденіє цр҃ковноє (217[2]), и̂ оу̂стройвьше желвы да быша не па́костили и̂мъ и̂зъ гра́да (86).

пардусъ: пардусовъ и соколовъ 30 (15, МП.); въ лѣт. Ипат.

(подъ 6668 г.): да Святославъ Ростиславу пардусъ и два коня борза. Ср. въ Сл. о п. Иг.: прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.

погнати: погна царя Василія и нагна близко града (18²), повелѣ ко граду погнати (33); ср. въ лѣт.: мнози гониша по нихъ (369,25); у Срезн. II, 1026: погна съ отрокы, хотя видѣти (Несторово Житіе Өеодосія), Владимеръ, всѣдъ на коня, погна (Лавр. лѣт. 6655 г.); мнози гониша по нихъ (369,25); Всеволодъ же князь погна вслѣдъ ихъ со всею дружиною (тамъ же 6685); у Флавія: по нихъ погна первое Оу҆еспасїа҆нъ (257); Есписїа҆н же гна́ по не́мъ (99²).

погоня: аще не будетъ по мнѣ погони, и не бысть по мнѣ погони (12), ср. лѣтоп.: жда по себѣ погони (Псковск. I, 6773 г.— у Срезневскаго, II, 1016).

подати: подаждь ми животъ (13²; ср.: животъ намъ еси даровалъ—ibid.), подасть плѣнникомъ свободу (16), а Максимѣ подасть свободу (16; ср. даи намъ свободу, 13²; дамъ ти свободу, 14; такую намъ свободу даеши, 14); подасть Стратигъ (15² et passim въ см.: подарилъ, далъ въ даръ); ср. въ Ипат. лѣт.: дасть прощеніе Кіаномъ (353,22); мощьнъ есть подати пищю (Жит. Өеодосія); у Флавія же обычно: прощенїе подажь (63²); самъ отдамъ животъ (=пощажу) (230²), дары подобна҆а подамъ (242), да ему прощеніе (235), подасть ему ӣ талантъ (14²; ср. 21²).

пожаловать: пожалуйте (=выдайте) оружія (18). Съ этимъ значеніемъ у Срезневскаго (II, 1078) не указано. Подновленіе старшаго текста?

покореніе: мнѣ множество (sic) покореніе датъ; не дасть ми покоренія (17²); ср. Лавр. лѣт.: посла съ покореньемъ къ Ярополку, испроси миръ (6646 г.), ожидающе къ себѣ Половецъ и отъ Изяслава покоренія (тамъ же, подъ 6657 г.); у Флавія: призываа҆ е на покоренїе (172²), а҆кы ѿ пра́дѣдъ наслѣдова́вше покоренїе (119).

полы: пресѣче на полы (32²); ср. на полы прѣсѣченъ (ἡμίτομος, изъ Григ. Наз. XI в., по Срезневскому, II, 1143), когождо

перетенъ на полъ (Ипат. лѣт., подъ 6654 г.), товаръ съ ними раздѣлиша на полы (Новг. I, подъ 6711 г.).

поносъ: поносъ имъ сотворити; поносъ ти великъ сотворихъ (12); ср. у Срезн. II, 1183: не сотвори насъ въ поносъ (Іак. Мнихъ).

порты: (9), рудныя порты (32)—примѣры въ рус. и перев. рус. пам. см. у Срезневскаго, II, 1753.

поскочити: поскочи на нихъ (18²), поскочи противу ему (31²), поскочи Д. (32²), борзо поскочиста (32²), скочивъ у нихъ за рѣку, скочи (Д.) черезъ рѣку (18), первое скочи (13), скочи борзо предъ сѣни (11, ср. 31²), доколе не скочитъ на тебе (31²), наскочи (31²).—Ср. Сл. о п. Иг.: Камо Туръ поскачаше..... лежатъ... головы; Жля поскочи по Руской земли; Игорь князь поскочи горностаемъ; въ Сузд. лѣт.: Новгородци же.... боси поскочиша, а смолняне такоже поскочиша пѣши (подъ 6724 г.).

похупатися: похупается (покушается, 31 — подновленіе) всякый звѣрь побѣдити (М. П.); Ипат. лѣт.: пошелъ бяше.... Кончакъ.... похупся яко плѣнити грады Рускыѣ (428,30); у Флавія: хоупахоуса ѩко самого кесара оубившие (217²), хоупаса г҇лше раздѣли своей др8жини дань (212).

пощадѣти: старость твою пощажу (14, въ М. П.: старости твоея дѣля пожалую—поновленіе?);—у Флавія: и не пощажу никакого же възраста (141), ни живота щадаще, ни себѣ блюдоуще (220); ср. вамъ отдамъ животъ (230²).

правый: Д. влечаше лосову главу на правой рукѣ и два медвѣдя убитіе, на лѣвой рукѣ раздраны лось (32²);—ср. у Даніила Паломника: въ Святая Святыхъ на правую руку, а на лѣвую (вар.—шуее) къ Святому Воскресенію (Пал. Сб.: I, 3, стр. 15); въ Слов. Срезн. (II, 1354) примѣръ изъ Псков. I лѣт. подъ 6776 г.: по правой руцѣ.... по лѣву.

предати: вскорѣ смерти нредамъ, не предай отца моего смерти (13);—ср. Срезн. II, 1629: не прѣдаи же мене въ смерть (Нестора Борисъ и Глѣбъ); повелѣ кумиры..... огню предати (Пск. лѣт. I, 6496 г.).

предрукавіе: предрукавїе дрогимъ жемчюгомъ сажены (33).—У Срезневскаго не указано.

представитель: предстатели (рук. представители) отцу его повѣдаша (14²) [1]), подасть свободу своими предстатели (16), посла Д. своего предстателя (17), рече своимъ предстателемъ [2]) (18), дасть предстателемъ своимъ [2]) (18²). Съ значеніемъ: служитель, предводитель—у Срезн., II, 1639—40; ближе у Флавія: и за р8кы емлющеся сѣчах8 и многы пре́стателе падоша (169).

прекрасный: о прекрасной дѣвицѣ (9²), прекрасная Стратиговна (9², 11²), дщерь свою прекрасную (11², 13⁹), прекрасное солнце (обращеніе къ лицу, 10), слышавши..... прекраснаго игранія (9²)—очень часто употребляемое сочетаніе (м. б. эпитетъ).

преславный: преславный Девгеній (31, 32), чюдо преславно (32), свадбу преславную (14, 14², 15) — также общеупотребительный эпитетъ.

приспѣти: донеле же азъ приспѣю (9), уже приспѣ на тя (12); ср.: всегда ему доспѣется о прекрасной дѣвицѣ (9²), предо мною не успѣютъ ничто же сотворити (10), не успѣ ничтоже (14²); ср. у Срезн. II, 1456 (лѣтоп., Іак. Мнихъ); также I, 710 (примѣры оттуда же); у Флавія: веляще доспѣти на выходъ, да никто же не оумѣдлить (82). Ср. Соболевскій, 167, 164; въ Ипат. лѣт.: бяхуть бо до нихъ (полковъ) доспѣли (431,24), доспѣвъ иде къ Подолью (4353,5).

простъ: азъ есмь отъ простыхъ людей (16²), не отъ простыхъ людей (32²), съ простымъ человѣкомъ битись (18²),—въ значеніи: незнатный и обыкновенный; ср. въ лѣт.: мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярскихъ (433,15), не акы князю, но акы подручнику и просту человѣку (390,10); ср. бояромъ и простымъ (у Иларіона), простъ же родомъ, не книжникъ словомъ (рус. пер. Георг. Амарт.), нарочитыхъ людіи 12 гривенъ, а простыхъ чадь рубль (Уст. Яросл.); у Флавія: родомъ ѿ простыхъ (211) і҃съ

1) Въ смыслѣ: посолъ.

2) По смыслу мѣста очень близко подходитъ къ «милостникамъ» (см. выше это слово).

нѣкто анано^в с҃нъ ѿ простыхъ не книжникъ (225; ср. 225² — нѣкоторїй же ѿ нарочитыхъ).

прослыти: дерзость и храбрость твоя прослыла по всей вселенѣй (16²); — у Иларіона: Владимира..... мужьствомъ же и храборьствомъ прослувша въ странахъ многихъ (по Срезн. II, 1572).

пустити (въ см. послать): пусти во градъ юношу (10², 11), пусти предъ градомъ (11); см. цитаты изъ лѣт. у Срезнев. II, 1727; ср. у Флавія: вса поущаемаа ѿ нихъ на на (120), пꙋстиша й жити въ ѡстрозѣ (138).

пятно (клеймо): Ѳилипапѣ стрыю возложи пятно на лице (16; ср. выше: знаменіе); ср. въ Ипат. лѣт.: пятны своѣ восклалѣ (370,28), въ см. тавра.

радость: сотвори радость велїю зъ дружиною своею (11), радость ти велію сотворю (14), сотвориша радость велію (14²), сотвори радость велію (19) — обычное въ текстѣ сочетаніе; у Срезн. примѣровъ не дано.

рогвица (по Срезн. (III, 131): рогъдица, рогтица—палица, дубина) 1): поверже свою рогвицу (31²), рогвицу (рук. рогвицею) своею вземъ (12²), удари его рогвицею тихо (13); ср. у Срезн.: рогдицею нѣкто въ главу удари (Амарт., рус. пер. или правка), иземь рогтичю изъ пояса своего (Ипат. лѣт., подъ 6764 г.).

рудный (окровавленный; отъ «руда»—кровь): рудныя (порты) съ (рук. к) себе снимеши, понеже отъ звѣринаго пота и медвежи капани и лютаго звѣри крови порты на тебѣ орудишась (32). Въ этомъ знач. у Срезневскаго (III, 188) не указано; ср., впрочемъ, s. v. рудожелтый (ibid.) и II, 1215 — порудити—нарушить, перечеркнуть (подр. краснымъ крестомъ) грамоту.

рыкати: (звѣрь) начатъ рыкати (32²), отъ рыканія жь медвѣдя..... голкъ побѣже (31²); ср. Льва.... единѣмъ рыканьемъ вся потрясающа (Пчела, пер. русск.); рыкають, акы тури ранені (Сл. о п. Иг.), левъ рыкнетъ, кто не устрашится (Дан. Заточн.).

---

1) Н. С. Тихонравовъ (Соч. I, 270, и прим. 10, (стр. 86) оближаетъ съ ῥώγα (solde, solaire); въ текстѣ Trap. V, 1503: καὶ λυπηθεὶς χαρίσωμαι ῥώγαν ἐκ τῶν χειρῶν μου.

сапогъ: сапоги его вси златы (33); ср. въ Ипат. лѣт. подъ 6760 г.: сапози зеленого къза шити золотомъ (Срезн. III, 262).

свадьба: аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ (М. П.), ѣхать къ тебѣ на сватьбу (14), три мѣсяца свадбу дѣяша (14), повелѣ пристроить преславную свадбу (14²), начаша свадбу готовити (15), преславную свадбу твориша (15), радующесь свадбѣ (15²); ср. Изяславъ: же, створивъ свадбу, поя ю женѣ (Лавр. лѣт. подъ г. 6662), свадбу дѣють (Зак. судн. людемъ), у нихъ сватьбу творять (Изб. 1076), сватьба пристроена (Новг. лѣт. I, 6741 г.). См. Соболевскій, 169.

сватъ: посла къ свату своему (15), свату (15—зват. пад.); у Срезн. (III, 267—268) всѣ почти указанія изъ лѣтописи, начиная съ 6693 г.; ср. въ Сл. о п. Иг.: сваты напоиша.

сила: о бръзости, о силѣ и о храбрости (М. П.), надо всѣмъ силу имѣти (31²), велику силу давъ ему надо всѣми силными и храбрыми (33); ср. у Даніила Зат.: Господи, дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову (ср. Срезн. III, 348).

слава: зане идетъ слава моя по всей земли (17²); ср. Сл. о п. Иг.: ищучи себѣ чти, а князю славы, звенить слава въ Кыевѣ (тамъ же) и т. п.

сохранитися (въ см. схорониться, спрятаться): (звѣри) сохранилися бяше въ пустолѣсіе (32); ср. Срезневскій III, 1387: А оже боудоуть съ нимь крали и хоронили, то всѣхъ выдати (Рус, Пр. Мон.), в земли не хороните, то ны есть грѣхъ великъ (Поуч. Вл. Мон.), Володимиръ же влеча и во дворъ.... Игоря хороня, и затворивъ ворота (Ипат. лѣт. 6655 г.); у Флавія: єгоже хорониши (23 — прячешь).

срамъ: понеже ми есть въ томъ срамъ (10), велика есмъ срама добылъ (11²), не введи насъ въ срамъ (14), въ томъ есть срамъ (17²), занеже ми есть срамъ (17²);—ср.: Да не выискивати было чюжого, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести (Поуч. Влад. Мон.); луче, братья, измремъ здѣ, нежели соромъ взмемъ на ся (Лавр. лѣт., 6658 г. — Срезн. III, 466).

стеречь: другъ друга стерегите (9), стерегись, чадо (31[2] bis), Василій царь всю страну Кападокейскую стерeглъ (16), повелѣ своей дружинѣ имѣти у себя сторожу (9); см. у Срезн. III, 513: даі намъ сторожи, ать не избіють насъ (Новг. I, л. 6767); стояша у Канева все лѣто, стерегучи земли Рускиѣ (Ипат., 453,9); ср. Сл. о п. И.: стрежаше его гоголемъ на водѣ.

Стратиговна: (9[2] et passim) — отъ «стратигъ», образованіе (отчество отъ нариц. имени) аналогичное: «дядьковичъ» — отъ «дядько» (у Срезн. I, 804), «шуричъ» — отъ «шуринъ» (тамъ же, III, 1600), если «стратигъ» не принято переводчикомъ за имя собственное.

стрый: и стры(и) его ловятъ (31), стрыи рече (32[2]), господине ст(р)ыю (32[2]); въ лѣт. обычно (въ значеніи — дяди по отцу, какъ и въ Д. д.): см. Срезн. III, 363—364; у Флавія: вда за аⷩтипатра своєго стрыѧ҃ (15), ... а вторꙋю за своєго стрыѧ (18).

сумежіе: ста Амира на сумежіи Грецкой земли (М. П.); — ср. лѣтоп. Лавр. подъ 6694 г.: поидемъ къ нимъ на сумежіе; и поѣхаше на сумежье языка добывати (Пск. лѣт. I, л. 6849).

сухый: 20 кожуховъ шиты сухимъ златомъ (15[2]), верхъ его (шетра) шитъ сухимъ златомъ (17); параллель нашлась только у Флавія: ѡдръ же бѣ҃..... злата соуха весь и съ каменіемъ драгымъ (35), вꙋнꙋтрь же двери быша соухаго злата (161), фиалы всѧ соухымъ златомъ строєна (234[2]).

татьба: татъбою дѣвицу исхити (10[2], 12), татбою украде (11[2]); ср. у Кирилла Тур.: 18 мытарьство — татба и всякое краденіе (по Срезн. III, 927); яко татбою украдоша мя изъ земля жидовьскы (цит. изъ Кн. Бытія, XL, 15).

тысящникъ: Стратигъ же собра..... кметы своя и тысящники (12); ср. Лавр. лѣт. 6765 г.: десятники, сотники и тысящники (по Срезн. III, 1076). М. б., въ оригиналѣ: было «тысячскыи» (= тысяцкій), примѣровъ которымъ въ лѣтоп. масса (ср. Срезн. III, 1074—5)?

ужасный: дѣва ужасна бысть и трепетна (9[2]), дѣвица.... бысть ужасна (12[2]) = испугалась, была въ ужасѣ; ср. у Нестора

Жит. Бор. и Гл.: И ужасенъ бывъ, старѣйшина повелѣ..... стрещи святого тѣла (Срезн. III, 1163).

укротити: тебя же укротитъ (31^2); съ знач.: побѣдитъ, погубитъ, у Срезн. не указано.

умъ: что имаши на умѣ (10); кромѣ библ. текстовъ (ἔχετε τῇ ψυχῇ—Быт. XXIII, 8; τῇ διανοίᾳ — Лев. XIX, 17), можно привести (см. Срезн. III, 1212) изъ лѣт.: Олегъ пріимъ въ умѣ (г. 6420); на умѣ си положи (Іакова Мн. Бор. и Гл.), гордости не имѣите въ срьдци и въ оумѣ (Поуч. Вл. Мон.); ср. летая умомъ подъ облакы (Сл. о п. Иг.); Dig. Cr.-Fer. IV, 316: εἰ ἔχεις με εἰς νοῦν σου.

фарь: (33^2, 11, 15^2, 18^2)—конь (греч. φαρίον); у Срезн., III, 1352, цитаты исключительно изъ лѣтописи (6658 — 6727 гг.) и Девг. дѣянія (по М. П., изъ Карамзина). См. Соболевскій, 175.

хвостъ: (нача) хвостомъ ребра своя бити (32^2); у Срезн. III, 1366, цитаты исключительно изъ русскихъ пам. (лѣт., Ѳеод. Печ.) или рус. переводовъ (Андр. Юрод., Пчела).

хладарь: исподни хлодари (83)—у Срезн. не указано.

храбрость: о храбрости ихъ, о бръзости, о силѣ и о храбрости (М. П.), слышавъ о дерзости и храбрости (16 и 16^2), красоты и храбръства кто не подивится (32^2), отъ храбрыхъ..... никто (32), надо всѣми силными и дивно храбрыми (33), думу думали мнози храбри (11); Стратигъ во всѣхъ храбрыхъ силенъ бысть (14^2), охочь единъ храбровать (16). См. выше подъ сл. «сила» цитату изъ Дан. Зат.: луче есть единъ мудръ десяти хоробрующихъ безъ ума; ср. хороборъ и крѣпокъ на рати (Ипат. лѣт. 6799 г.), Ольгово хороброе гнѣздо (Сл. о п. Иг.); Александръ Поповичъ ту убіенъ бысть съ инѣми 70 храбровъ (Сузд. лѣт. 6731 г.); Ираклій бысть добліи храбръ (ἀνδρεῖος — Георг. Ам.); похвалимъ... Владимира.... храборьствомъ прослувша въ странахъ многахъ (Иларіонъ); ср. у Флавія: аще же хоробрьствꙋ юности кто Тита крѣплее (144), се же ѐ пра́во храборьство (172), много храбрьства показа (210), восхотѣ похвалити вс́ѧ воѧ̀ своѧ̀ ѿ храбръствѣ и҆ ѿ хытрости (241); ср. также въ Толк. Па-

лeѣ заглавіе: ὄ храбрыхъ (безъ существ.) — рук. Барс. № 619, л. 225^{в}.

худость, худоба: худобу мою видѣти (16²), потрудился царь твой къ моей худости (17): въ см. ничтожество (εὐτέλεια); «моя худость» — въ смыслѣ самоуничиженія: и тѣмъ всѣмъ владѣеть наша худость (Посл. Симона къ Полик. — по Срезн. III, 1417).

царство: не имать царство твое до мене николи жъ вины (16²), толко имать (рук. имамъ) юность твою видѣти царство мое (16²), не боюсь царства твоего (16²), не обрадуешися царству своему (17), противу моего царства (рук. — царству) (17²), во что вмѣняется царство твое (18) — вездѣ въ смыслѣ титула; ср. догов. Игоря 945 г.: Аще ли хотѣти начнеть наше царьство отъ васъ вои (по Срезн. III, 1474; друг. цитаты см. такъ же въ v. цѣсарьство) (ἡ βασιλεία ἡμῶν).

четвертъ: самого четверта взятъ (18²), послалъ (м. б. слѣд. — поѣхалъ?) самъ четвертъ (9), узрѣ Д. самого четверта (9²); — ср. лѣт.: А Ростислава всади въ ладью, толико самого ли четверта отпусти и къ отцю (Лавр. 6657 г.); самъ четвертъ убѣжа (Соф. врем. подъ г. 6986). Только эти два примѣра и приведены Срезневскимъ (III, 1511).

шатеръ (15², 17 et passim). Соболевскій (168, 169) считаетъ слово типичнымъ для русскихъ оригин. текстовъ и русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода; ср. у Флавія: сѐ же в шатрѣ почиваше ѿ брани (220).

шеломъ: шеломъ златъ (13); ср. частое употр., и съ тѣмъ же эпитетомъ, въ Сл. о п. Иг.; у Флавія: бы ѡлъченъ въ шеломъ и въ брони всюдѣ (203²).

шуринъ: (15²), шурью свою (15, 15²); примѣры у Срезн. (III, 1600—1) почти исключительно изъ лѣтописей и юрид. пам. (XI—XIV в.).

матерній: матерня молитва (14²); ср. матерня часть (Поуч. Мон.), матерня болѣзнь (Ипат. лѣт. 6669 г.).

наколѣнникъ: наколѣнники его бяху драгая паволока (33); у Срезн. (II, 293) – «наколѣнокъ» и единственный примѣръ 1582—

83 г.: двои наколѣнки — камка Бурская по золотой землѣ шолкомъ.

Въ дополненіе можно отмѣтить и нѣсколько выраженій, отчасти, м. б. принадлежащихъ къ оригиналу перевода, отчасти, м. б., замѣнившихъ старшія въ позднѣйшихъ спискахъ: снимеши порты (32), не бысть никаковъ отвѣтъ (11^2), время преминуло на нощь (9), обыщи мя главу мою (12^2 — обычный сказочный мотивъ), колотись (32—быть кальнымъ, загрязниться), даешь надежду тверду (12), дома нѣтъ (10) [1]), все имѣніе еже было не вѣсть чего прiятъ (14^2; ср. нѣсть числа).

Приведенный, довольно значительный по объему (но отнюдь не безусловно исчерпывающій) списокъ словъ и выраженій, которыми характеризуется лексическій матеріалъ перевода «Девгеніева дѣянія», наглядно показываетъ: 1) что переводчикъ вращался при употребленіи тѣхъ или иныхъ выраженій для передачи греческаго оригинала въ области того словоупотребленія, которое обычно и характерно для русскихъ памятниковъ до-монгольскаго періода, встрѣчаемое въ лѣтописяхъ, оригинальныхъ и переводныхъ памятникахъ этого времени: за исключеніемъ немногихъ выраженій, принадлежность коихъ основному тексту можетъ быть заподозрѣна и объясняться позднѣйшими измѣненіями текста вплоть до XVIII в. (отъ котораго дошелъ до насъ текстъ), всѣ его выраженія находятъ себѣ оправданіе въ памятникахъ указанной эпохи; 2) переводчикъ пользуется для передачи греческихъ выраженій оборотами и словами исключительно свойственными русскимъ памятникамъ или завѣдомо русскимъ переводамъ или завѣдомо исправленнымъ на Руси югославянскимъ текстамъ, что̀ подтверждаетъ, что переводъ сдѣланъ прямо съ греческаго на Руси, а не на югѣ славянства; немногія выраженія, какъ будто указывавшія на югъ славянства, получаютъ свое объясненіе или изъ оригинальныхъ русскихъ памятниковъ (гдѣ они являются югославянизмами уже русской литературной рѣчи), или изъ упомянутыхъ русскихъ пе-

1) Ср. «а его нѣту»—въ Толк. Палеѣ въ разсказѣ о Китоврасѣ (Барс. рук., № 619, пл. XV в., л. 231^b).

реводовъ (гдѣ ихъ роль такая же); 3) по своему характеру текстъ «Девг. д.» принадлежалъ къ числу памятниковъ литературы не только свѣтской, но и въ ней къ отдѣльной вѣтви — такъ называемыхъ «воинскихъ» повѣстей, чѣмъ объясняются особенности его стиля, представляющія еще въ греческомъ черты своеобразныя, нашедшія себѣ отраженіе въ переводѣ; а это, въ свою очередь, даетъ объясненіе сходства перевода по стилю не только съ аналогичными текстами переводными же (каковъ Іосифъ Флавій), но и оригинальными (каковы: Слово о полку Игоревѣ, отдѣльныя «боевыя» мѣста лѣтописей); 4) особенно частое совпаденіе въ выраженіяхъ и способѣ ихъ употребленія съ южно-русскими лѣтописями XII—нач. XIII в. и болѣе рѣдкое соотвѣтствіе съ болѣе поздними страницами тѣхъ же лѣтописей и лѣтописей другихъ областей ведетъ къ предположенію, что и переводъ «Д. д.» слѣдуетъ относить приблизительно къ той же эпохѣ и той же мѣстности, т. е. счесть его фактомъ еще южно-русскаго періода, кіевскаго, періода нашей литературы XII—нач. XIII в., и появившимся на югѣ Россіи; 5) обиліе выраженій, дающихъ близкую параллель къ памятникамъ русскаго Юга этого времени, встрѣчаемое въ спискѣ XVIII в., находя себѣ частью (въ сохраненныхъ отрывкахъ) соотвѣтствіе и въ спискѣ XVI в. (М. П.), даетъ понять, что и поздній списокъ, единственный намъ доступный, въ достаточной степени сохранилъ древній свой обликъ и потому можетъ дать довольно точное представленіе о самомъ древнемъ переводѣ, какимъ онъ вышелъ изъ подъ пера переводчика, т. е. позволяетъ отнестись съ довѣріемъ къ степени его сохранности.

Т. о. переводъ «Д. д.» рѣшительно слѣдуетъ признать переводомъ непосредственно сдѣланнымъ на русскій, безъ югославянскаго посредства.

IV.

Въ научной литературѣ, касающейся русскаго текста «Девгеніева дѣянія» (см. обзоръ ея выше), мы встрѣтились съ колебаніемъ относительно отношеній этого текста къ его греческому

подлиннику: то его называютъ *переводомъ*, т. е. точной передачей греческаго текста по русски, то *пересказомъ*, т. е. свободной передачей содержанія греческаго текста по русски. Источникомъ этого колебанія, какъ можно видѣть, была та бросившаяся въ глаза первымъ изслѣдователямъ разница по содержанію и нѣкоторымъ особенностямъ (напр. въ отношеніи къ собственнымъ именамъ) между *извѣстнымъ* (въ данномъ случаѣ, Trap.=Andr.) греческимъ текстомъ и текстами русскими (въ данномъ случаѣ, отрывками М. П. и Пыпинскимъ), намъ тогда извѣстными; эта разница опредѣлялась въ *общихъ* чертахъ, по *общему* впечатлѣнію отъ сопоставленія (Веселовскій, Миллеръ).

Ставшіе послѣ открытія Trap. извѣстными тексты (Andr. отчасти, Crypto-Ferr. и Escor.) дѣлаютъ возможнымъ *болѣе пристальное* сравнительное изученіе греческихъ и русскихъ текстовъ, которое можетъ внести болѣе опредѣленности въ взаимоотношеніи греческихъ и русскихъ текстовъ. Правда, *точное* установленіе этихъ отношеній и теперь еще недоступно: изъ тѣхъ греческихъ текстовъ, которые стали теперь намъ доступны, ни одинъ не можетъ считаться подлинникомъ или совпадающимъ съ подлинникомъ, отъ котораго отправлялся русскій переводчикъ: всѣ они представляютъ, какъ мы видѣли, различныя переработки первоначальнаго греческаго текста, при томъ болѣе поздція по времени (едва-ли старше конца XIV—нач. XV в.), нежели русскій текстъ (появленіе коего мы могли, на основаніи изученія его лексическихъ особенностей, отнести къ XII—XIII в.),— т. е.: подлиннаго текста греческаго «Дигениса» мы до сихъ поръ не знаемъ. Тѣмъ не менѣе, попытка ближе подойти къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса—объ отношеніи русскаго текста къ его, намъ недоступному теперь (м. б. пока) подлиннику—не представляется безплодной: разнообразныя греческія передѣлки первоначальнаго текста поэмы (архетипа), при сравненіи ихъ между собою показываютъ, что всѣ онѣ сохраняютъ отчасти въ своихъ позднихъ чтеніяхъ слѣды своего древняго оригинала (или оригиналовъ, восходящихъ къ архетипу) не только въ содержаніи, расположеніи матеріала, но иногда даже въ самихъ чте-

ніяхъ; это наблюденіе не нарушается даже такой, далеко отошедшей отъ подлинника и старшихъ обработокъ его, переработкой, какова обработка хіосца Петрициса (1670 г.). Эту старую традицію въ переработкахъ въ свое время, какъ мы видѣли выше, попробовалъ использовать для рѣшенія нашего вопроса Н. С. Тихонравовъ: исходя изъ совпаденія стариннаго (XVIII в.) свидѣтельства Дапонтеса о двухъ редакціяхъ греческихъ текстовъ— одной въ 8 книгахъ, другой въ 10—съ дѣленіемъ дошедшихъ до насъ текстовъ (Trap.—въ 10 кн., Crypto-Fer.—въ 8), съ одной стороны, и различія редакцій открытаго имъ Малковскаго (=М. П.) текста и текста Пыпина,—съ другой, Н. С. пришелъ къ выводу, что Малк. (Т.=М. П.) текстъ опирается на одну греческую редакцію текста, Пыпинскій (П.)—на другую, при чемъ первый соотвѣтствуетъ тексту Trap., второй—Crypto-Fer., изъ коихъ первый (Trap.), какъ охватывающій 10 книгъ, представлялся изслѣдователю редакціей греч. текста болѣе обширной, нежели второй (Cr.-Fer.), какъ излагающій поэму въ 8 пѣсняхъ. Въ тоже время, Н. С-чъ не отождествлялъ (какъ это, кажется, молча предполагалъ Е. В. Барсовъ въ своемъ «Словѣ о п. Иг.») этого Trap. съ подлинникомъ Малк. (=М. П.), намѣтивши различный характеръ этого греч. (Trap.) текста и оригинала русскаго текста, напр., въ трактованіи облика самого Девгенія, а также и въ самомъ содержаніи, именно: въ эпизодѣ встрѣчи Девгенія съ императоромъ Василіемъ (рус. текста; Романомъ—Trap.). Эти наблюденія привели Н. С-ча къ выводу, что греческій подлинникъ нашего «Девгенія» по типу былъ архаичнѣе текста, представляемаго Trap.

Но Н. С. Тихонравовъ работалъ надъ текстами «Девгеніева дѣянія» (ок. 1890 г.) тогда, когда мы не располагали даже тѣмъ ограниченнымъ матеріаломъ греческихъ текстовъ, какой теперь въ нашемъ распоряженіи: ему цѣликомъ былъ извѣстенъ только страдающій дефектами (нѣтъ начала, въ срединѣ пропуски, частью изъ за пропажи листовъ рукописи) текстъ Trap. и поздняя, плохая передѣлка Петрициса; о текстѣ Cr.-Fer. онъ могъ по-

черпнуть отрывочныя свѣдѣнія и небольшую выписку изъ него только изъ предисловія Sp. Lampros'а къ Петрицису [1]); болѣе полный, сохранный текстъ Andr., принадлежащій къ одной редакціи съ Trap., близкій къ нему по чтеніямъ и по составу тождественный съ нимъ, остался Н. С-чу недоступенъ (хотя онъ изданъ былъ въ 1881 г.); не могъ Н. С-чъ использовать и Escor., въ отрывкахъ ставшій извѣстнымъ лишь недавно (1908).

Наличность новаго и неиспользованнаго Н. С-чемъ греческаго матеріала обязываетъ произвести при помощи этого матеріала провѣрку и дальнѣйшую разработку наблюденій Н. С. Тихонравова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немногихъ его предшественниковъ, склонявшихся на сторону оцѣнки русскаго «Девгенія» въ смыслѣ вольнаго пересказа греческой поэмы (А. Н. Веселовскій, отчасти А. Н. Пыпинъ).

Прежде всего вопросъ: имѣемъ ли мы въ русскомъ текстѣ «Д. д.» передъ собой *переводъ* съ неизвѣстнаго намъ греческаго текста, или же *пересказъ*, сдѣланный русскимъ книжнымъ человѣкомъ на основаніи греческаго текста, который онъ имѣлъ передъ собою? Сравнительное изученіе упомянутыхъ греческихъ извѣстныхъ намъ теперь передѣлокъ греческаго же архетипа поэмы и затѣмъ сопоставленіе ихъ съ русскимъ текстомъ (по отрывкамъ М. П. и Т.) заставляетъ насъ отдать предпочтеніе первому предположенію, т. е. признать, что мы имѣемъ передъ собою *переводъ* греческаго текста, правда, намъ теперь недоступнаго, болѣе близкаго къ предполагаемому архетипу, который служилъ въ разныхъ стадіяхъ своихъ измѣненій источникомъ дошедшихъ до насъ греческихъ стихотворныхъ обработокъ. Представлять себѣ, именно, такъ взаимоотношенія греческаго текста и русскаго насъ заставляетъ то обстоятельство, что дошедшія до насъ переработки греческаго первоначальнаго текста, несмотря на свое позднее сравнительно время (едва-ли старше XIV—XV в., по мнѣнію К. Крумбахера; см. выше) и измѣненіе самой формы

1) Полное изданіе Cr.-Fer. вышло, какъ мы знаемъ, 2 года спустя (1892).

и даже м. б. стиля (см. выше характеристику отдѣльныхъ текстовъ), все же въ содержаніи и даже фразеологіи (насколько эта послѣдняя укладывалась въ политическій стихъ этихъ передѣлокъ) въ рядѣ отдѣльныхъ мѣстъ совпадаютъ настолько, что въ этихъ мѣстахъ мы можемъ предполагать довольно удачно сохраненными соотвѣтствующія мѣста прототипа. Т. о. для *отдѣльныхъ* мѣстъ мы имѣемъ возможность произвести сопоставленіе предположеннаго нами архетипа (во всякомъ случаѣ вида текста, болѣе близкаго къ нему) съ русскимъ текстомъ, что оправдываться будетъ и тѣмъ, что, какъ мы видѣли, нашъ текстъ, относящійся по времени своего появленія къ XII—XIII в., долженъ восходить къ греческому, гораздо болѣе старому, а слѣдовательно, и болѣе близкому къ архетипу, оригиналу. Уже выше (стр. 39—41) приведены были четыре примѣра того, что Т. (= М. П.) иногда довольно близко передаетъ текстъ Trap. въ отдѣльныхъ мѣстахъ даже въ выраженіяхъ и композиціи; это были, какъ разъ тѣ мѣста, которые болѣе или менѣе одинаково читаются и въ другихъ греческихъ текстахъ, и прежде всего въ Andr., принадлежащемъ къ одной редакціи съ Trap. Можно число такихъ примѣровъ увеличить еще нѣсколькими; таково окончаніе первой серьезной охоты Девгенія:

5) повелѣ юноша борзо ко граду погнати, да мати его не печалуетъ по немъ. [И пріидоша въ домы своя вси и начаша веселитись и радостно пребываша, паче всѣхъ Девгеніева мати веселяшеся, зане же породи сына славнаго и велегласнаго и краснаго]. Бысть же Девгеніевъ конь бѣлъ яко голубь, грива же у него плетена драгимъ каменіемъ, и среди каменія звонцы златы, и отъ умноженія звонцовъ

Καὶ πάντοτε[a]) ἐσπούδαζεν τὸ εὐγενὴς παιδίον πρὸς τὴν μητέρα ἀπελθεῖν τοῦ μὴ αὐτὴν λυπῆσαι[b]), πάντας δὲ κατηνάγκαζεν εἰς τὸ[1]) καβαλλικεῦσαι.

εἰς φάραν ἔβη μέγιστον, λευκὴν[c]) ὡς περιστέριν, ἦτον ἡ χαίτη του πλεκτὴ μετὰ βενέτων λίθων, καὶ κώδωνας εἶχε χρυσοὺς μετὰ τῶν λιθαρίων. οἱ κώδωνες ἦσαν πολλοὶ ποιοῦντες[2]) ἦχον μέγαν[d]),

и отъ каменеи драгихъ велелюбезны гласъ исхождаше на издивленіе всѢмъ; на ладвіяхъ коневыхъ драгою паволокою покрыто лѣтняго ради праха, а узда его бысть златомъ кована со измарагдомъ и каменіемъ. Конь же его бысть борзъ и гораздъ играти, а юноша храбръ бысть и хитръ на немъ сидѣти. И то видя чюдишася, како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ вельми на немъ крѣпко сѣдяше и всяческимъ оружіемъ играше и храбро скакаше (33—33 об.).

6) Амиратъ въ борзѣ шурью свою созва и къ Стратигу посла (звати) на свадьбу, глагола ему: «не лѣнивъ буди, свату, къ намъ потрудитися, да купно обрадуемся и видимся, и чада наши обрадуются, понеже ихъ Богъ совокупи безъ нашего повелѣнія (15 л.).

ἐνήδονον[3]) καὶ θαυμαστόν, ἐκπλήττοντα τοὺς πάντας[4]) πρασινορρόδινον βλαττὶν εἶχεν εἰς τὸ καπούλιν, τὴν δὲ σέλλαν ἐσκέπαζεν μήπως κορνιακτοῦται· [5]) [e]) τὸ σελλοχάλινον αὐτοῦ πλεκτὸν διὰ χρυσίου[f]), ἔργον ποίκιλον, χυμευτὸν μὲ τὸ μαργαριτάριν ῏Ην δὲ ὁ ἵππος τοῦ θρασὺς[g]) εἰς τὸ παίζειν ἡδεώς[6])[h]), καὶ ὁ ᾽Ακρίτης ἕτοιμος[i]) εἰς τὸ καβαλλικεῦσαι· [k]) καὶ[l]) ὁ ἵππος[7]) κατέπαιζεν εἰς ὄρεξιν[m]) τοῦ νέου, ὁ δέ νέος[n]) ἐκάθητο ὡς ῥόδον πέπλησμένον[8])[o]) (Trap. IV, 1004—1019).

ὁ ἀμηρᾶς εὐθέως γυναικαδελφοὺς τοὺς ἑαυτοῦ καὶ στρατὸν οὐκ ὀλίγον συναριθμήσας ἔστειλε τρισχιλίους ἀγούρους, νὰ εἴπωσι τὸν στρατηγόν, ἵν' ἔλθῃ εἰς τοὺς γάμους· «κέλευσον, ὦ συμπενθερέ, τοῦ ἐλθεῖν εἰς τοὺς γάμους, οὓς ὁ θεὸς ἡτοίμασεν, ἡμῶν μὴ βουλομένων» (Cr.-Fer. IV, 856—861).

---

5) Разночт. изъ Andr. (1543—1557): 1) ταχὺ; 2) ἔκαμνον; 3) μέλος λαμπρὸν; 4) ἐθαύμαζον οἱ πάντες; 5) τ. δ. σ. ἐ. μ. κ. — опущ.; 6) ᾿Ητον τὸ ἄλογον σκληρόν, ἔπαιζε δὲ ἡδέως; 7) τὸ ἄλογον; 8) ὡσὰν γεμάτον ῥόδον.

Разночт. изъ Cr.-Fer. (IV, 229 — 244): a) Πάμπολλα. b) μὴ δι' αὐτόν λυπῆται. c) ἵππον ἐμετεσέλλισεν ἄσπρον. d) πλεκτὸς ἦτον ὁ σγόρδος τοῦ μετὰ λίθων τιμίων, καὶ κωδωνίτζια χρυσὰ μέσον τῶν λιθαρίων· πάμπολλα κωδωνίτζια, καὶ ἦχός ἐτελεῖτο. e) κονιορτοῦται. f) μετὰ χρυσῶν σβερνίδων. g) τολμηρὸς καὶ θρασύς. h) опущ. i) τὸ δὲ παίδίον εὔθιον. k) доб. далѣе: πᾶς ὁ βλέπων ἐθαύμαζε τὸν ἄγουρον ἐκεῖνον. l) πῶς. m) κατὰ γνώμην. n) αὐτός. o) ὥσπερ μῆλον εἰς δένδρον.

6) Въ Trap. (IV, 1386—88): ὁ ἀμηρᾶς ἐκπέμπει τοὺς γυναικαδελφοὺς αὐτοῦ καὶ τοὺς αὐτοῦ ἀγούρους, ἵν' εἴπωσι τῷ στρατηγῷ καὶ ἐλθεῖν εἰς τὸν γάμον = Andr. 2250—2252 (νὰ ἔλθῃ).

7) аще хощеши видѣтись со мною, поими съ собою мало вои и приди на рѣку Ефрантъ. [Цареви жь своему рцыте, что какъ удумалъ еси худобу мою видѣти, немного жь поими воинъ съ собою] да не разгнѣваеши мене, зане юность человѣческая на много безуміе приводитъ (16 об.).

εἰ ποθεῖς, ὡς ἔγραψας, ἰδεῖν ἄχρηστον ἄνδρα, λάβε ὀλίγους μετὰ σοῦ καὶ ἐλθὲ 'ς τὸν 'Εφράτην... ἡ γὰρ νεότης, δέσποτα, ἔχει πολλὰς μωρίας (Trap. V, 1408—1504=Andr. 2364—2370).

Cr.-Fer. (IV, 993—1000) ἐπειδήπερ βούλεσαι ἰδεῖν τὸν σὸν οἰκέτην, μετ' ὀλίγων παραγενοῦ πρὸς ποταμὸν Εὐφράτην... τοῖς γὰρ νέοις, ὦ δέσποτα, συμβαίνουσι τοιαῦτα.

8) а самъ (Девгеній) начать жити и ловы дѣяти, зане бяше охочь одинъ храбровать (л. 16).

καὶ μόνος ᾑρετίσατο διάγειν εἰς τὰς ἄκρας .... πόθον γὰρ εἶχεν ἄπειρον τοῦ μόνος συνδιάγειν καὶ τοῦ μόνος περιπατεῖν δίχα τινὸς ἑτέρου (Cr.-Eer. IV, 956, 957—959).

Ἀγάπην εἶχεν ἄπειρον νὰ τρέχῃ μοναχός του, καὶ μόνος τοῦ ἀνδραγαθεῖν χωρίς τινος συμμάχου (Andr. 2312—13).

9) юноша жь, еще не ученъ, како звѣри бити, и поскочи вборзѣ переди ея (медвѣдицы), похвати и согну ея локтями, и се, еже бѣ во чревѣ ся, выде изъ нея, борзо мертва бысть въ руку. Други медвѣдь бѣжаше въ глубину тростія (л. 31 об.).

Ἐκεῖνος ὢν ἀπείραστος εἰς θηριομαχίαν, οὐκ ἐγυρίσθη ὄπισθεν νὰ τοῦ δώσῃ ῥαβδέαν, ἀλλ' ἐπεσέβη σύντομα, ἐκ τὴν μέσην τὸ πιάνει, καὶ σφίξας τοὺς βραχίονας, εὐθὺς ἀπέπνιξέ τον· καὶ τὰ ἐντὸς ἐξήρχετο ἐκ τοῦ στόματος τούτου· ἔφυγε δὲ τὸ ἀρσενικὸν εἰς τὴν ἕλην ἀπέσω (Cr.-Fer. IV, 124—129).

Приведенныя сопоставленія, повидимому, подтверждаютъ наше предположеніе о переводѣ, а не пересказѣ греческаго текста, при томъ такъ, что они въ тоже время показываютъ, что предполагаемый оригиналъ русскаго «Девгенія» совмѣщалъ въ себѣ (въ своихъ чтеніяхъ) иногда тѣ особенности, которыя оказываются теперь сохраненными то той, то другой изъ дошедшихъ до насъ греческихъ обработокъ архетипа[1]), какъ это можно замѣтить, присмотрѣвшись къ приведеннымъ мною разночтеніямъ въ греческихъ текстахъ; это же, въ свою очередь, даетъ понять, что оригиналъ русскаго перевода самъ былъ ближе къ архетипу греческаго «Дигениса» (что вполнѣ естественно въ виду указанной выше древности самого перевода) сравнительно съ передѣлками Trap. Cr.-Fer. и Andr.

Тоже болѣе внимательное наблюденіе надъ чтеніями дошедшихъ до насъ греческихъ текстовъ подтверждаетъ мысль Н. С. Тихонравова о томъ, что переводъ «Девгенія» по оригиналу ближе соотвѣтствуетъ той версіи, которая дошла до насъ въ текстѣ Trap. (= Andr.), нежели въ Cr.-Fer. Въ такомъ случаѣ становится излишнимъ, повидимому, второе предположеніе Н. С-ча о томъ, что дѣленіе текста на 8 и 10 книгъ характерно для самыхъ редакцій Trap. и Cr.-Fer.: оно имѣло бы свое значеніе, если бы мы могли доказать, что и архетипъ «Дигениса», представлялъ дѣленіе на книги, разница котораго въ спискахъ, возникшая впослѣдствіи, опредѣлила собой распаденіе его на двѣ редакціи: т. е. что и самое дѣленіе на 8 или 10 книгъ восходитъ къ древнему времени; между тѣмъ этого доказать мы не имѣемъ средствъ, а скорѣе должны предполагать сравнительно позднее появленіе этого дѣленія; для послѣдняго же предположенія у насъ имѣются, хотя и косвенныя, указанія въ Escor. и русскомъ переводѣ: ни тотъ, ни другой дѣленія на книги не знаютъ, а дѣлятъ его на отдѣльные разсказы, повидимому, даже не тѣсно связанные между

1) Къ сожалѣнію, въ отрывкахъ Escor. напечатанныхъ К. Крумбахеромъ, не оказалось мѣстъ, соотвѣтствующихъ сохранившимся у насъ отрывкамъ русскаго текста, поэтому съ нимъ сопоставленій сдѣлать не пришлось.

собою; слѣды такого состоянія древняго текста можно, косвенно же опять, услѣдить даже въ дошедшихъ стихотворныхъ обработкахъ Trap. (=Andr.) и Cr.-Fer.: послѣ разсказа въ 3-мъ лицѣ о предкахъ Девгенія, его первой охотѣ, похищеніи Стратиговны (по Trap.=Andr. первыя пять λόγοι, по Cr.-Fer — первыя четыре), разсказъ вдругъ начинается отъ лица Девгенія (т. е. въ 1-мъ лицѣ); затѣмъ (λόγοι 8—10 Trap. Andr.: λόγος 7—8 по Cr.-Fer.) опять переходитъ на разсказъ отъ третьяго лица; при этомъ нельзя не замѣтить, что первыя λόγοι носятъ и по содержанію законченный характеръ даже въ изложеніяхъ греческихъ перелагателей: женившись, разсказываетъ текстъ, Девгеній сталъ славиться своими подвигами:

Ἀπέρασεν πάνυ πανταχοῦ ἡ περί του φήμη.
Ἡμεῖς δὲ καταπαύσωμεν, ἕως αὐτὸν τὸν λόγον,
τοὺς ἐρχομένους ἐξεφῆς ἀφίνοντας τὴν μνήμην
(Andr. 2425—7)[1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ такой законченный видъ принимаетъ въ этомъ мѣстѣ и русскій переводъ: эпизодъ съ женитьбой Девгенія заканчивается словами: «показась слава его и явись во всей земли славенъ бо (?) въ мірѣ. О Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, ему же слава со Отцемъ и святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» (л. 16).

Такой же, повидимому, самостоятельный кусокъ составилъ и эпизодъ «Девгеніева дѣянія», разсказывающій о встрѣчѣ его съ императоромъ Василіемъ (иначе Романомъ): въ Andr. Trap. онъ связанъ съ концомъ разсказа о женитьбѣ Д. чисто внѣшнимъ образомъ и включенъ въ 5 книгу: Девгеній сталъ жить одинъ, совершая подвиги, прославился, его боятся всѣ окружные народы и страны: Ὁμοίως γὰρ καὶ βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων .....

1) Соотв. съ нимъ въ Trap. замѣтка въ концѣ ῦ λόγου: ὁ ἑκτὸς λόγος, λέγω δή, καὶ ὁ ἕβδομος αὐτίκα πεφύκασι τοῦ ποιητοῦ ἐκ στόματος λεχθέντες Βασιλείου τοῦ Διγενοῦς τοῦ θαυμαστοῦ Ἀκρίτου (v. 1552—5); а въ Cr.-Fer. соотв. Andr.: Ἡμεῖς δὲ καταπαύσωμεν τὸν λόγον μέχρις ὧδε, τῶν ἐξεφῆς ἐχόμενοι συνταξέως ἑτέρας (v. 1090—91).

ἀκούων τὰ τοῦ Διγενοῦς.... Εἶχεν ἀγάπην περισσὴν πρὸς τὸν Ἀκρίτην τότε, νὰ βλέψῃ τὸν νεώτερον... (Andr. 2342—46 = Trap. V, 1476 и сл.); еще менѣе органически связанъ этотъ эпизодъ съ предъидущимъ разсказомъ въ Cr.-Fer.: ταῦτα τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ἀκούσας, ὁ τηνικαῦτα τὴν ἀρχὴν τοῖς Ῥωμαίοις διέπων Βασίλειος.... Ποθήσας οὖν κατὰ πολὺ θεάσασθαι τὸν νέον (IV, 971—978); это еще болѣе подчеркиваетъ русскій текстъ, который, послѣ отдѣльнаго заглавія (вслѣдъ за приведенной выше цитатой-окончаніемъ): «Сказаніе, како побѣди Девгеній Василія царя», начинаетъ разсказъ такъ: «Некто бысть царь именемъ Василій и слышавъ о дерзости и храбрости Девгеніевѣ....».

Такимъ образомъ въ дѣленіи первоначальнаго текста греческаго «Дигениса» на 8 или 10 книгъ, или во всякомъ случаѣ болѣе архаичнаго текста его, можно усумниться, скорѣе приходится считать это дѣленіе позднимъ, свойственнымъ тѣмъ передѣлкамъ XIV—XV в., каковы дошедшіе до насъ тексты Andr. Trap. и Cr.-Fer. Это будетъ вполнѣ согласоваться и со свидѣтельствомъ Кесарія Дапонтеса (см. выше), которымъ пользуется Н. С. Тихонравовъ: Дапонтесъ, свидѣтель XVIII в., самъ поздній, имѣлъ въ виду не древніе тексты, а тѣ позднія перелицовки, которыя представлены дошедшими до насъ Andr. Trap. и Cr.-Fer. Старый же текстъ дѣлился, повидимому, на отдѣльные эпизоды, подобно сохраненному русскимъ переводомъ дѣленію и м. б. тому (дробному), которое мы находимъ въ Trap. (внутри отдѣльныхъ λόγοι; онѣ и начинаются сходно иногда съ русскимъ («како»...): πῶς Διγενὴς....

Въ результатѣ эта попытка представить себѣ распорядокъ разсказа въ недошедшемъ до насъ древнемъ греческомъ текстѣ «Дигениса» приводитъ насъ еще къ новому указанію на переводъ его: и въ дѣленіи своемъ русскій переводъ, повидимому, слѣдовалъ своему оригиналу; а потому и тѣ заглавія, которыя сохранены въ немъ въ отрывочномъ текстѣ Тих. и М.-П. (перечень ихъ см. выше), должны быть признаны соотвѣтствующими греческому оригиналу.

Мнѣніе о пересказѣ (а не переводѣ) опирается также (у А. Н. Веселовскаго — В. Е. 1875, IV) на соотношеніи между текстомъ русскимъ (ему былъ извѣстенъ Пыпинскій и М.-П.[1]) въ цитатахъ Карамзина) и Trap. Новое, болѣе детальное, сличеніе русскаго текста (въ данномъ случаѣ и Т.) съ греческими (не только Trap., но и Andr. и Cr.-Fer.) можетъ устранить и въ данномъ случаѣ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ переводомъ.

Назвавши русскаго «Девгенія» пересказомъ, А. Н. Веселовскій (о. с., р. 755) отмѣчаетъ такую особенность этого пересказа: въ немъ исключены или обобщены всѣ мѣстныя, географическія и историческія пріуроченія: «русское изложеніе ограничивается простымъ упоминаніемъ греческой и аравитской земли, греческаго города, Ефрата и т. п.»; императоры не названы, не названъ Андроникъ, дѣдъ Дигениса; въ греческомъ эмиръ (Ἀμηρᾶς) Мусулъ, по крещеніи Іоаннъ — въ русскомъ онъ — просто Амиръ, т. е. эмиръ, пропало имя дочери Стратига; она превратилась просто въ Стратиговну.... Видимо, въ этомъ «обезличеніи» повѣсти (судя по А. Н. Веселовскому) виноватъ тотъ «пересказчикъ», «излагатель», отъ котораго мы получили русскаго «Девгенія». Но это наблюденіе А. Н-ча основано не на непосредственномъ знакомствѣ съ греческимъ текстомъ «Девгеніева дѣянія», который тогда, когда онъ писалъ, еще не былъ изданъ Леграномъ[2]), а основано на *изложеніи* содержанія поэмы, сдѣланномъ Саѳой (Bibl. gr. medii aevi, II (1873), p. 45 — 50), въ которомъ, естественно, приведены всѣ его собственныя имена, какъ дающія опредѣленныя указанія на происхожденіе и время поэмы, въ сжатомъ пересказѣ независимо отъ общаго употребленія этихъ именъ въ различныхъ мѣстахъ поэмы. Чтобы вынести такое наблюденіе, какое сдѣлано А. Н. Веселовскимъ, необходимо, чтобы эти имена были опущены въ русскомъ текстѣ въ тѣхъ мѣ-

---

1) А. Н. Веселовскій, въ отличіе отъ Н. С. Тихонравова, считаетъ оба текста одной редакціи.

2) Онъ вышелъ въ томъ же году; ср. статью н—аго, стр. 755.

стахъ, которыя по содержанiю и лексически соотвѣтствуютъ въ обоихъ текстахъ; а для этого необходимо было имѣть подлинный греческiй текстъ, который и сопоставлять съ отрывками, сохраненными Пып. и М.-II. Теперь это мы сдѣлать уже можемъ. Присматриваясь къ тексту греческому (хотя бы по Trap., который, какъ мы видѣли, несмотря на свою сравнительную близость съ русскимъ текстомъ, все же его оригиналомъ не былъ, а потому и полной доказательности, что встрѣчаемыя въ немъ имена находились и въ старшемъ текстѣ, источникѣ русскаго, не имѣетъ), мы, дѣйствительно, найдемъ имена, отсутствующiя въ русскомъ, именно: имя Мусула (Μουσοὺρ?) въ Trap. встрѣчается, но не какъ имя эмира, похитителя матери Дигениса[1]), а какъ разбойника (λῃστὴς ὁδοστάτης), убитаго Дигенисомъ (о чемъ онъ самъ разсказываетъ) и, разумѣется, сюда не идетъ (см. Trap. 1617, 1626, 1766, 1784, 1788, 1830). Судя же по Andr. (восполняющему, какъ извѣстно, дефекты Trap.), обычно употреблялось только Ἀμηρᾶς: въ заголовкѣ: Δεύτερος λόγος πέφυκε, μητρὸς δὲ τοῦ Ἀκρίτου, καὶ πῶς αὐτὴν ὁ Ἀμηρᾶ ἥρπαξεν ἐκ γονέων (280—81), а далѣе онъ вездѣ (кромѣ стиха 302) названъ только Ἀμηρᾶς; такъ, вѣроятно, было и въ Trap.; Мусуромъ же онъ только разъ названъ (= ст. 302 Andr.). Т. о. вполнѣ естественно, что Ἀμηρᾶς принято и въ русскомъ текстѣ за имя собственное[2]). Съ другой стороны, въ Andr. (сохранившемъ, какъ извѣстно, и начало текста) въ 1-й книгѣ (говорящей о родителяхъ Дигениса) упоми-

---

1) Всей 1-й и нач. 2-й кн. (гдѣ идетъ рѣчь объ эмирѣ) въ Trap. нѣтъ; въ Andr. онъ названъ одинъ разъ въ началѣ 2-й кн. (ὁ Ἀμηρᾶς ὁ μέγας, ὁποῦ ἐλέγετον Μουσοὺρ, κ' ἐστράφη εἰς τὴν Συρίαν, 301—302).

2) Кстати: такъ его принималъ и издатель Andros'скаго текста Мильяраки, печатая это слово вездѣ съ большой буквы, что, повидимому, и правильно, судя потому, какъ понимаетъ ст. 302: Ἀμηρᾶς... ὁποῦ ἐλέγετον Μουσοὺρ. Можно отмѣтить также и то, что такое пониманiе слова ἀμηρᾶς, въ смыслѣ собственнаго имени — случай не единственный: въ переводномъ съ греческаго же стишномъ Прологѣ (подъ 23 апрѣля) въ чудѣ св. Георгiя о юношѣ читаемъ: нѣкыи оу̓ноша, иже и҆ дарованъ бы҃ а҆мiрѣ, ѿнѹ́ъ же ѧ҆тъ бы҃ а҆гаранином. годѹ же текоущѹ и҆ праз̾никѹ ст҃го наставшоу, юноша баше слоугоуѧ а҆мирѣ.... ѹуноша вълиѧ̀ вино въ стькланицоу и҆ готоваше подати амирѣ (рук. Барсова Ист. Муз.) № 686, XVI в., л. 129 и об.).

нается нѣсколько именъ предковъ Девгенія—Дуковъ (φυλὴ τῶν Δουκῶν—20): Ἀαρὼν (τῇ συριστίδι γλώσσῃ), Ἀνδρόνικος (ἑλληνιστί—22, 23) дѣдъ его, Ἄννα—бабушка Д. (30), Εἰρήνη—мать его (67)[1],—всѣ они только однажды помянуты, а далѣе уже безъ именъ; а кромѣ этого, и того мѣста, гдѣ говорится о генеалогіи Дигениса, въ русскихъ текстахъ нѣтъ; сверхъ того, судя по началу Пып. этой части не было и въ оригиналѣ, разсказъ начинается прямо: «Бѣ нѣкая вдова царска роду...», т. е. мы здѣсь имѣемъ передъ собою отличіе уже редакціонное. Т. о. можно предполагать по этимъ примѣрамъ, что и оригиналъ русскаго «Девгенія» (отличный по редакціи въ точномъ смыслѣ отъ Trap. и Andr.) не былъ щедръ на имена, обходясь прозвищемъ, почему видѣть какое-либо сознательное «обезличеніе» у русскаго «пересказчика» (если такой и былъ, что̀ сомнительно, послѣ сказаннаго мною выше) нѣтъ надобности; превращеніе же (если его допустить) ἀμηρᾶς въ собственное имя уже и подавно не будетъ подтверждать въ данномъ случаѣ предположенія объ этомъ «обезличеніи». Если это такъ, то понятна будетъ въ русскомъ и «Стратиговна»: въ текстѣ она всюду называется только: ἡ κόρη τοῦ στρατηγοῦ, а самъ στρατηγός также имени обычно не имѣетъ; только разъ въ онъ названъ ὁ Δούκας ὁ ὡραῖος, ὁ στρατηγὸς ὁ θαυμαστὸς μέρους τῆς Ῥωμανίας, а его дочь κόρη πανεύμορφος Εὐδοκία (Trap. 1101—3) въ началѣ книги; повидимому, такъ же, какъ съ именемъ Ἀμηρᾶς, произошло и со στρατηγός: его дочь стала «Стратиговной»[2]). Что касается обобщенія географической номенклатуры, то и здѣсь дѣло обстоитъ такъ же: въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ русскому тексту, мы находимъ только общія названія: ἡ Ῥωμανία (=земля греческая), Συρία, какъ общее правило, изрѣдка (при томъ въ мѣстахъ, отсутствующихъ въ русскихъ отрывкахъ)—Βαβυλών, Λευκοπέτρα и т. п.; при

---

1) Послѣдняго имени нѣтъ въ соотв. мѣстѣ Cr.-Fer.

2) Объ этомъ имени и процессѣ его возникновенія см. выше въ лексикѣ «Девгеніева дѣянія», s. v. Въ Cr.-Fer. (IV. 254 и сл.) ихъ имена собственныя вовсе отсутствуютъ.

всемъ томъ въ русскомъ текстѣ нельзя видѣть умышленнаго обобщенія: текстъ этотъ не избѣгаетъ географическихъ собственныхъ именъ, называя и Срацынскую землю, и рѣку Багряницу (Ксанѳъ?) (у Пып.), и страну Каппадокійскую (въ Тих.). Т. о., если уже говорить о ослабленіи географической и личной номенклатуры въ русскомъ «Девгеніи» сравнительно съ Трапез. или Андр. текстами, то приходится смотрѣть на это явленіе, не какъ на сознательное желаніе стереть мѣстный и историческій колоритъ со стороны пересказчика или переводчика, а какъ на одну изъ чертъ, отличавшихъ оригиналъ русскаго текста отъ текстовъ Trap. и Andr., тѣмъ болѣе, что и Cr.-Fer. въ этомъ отношеніи приближается къ русскому, подтверждая т. о. наше предположеніе. Въ результатѣ, анализъ греческихъ и русскихъ текстовъ въ отношеніи именъ показываетъ, что эта черта не ведетъ обязательно къ представленію о нашемъ текстѣ, какъ о пересказѣ греческаго подлинника.

Вс. Ѳ. Миллеръ, также колебавшійся, какъ мы видѣли, относительно признанія нашего текста переводомъ, склонялся къ мнѣнію, что нашъ текстъ *передѣланъ*, но не изъ поэмы, какъ она читается въ Trap., а изъ прозаической повѣсти о томъ же Дигенисѣ (стр. 46 «Взгляда»). Принимая, вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ, что историческія черты, генеалогическія подробности, не представляющія интереса для славянскаго (русскаго) читателя, стерты, В. Ѳ-чъ предполагаетъ, что *передѣлка* отнеслась весьма самостоятельно къ своему оригиналу (стр. 87), и, исходя изъ сопоставленія русскаго текста съ Трапез. рук. и найдя, дѣйствительно, большія отличія, онъ готовъ поставить эти отличія въ связь съ *неизвѣстной* прозаической повѣстью византійской письменности. Происходитъ т. о. неясность: что̀ надо отнести на долю этой неизвѣстной повѣсти такого, что отличаетъ русскій текстъ отъ Trap., а что̀ на долю *самой* русской передѣлки? Гдѣ провести грань между этими категоріями отклоненій?

Если отдѣльные обороты и можно относить на долю рус-

скаго передѣлывателя (они выдѣлены изслѣдователемъ (см. стр. 37 и сл.) курсивомъ), хотя появленіе ихъ, какъ мы видѣли, допускаетъ и другое объясненіе, то еще этимъ не рѣшается, что все остальное должно быть отнесено или на долю того же передѣлывателя, или же неизвѣстной византійской повѣсти. И отправляясь опять отъ Trap., В. Ѳ-чъ пытается уловить различія въ общемъ тонѣ русской повѣсти и Trap., считая, очевидно, ее сохранившей тотъ же тонъ, что и неизвѣстная византійская повѣсть; изъ этого различія онъ объясняетъ и тѣ измѣненія, которыя, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести на долю передѣлывателя. Поэтому онъ и говоритъ: «повѣсть (т. е. русская) проникнута бо̀льшимъ благочестіемъ (нежели греч. ея оригиналъ и Трап. текстъ), и нѣкоторые эпизоды, представляющіе соблазнъ пуританскому чувству (т. е. русскаго передѣлывателя), обойдены вовсе или подверглись измѣненію».

Останавливаясь на «бо́льшемъ благочестіи» русской повѣсти, В. Ѳ-чъ приводитъ въ доказательство (по Пып.) молитву братьевъ послѣ тщетныхъ поисковъ сестры среди труповъ («ангельская» пѣснь); этой молитвы нѣтъ, дѣйствительно, въ Трап. текстѣ; но еще вопросъ: не было ли ея въ «неизвѣстной прозаической византійской повѣсти»? Кромѣ того, возникаетъ сомнѣніе; насколько показателенъ для характера *всей* повѣсти, въ ея цѣломъ, случай, приводимый В. Ѳ-чемъ: отсутствіе «благочестиваго» текста въ одномъ мѣстѣ греческаго текста сравнительно съ русскимъ, даже при допущеніи того, что въ данномъ мѣстѣ греческаго текста и въ оригиналѣ нашей повѣсти (не только въ Trap. и дошедшихъ до насъ греческихъ другихъ передѣлкахъ) этого мѣста не было, и что оно, слѣдовательно, есть добавленіе русскаго пересказа? Пересматривая греческаго «Дигениса» по обѣимъ его редакціямъ, мы должны придти къ выводу, что сомнѣнія наши въ правильности наблюденія В. Ѳ. Миллера не лишены основанія. Возьмемъ текстъ по Gr.-Fer. и Trap. (Andr.) именно со стороны «благочестиваго» настроенія слагателя, и мы замѣтимъ, что эти «благочестивыя» мѣста въ обоихъ текстахъ почти всегда будутъ

совпадать, что указывать должно, что въ этихъ мѣстахъ мы въ правѣ предполагать выраженнымъ тоже настроеніе и въ ихъ архетипахъ, т. е. такомъ текстѣ, который, какъ не разъ уже говорилось, стоялъ ближе, нежели представители дошедшихъ до насъ обработокъ, къ оригиналу русскаго текста. Такъ, въ Andr.-Trap.: Когда сыновья сообщили матери о находкѣ сестры и о нареченіи Амира зятемъ, она τὸν Κύριον εὐλόγει· «Δόξα, Χριστέ μου, λέγουσα, τῇ σῇ φιλανθρωπίᾳ, δόξα τῇ δυναστείᾳ σοῦ ἐλπὶς τῶν ἀνελπίστων· ὅσα γὰρ θέλεις δύνασαι, οὐδὲν ἀδυνατεῖ σοι (Andr. II, 582—585=Trap. 145 и сл.); далѣе, мать радуется совершившемуся, ὡς πληρωθῆναι τοῦ Δαβὶδ τὸ λόγιον ἐκεῖνο, τὸ συνευφραινομένην γε μητέρα ἐπὶ τέκνοις (ibid. 605—6 = Tr. 167); черезъ двѣ строки: видя здѣсь, χάριν θεῷ προσέπεμπεν ἐξ ὅλης τῆς καρδίας· «Χριστὲ, Θεέ μου, λέγουσα, φῶς ὁ εἰς σὲ πιστεύων, οὐ καταισχύνεται ποτὲ τῶν ἐπιθυμουμένων» (ibid. 607= Tr. 170).

Въ третьей книгѣ (о матери Амира): Амиръ, когда благополучно разрѣшился инцидентъ съ тайнымъ послом отъ матери, обратившись на востокъ и воздѣвши руки, усердно молится Христу (молитва: Andr. III, 875—883 = Trap. III, 422 и сл.); ниже, прощаясь съ женой, онъ опять молится (ibid. 896—899 = Trap. 443 и сл.; ср. ibid. 900—906 = Trap. ibid.). Конечно, разговоръ Амира съ матерью, которую онъ въ концѣ концовъ обращаетъ ко Христу, весь носитъ этотъ благочестивый характеръ, (см. тамъ же, ст. 1080 и сл. = Trap. 887 и сл.). Если мы возьмемъ Gr.-Fer., то найдемъ тотъ же общій тонъ, напр. въ 1-ой книгѣ (поиски братьями сестры): братья, вооружая младшаго на единоборство съ Амиромъ, уговариваютъ его не бояться, послѣ чего —молитва ихъ (μὴ συγχωρήσῃς, δέσποτα, δούλους ἡμᾶς γενέσθαι), послѣ побѣды опять молитва — благодарственная (ἡ δόξα σοι μόνῳ θεῷ πρέπει, ὁ γὰρ ἐλπίζων ἐπὶ σὺ οὐ μὴ καταισχυνθείη); во второй книгѣ (Амиръ — зять) мать произноситъ тужс молитву, что мы привели выше. Когда открывается тайное посольство матери Амира, авторъ переложенія восклицаетъ:

> Θεὸς δέ τι θαυματουργῶν παράδοξον ἐνταῦθα,
> καὶ τὸ κρύφιον βούλευμα κατ' ὄναρ εἰς φῶς ἄγει (v. 134—135).

Амиръ, уладивши дѣло, примирившись съ братьями, какъ и въ Trap. и Andr., также молится (v. 254—9). Обращая мать ко Христу, онъ произноситъ тѣже длинныя проповѣди (III, 160—198; 221—226), при встрѣчѣ съ женой, начинаетъ съ благодаренія Богу (v. 300). И самъ юноша Дегенисъ на охотѣ сохраняетъ тотъ же благочестивый тонъ: когда на него выходитъ левъ, и дядя предостерегаетъ его, Д. говоритъ: «Для Бога не невозможно, дядюшка, и его предать въ мои руки, какъ и того», а передъ тѣмъ: «если будетъ воля Божья, удостоивающаго всяческая, если—за меня молитва отца и матери моей прекрасной, увидишь ты и этого мертвымъ». Разсѣкши льва, онъ обращается къ дядѣ: «Ты видишь, господинъ мой, величіе Божіе: левъ безгласенъ, мертвъ лежитъ, какъ и оба медвѣдя». Авторъ и отъ себя дѣлаетъ лирическо-благочестивыя реплики (какъ и нашемъ русск. текстѣ): послѣ разсказа о побѣдѣ Девгенія надъ олепемъ, онъ восклицаетъ: Τίς μὴ θαυμάσῃ μέγεθος θεοῦ τῶν χαρισμάτων....; далѣе — разсужденіе о великой милости божьей къ Девгенію (III, 146 и сл.).

Приведенные примѣры показываютъ, что согласиться съ В. Θ—чемъ, признать его наблюденіе, основанное на одномъ, случайномъ различіи нашего текста и греческаго, *не* бывшаго его оригиналомъ, правильнымъ нельзя, что̀ тѣмъ болѣе рисковано, что греческаго оригинала нашего перевода мы не знаемъ, какъ признаетъ и самъ В. Θ-чъ. Тоже приходится сказать и о «пуританскомъ» чувствѣ предполагаемаго «перелагателя». Не говоря уже о томъ, что какого либо особенно отмѣченнаго «пуританскимъ» чувствомъ настроенія въ русскомъ «Девгеніи» не замѣчаемъ, потому что и греческая поэма (по Трапезундскому тексту, съ которымъ ведетъ сравненіе В. Θ-чъ) не отличается какой-либо нескромностью, которая могла бы оскорблять чувство читателя, даже «благочестиво» настроеннаго; а примѣры этого «пуританства», приводимые В. Θ-чемъ (стр. 43—44)—объ отношеніяхъ къ Максимо и любов-

номъ эпизодѣ въ 6-й книгѣ греческой поэмы — не убѣдительны. Какъ мы знаемъ, повѣсть о Максимо у насъ (Пып. и М.-П.) помѣщена *раньше* разсказа о Стратиговнѣ, въ греч. поэмѣ послѣ этого послѣдняго разсказа (λόγος ἕβδομος); кромѣ того, разсказъ въ греч. поэмѣ идетъ отъ лица самого Дигениса (ἀνδραγαθίας.... ἅς ὁ αὐτὸς ἐξήγγειλε πρὸς τοὺς οἰκείους φίλους—v. 1858), чего у насъ нѣтъ; стало быть, здѣсь разница уже *редакціонная* между оригиналомъ русскаго «Девгенія» и ред. Trap. и Andr.; также редакціонная разница и въ самомъ содержаніи этого эпизода: въ оригиналѣ русскаго «Девгенія» (по Пып.) этотъ эпизодъ даетъ, какъ мы видѣли, рядъ аналогій къ эпизоду съ царемъ Василіемъ, чего въ греч. поэмѣ (Trap. Andr. и Cr.-Fer.) нѣтъ. При этихъ условіяхъ соотношеніе текстовъ русскаго и Trap. не можетъ дать опредѣленнаго указанія на роль «передѣлывателя»[1]). Что же касается любовнаго похожденія Дигениса съ дочерью Ἀπλορράβδης-а, то его нельзя и привлекать: оно отсутствуетъ въ отрывкахъ, дошедшихъ до насъ текстовъ, и было ли въ русскомъ текстѣ, и, если было, то въ какомъ видѣ,—намъ неизвѣстно. Т. о. ни одно изъ указаній въ пользу того, что русскій текстъ есть русская «передѣлка» византійскаго текста, при томъ ближе намъ неизвѣстнаго, не получаетъ оправданія; иначе: не даетъ намъ права считать русскій текстъ «Девгенія»—передѣлкой (а не переводомъ) и оставляетъ въ силѣ высказанное и находящее себѣ опору въ греческихъ текстахъ предположеніе, что мы имѣемъ передъ собой *переводъ*, но сдѣланный съ текста, который отличается отъ дошедшихъ до насъ позднихъ обработокъ (въ чемъ, и только въ этомъ, былъ правъ и В. Ѳ. Миллеръ).

Главныя отличительныя черты этого предполагаемаго оригинала нашего русскаго перевода сравнительно съ дошедшими греческими обработками — точнѣе, съ ихъ прототипами, были указаны выше. Изъ сказаннаго тамъ вытекало также предположеніе,

1) Ссылка же на параллель изъ русскаго эпоса (Илья и Горынянка), указывая на большую древность эпизода въ Trap., отнюдь не укажетъ на смягченіе его, сдѣланное, именно, русскимъ передѣлывателемъ.

что этотъ оригиналъ русскаго перевода по типу былъ архаичнѣе, нежели прототипы дошедшихъ греческихъ стихотворныхъ обработокъ, читаемыхъ теперь въ Trap. Andr. и Cr.-Fer. Эту послѣднюю черту предполагаемаго оригинала отмѣтилъ предположительно уже Н. С. Тихонравовъ, обративъ вниманіе на главу Малковской рукописи: «Сказаніе, како побѣди Девгеній Василія царя»[1]). Остававшійся тогда еще неизданнымъ текстъ Cr.-Fer., теперь изданный, блестящимъ образомъ подтверждаетъ догадку Н. С-ча: Cr.-Fer. текстъ, передающій (IV, 971 и сл.) въ общемъ этотъ эпизодъ согласно съ Andr. и Trap. (v. 2343 и сл. и V, 1476 въ Trap.) и въ тоже время отлично отъ русскаго перевода, однако, согласно съ послѣднимъ, императора Ромеевъ называетъ не Романомъ (какъ Andr. Trap.), а *Василіемъ.* Съ какимъ изъ историческихъ императоровъ этого имени слѣдуетъ сопоставлять Василія поэмы о Дигенисѣ, сказать опредѣленно трудно: за IX—X в. въ Византіи было только два Василія среди императоровъ Македонской династіи: Василій I, основатель династіи (867—886) и Василій II, Болгаробойца (976—1025); если этотъ Василій поэмы, дѣйствительно, какъ полагаетъ Н. С. Тихонравовъ, отмѣтилъ собой старшую, нежели въ Трапезундской рук., версію «Дигениса», слѣдуетъ въ немъ видѣть Василія Македонянина, такъ какъ старшій изъ трехъ Романовъ этой династіи — Лакапинъ по времени моложе Василія Македонянина (онъ правилъ съ 920 по 944), а другіе Романы (II и III Аргиръ) еще моложе[2]).

Въ русскомъ текстѣ царь Василій характеризованъ, однако, такъ, что отождествленіе его хотя бы съ Василіемъ Македоняниномъ нуждается еще въ доказательствѣ, если эту характеристику и трудно признать позднѣйшимъ искаженіемъ русскаго текста: «*Нѣкто бысть* царь Василій..... зане бо Василій царь всю *Кападокійскую* страну стерeглъ...». Греч. текстъ Cr.-Fer. (IV, 971 и сл.) какъ будто имѣетъ въ виду скорѣе Василія Македо-

1) Сочин. I, 270 и сл.
2) 959—963 и 1028—1034 гг.

нянина (поправившаго, какъ извѣстно дѣла византійцевъ на Востокѣ), нежели другого Василія; ред. Cr.-Fer. (IV, 973 сл.) характеризуетъ его такъ:

Βασίλειος ὁ εὐτυχὴς καὶ μέγας τροπαιοῦχος,
ὁ καὶ συνθάψας μεθ' ἑαυτοῦ τὴν βασίλειον δόξαν
(ἔτυχε γὰρ κατὰ περσῶν ποιῶν τὴν ἐκστρατείαν
ἐν ἐκείνοις τοῖς μέρεσιν ἐν οἷς ὁ παῖς (т. е. Διγενὴς) διῆγεν) [1]).

Нельзя также не замѣтить и того, что отождествленію Василія «Девгенія» съ знаменитымъ императоромъ мѣшаетъ и само содержаніе эпизода въ томъ его видѣ, какъ онъ переданъ въ русскомъ текстѣ: въ противоположность миролюбивой встрѣчѣ знаменитаго апелата Дигениса съ знаменитымъ императоромъ, почитателемъ его доблестей, русскій текстъ (и, стало быть, его греческій оригиналъ) разсказываетъ о враждебномъ столкновеніи нѣкоего

1) Ср., впрочемъ, въ предисловіи É. Legrand къ изд. Cr.-Fer. (XXII, прим.). Si l'on tient compte de la chronologie de l'épopée, on est obligé d'admettre, que ni Basile le Macédonien, ni Basile le Bulgaroctone n'ont pu voir Digénis Acritas. Приведенная по Cr.-Fer. характеристика Василія м. б. любопытна и въ томъ отношеніи, что она выдаетъ первоначальный текстъ поэмы въ этомъ мѣстѣ: фраза — ὁ καὶ συνθάψας μεθ' ἑαυτοῦ τὴν βασίλειον δόξαν, не вяжется съ остальнымъ—ὁ εὐτυχὴς καὶ μέγας τροπαιοῦχος; она (въ переводѣ: «онъ, который вмѣстѣ съ собой похоронилъ и царское достоинство», т. е. потерпѣлъ неудачу, погубилъ достоинство царя) намекаетъ какъ будто на то, что въ дальнѣйшемъ разсказъ будетъ идти о томъ, что ц. Василій потерпѣлъ пораженіе, неудачу, т. е. предполагается разсказъ, по содержанію сходный съ разсказываемымъ въ русскомъ текстѣ (Т.). Т. о. въ Cr.-Fer. мы такъ же, какъ въ другихъ извѣстныхъ греческихъ, можемъ усмотрѣть непервоначальность эпизода, смягченіе прежняго суроваго, замѣну его положительнымъ. Если эта догадка вѣрна, получаемъ еще подтвержденіе, какъ подлинности, такъ и старшинства разсказа въ русскомъ (=его греч. оригиналѣ), и еще доказательство трудности отождествленія Василія поэмы съ имп. Василіемъ Македоняниномъ. Замѣтимъ, что эту неловкость въ характеристикахъ Василія, какъ остатокъ текста старшей версіи поэмы, видимо, замѣтили версификаторы Trap. и Andr. (или ихъ оригиналы); въ нихъ этой фразы нѣтъ; въ Trap. (ближе къ Cr.-Fer.) читаемъ только: ὁ βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων, Ῥωμανος ὁ πανευτυχὴς ἄριστος τροπαιοῦχος (V, 1476—7), въ Andr.; Βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων ὁ Ῥωμανὸς ὁ πλούσιος καὶ νικητής (2342—3). Петрицисъ (V, 2153 и сл.) никакой характеристики не даетъ: Ἦτον δὲ τότε βασιλεῖς Ῥωμανὸς εἰς τὴν πόλιν (со всѣмъ войскомъ, идя на войну (ср. въ Cr.-Fer.), онъ приходитъ къ Ефрату).

царя Василія, оберегавшаго Каппадокію, съ Дигенисомъ, который не только побѣждаетъ царя, но и завладѣваетъ его городомъ; въ результатѣ, характеристика, даваемая въ Cr.-Fer. этому Василію, будетъ неумѣстна въ поэмѣ съ эпизодомъ, какъ онъ переданъ въ русскомъ текстѣ, почему мы ея и не найдемъ въ русскомъ текстѣ (= его греч. оригиналѣ); здѣсь она, естественно, отрицательная: царь хитритъ, чтобы «добыть» (т. е. овладѣть) Девгенія, обманываетъ, за что̀ и платится.

Во всякомъ случаѣ, какъ имя царя Василія, такъ и самый эпизодъ о немъ, разсказанный въ русскомъ текстѣ, должны быть отнесены къ такимъ, которые отличали его греческій оригиналъ отъ намъ извѣстныхъ.

V.

Въ приведенномъ выше обзорѣ научной литературы о русскихъ текстахъ «Девгеніева дѣянія» мы могли отмѣтить колебаніе взглядовъ не только на отношеніе русскаго перевода къ греческому подлиннику, но также и различныя представленія о взаимныхъ отношеніяхъ дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ списковъ этихъ русскихъ текстовъ, главн. обр. отношеніяхъ между собою М.-П. и Пып.[1]). Такъ: А. Н. Пыпинъ (Очеркъ, 89) полагалъ, что «Погодинскій (имъ найденный, т. е. Пып.) списокъ довольно далекъ того вида повѣсти, какой она имѣла въ древнемъ спискѣ или въ отъ подлинникѣ.... Но сравнивая немногія тожественныя строки у Карамзина (т. е. въ М.-П.) и въ спискѣ Погодинскомъ, можно повидимому вывести заключеніе, что Девгеніево дѣяніе не было переиначено до такой степени, какъ сказка о Синагрипѣ, и въ позднемъ своемъ видѣ сохранило болѣе древняго, если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета». Изъ этого довольно неопредѣленнаго указанія А. Н. Пыпина на взаимоотношенія М.-П. и Пып., можно повидимому заключать, что въ обоихъ спискахъ

1) Относительно отношеній М.-П. и Т. сомнѣній быть не могло: Н. С. Тихонравовъ окончательно доказалъ ихъ тождественность по редакціи и тексту.

онъ видѣлъ одинъ переводъ, при чемъ допускалъ иную, уже русскую, редакцію («далекъ отъ того вида повѣсти. . . .») въ Пып. сравнительно съ М.-П. А. Н. Веселовскій (В. Е. 1875, IV, 755) рѣшительно заявилъ: «Отрывки этого пересказа, сохраненные Карамзинымъ (т. е. М.-П.), позволяютъ заключить, что онъ принадлежитъ къ одной редакціи (повидимому, переводной — М. С.) съ текстомъ, обнародованнымъ Пыпинымъ» (т. е. Пып.). Но столь же рѣшительно, но совершенно иначе, взглянулъ на взаимноотношенія текстовъ Н. С. Тихонравовъ (Соч. I., 273): «въ древней Россіи обращались два независимыхъ одинъ отъ другого славяно-русскихъ перевода: одинъ представленъ текстомъ Мусина-Пушкина и Малкова, (т. е. Т.) другой текстомъ Пыпина. Переводы сдѣланы съ разныхъ редакцій греческаго Дѣянія: Мусина-Пушкина — съ пространной, Пыпина — съ сокращенной». Наконецъ, П. В. Владиміровъ (Литер. Кіев. пер., 93 — 94), не отвергая выводовъ Тихонравова, вынесъ такое впечатлѣніе изъ сопоставленія текстовъ: «Сравнивая Пыпинскій текстъ съ отрывками Карамзина, мы видимъ значительныя отличія въ выраженіяхъ: текстъ XVII в. (т. е. Пыпинскій), раздѣляя со старымъ текстомъ многія общія выраженія, отличается значительными подновленіями, какъ бы пересказомъ стараго текста». Т. о. мнѣніе Владимірова въ общности выраженій сравниваемыхъ текстовъ видитъ, повидимому, единство перевода, въ отличіяхъ же — результатъ переработки этого единаго перевода, т. е. уже русскую редакцію готоваго перевода въ болѣе позднее время, иначе примыкаетъ въ общемъ къ взгляду А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовскаго. Т. о. въ результатѣ передъ нами вопросъ: объ одномъ или двухъ переводахъ «Девгеніева дѣянія» мы можемъ говорить? А этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ текстуальнаго сравнительнаго анализа съ одной стороны греческихъ текстовъ съ цѣлью выясненія взаимоотношеній не дошедшихъ до насъ оригиналовъ (если ихъ признать различными по редакціямъ, согласно Н. С. Тихонравову), и русскихъ текстовъ М.-П. =

Малк. и Пып. — съ другой. Трудность этого анализа, какъ не разъ можно было видѣть изъ сказаннаго раньше, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ нашемъ распоряженіи лишь поздніе, отдѣленные столѣтіями отъ оригинала, какъ греческіе тексты, представляющіе къ тому же передѣлку его, такъ и русскіе, въ силу общихъ условій жизни рукописнаго текста, измѣнившіе болѣе или менѣе древній обликъ свой тексты. Тѣмъ не менѣе попытка подойти, хотя бы иными путями, къ представленію о старыхъ текстахъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ, не безнадежна, какъ мы то видѣли, анализируя М.-П. = Т. Подобная же попытка по отношенію къ Пып. можетъ дать намъ, по крайней мѣрѣ, матеріалъ для сужденія о времени перевода его (если это былъ самостоятельный переводъ) или объ отношеніяхъ его къ тексту М.-П. = Т.

Присматриваясь (какъ это мы сдѣлали по отношенію къ М.-П. и Т.) къ лексическому составу Пып. текста, мы прежде всего найдемъ, что и для этого текста, не смотря на позднее время списка (XVIII в.), время его возникновенія надо признать столь же древнимъ, какъ и для М.-П. и Т.: изъ подъ слоя позднѣйшихъ измѣненій, сквозитъ и въ немъ еще старый строй лексики, при томъ очень близкій къ тому, который мы выдѣлили изъ М.-П. и Т. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ на эти выраженія, сопоставляя ихъ (поскольку возможно) съ словами въ спискѣ, приведенномъ выше[1]); такъ, и здѣсь мы найдемъ:

поиде пакости творити (9); ужастенъ бысть (9[2], 12[2])

восхитивъ прекрасную дѣвицу (9[2], 32[2]); вар.: исхитивъ дщерь (9, 10[2], 12)

чада моя милая, братія моя милая (32)

главы своя положьте, гл. св. положимъ (9[2], 10)

сумежье Срацынскіе земли (М.-П.)

дерзость (М.-П., 31, 31[2], 33, 16); въ умѣ имѣти (10)

правая рука.... лѣвая рука (32[2])

1) Цифра въ скобкахъ — параллель по М.-П. и Т.; цитаты см. въ самомъ спискѣ подъ соотвѣтствующими словами.

животъ даша (13^2)

кмети (12, 12^2); предстатели (въ текстѣ искаженіе: своихъ предстоящихъ) (14^2, 16, 18)

шатры (15^2, 17); шурья (15, 15^2)

начаша кликати (11^2, 12^2)

безо всякія обороны, съ великою обороною (32^2)

исхитилъ.... татьбою (10^2, 12)

велегласно (М.-П.; 12)

паволоки златыя (15^2, 13, 33)

поскочити, прискочити (18^2, 31^2, 32^2)

сраму добыла еси, срамъ великій, срамъ ми есть великъ въ томъ (11^2)

сотвориша свадбу (15)

дерзость имѣти (9^2, 12, 17^2)

книги (= грамоты), грамоты (16, 16^2)

вборзѣ (31^2)

имѣя мужескую дерзость и храбрость (10^2)

пощади мя и старость мою (14)

возложу знаменіе на лице (14)

борзый фарь (ср. также искаженіе: борзый конь, рекомый фарь) (33^2, 11, 15^2, 18^2)

стражу крѣпку имѣти (9)

нѣсть дома (10), о свѣте, свѣтозарное солнце (10)

ловы дѣяти (16), на ловъ ѣхать (31)

приниче къ оконцу (9), жалуючи (9^2)

въ ратехъ храбръ и силенъ (ср. s. v. храбрость)

храбровать (16)

нудити (31)

предрукавіе (иск.: перерукавіе) (33) и т. д.

работа (въ см. рабство), помимо библ. текстовъ — въ томъ же значеніи въ лѣтоп. (Ипат. 6717 г.); ср. Срезн. III, 3.

холопъ — спец. рус. терминъ; масса примѣровъ изъ XI — XIV в., см. у Срезн. III, 1384.

поганый (вѣра, врагъ) — ср. въ С. о п. И.: кровь поганую

прольясте, поганый половчине, поганыхъ тлъковинъ, поганыхъ саблями и т. д.

останокъ (ркп. до остатку) — безъ останку; см. Срезн. II, 738 (изъ Пов. врем. лѣт.)

полонити, полоненица — примѣры см. у Срезн. II, 1137.

Эта сторона текста Пып. показываетъ, что его переводчикъ не только близокъ по употребленію выраженій ко времени и средѣ, къ которымъ мы отнесли переводчика М.-П. и Т., но близокъ и по манерѣ передавать мысль; запасъ словъ у него тотъ же, что у того. Мало того, переводя, повидимому, одинаковыя греческія выраженія, оба текста передаютъ ихъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ; объ этомъ можно судить по такого рода примѣрамъ, сверхъ только что приведенныхъ:

М.-П. и Т.	Пып.
1) Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о борзости, о силѣ и о храбрости.	Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ: о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія.
2) якоже добрый косецъ траву положи, первое скочи, уби 7000.	начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити.
2ª) яко добры жнецъ траву сѣчетъ, первое скочи, 1000 ихъ побѣди.	яко добрый жнецъ траву коситъ.
3) единъ отъ нихъ на сто наѣдетъ.	единъ на сто наступитъ. единъ на сто человѣкъ наѣдетъ.
4) съ коня сверже.	долу съ коня его сверже.
5) яко пастухъ овецъ предъ собою погна.	гнаша.... яко добрый пастухъ овца.
6) да шатеръ великъ единъ.... вмѣщахусь въ немъ многія тысящи вои.	а въ шатеръ во единъ вмѣщаются тысящи сильныхъ и храбрыхъ кметей.

6[а]) а внутри шатра многи тысящи вмѣщахусь вои.	
7) яко соколъ дюжей.	яко соколъ дюжей отъ руку
8) яко заица въ тенета яти.	ловца уловить, яко зайца въ тенета.
9) отъ звѣринаго пота и медвѣжи капани и лютаго звѣри крови порты на тебѣ орудинишась.	отъ поту звѣринова и от — хля медвѣжая порты на тебѣ изрудилися.

Если мы возьмемъ еще приведенное выше стр. 54) сопоставленіе эпизодовъ о царѣ Василіи съ одной стороны и Филипаппѣ съ другой, то впечатлѣніе лексическаго сходства между обоими текстами еще болѣе усилится: въ различныхъ по содержанію эпизодахъ одинаковыя, повидимому, выраженія греческаго текста, передаются одинаково, не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и въ цѣлыхъ связныхъ фразахъ; сходство это будетъ тѣмъ знаменательнѣе, что оно обнаруживается между текстами, которые отдѣлены цѣлымъ рядомъ вѣковъ отъ своего прототипа, стараго текста (по переводу не моложе, какъ мы видѣли, XII—XIII в.), который съ теченіемъ времени путемъ переписки все болѣе и болѣе измѣнялся, при томъ независимо въ каждой копіи, такъ что легко и естественно допустить, что, имѣй мы оба текста М.-П. = Т. и Пып. въ спискахъ, болѣе близкихъ къ первоначальнымъ, мы сходство это наблюдали бы еще въ большей степени.

Приведенный выше лексикологическій матеріалъ изъ текста Пыпина (именно, имѣя въ виду его близость къ текстамъ М.-П. и Т. въ этомъ отношеніи) невольно ведетъ къ такого рода предположенію: если, съ одной стороны, лексическій матеріалъ Пып. можетъ указывать на древность перевода, близость его по времени текстамъ М.-П. и Т., одинаковость среды, давшей эти переводы, то совпаденіе въ передачѣ болѣе сложныхъ оборотовъ должно вести далѣе — къ тожеству переводчиковъ, т. е.: даетъ

право предположить, что переводчикомъ текстовъ въ М.-П. = Т. и Пып. было одно и тоже лицо: иначе пришлось бы допустить, что два лица, хотя и близкихъ по времени и средѣ, независимо одно отъ другого, совпали въ передачѣ однихъ и тѣхъ же греческихъ оборотовъ до полнаго почти тожества, что едва-ли возможно въ дѣйствительности, по скольку мы знаемъ.

Такого рода выводы не будутъ находиться въ противорѣчіи съ остальными особенностями Пып. текста сравнительно съ М.-П. и Т., если мы присмотримся къ нимъ ближе. Прежде всего — категоричное заявленіе Н. С-ча о двухъ редакціяхъ греч. текста, какъ источникахъ двухъ же переводовъ русскихъ: на сколько оно обязательно фактически и текстуально? Мы видѣли, что мнѣніе это покоится на наличности дошедшихъ до насъ греческихъ текстовъ — Trap. и Cr.-Fer., дѣлящихся, одинъ на 10 книгъ, другой — на 8, и на сравнительной краткости въ передачѣ эпизода объ охотѣ Дигениса въ Пып. сравнительно съ Малк. Относительно степени показательности перваго основанія — дѣленія на книги — мы высказались уже выше: оно характерно для данныхъ текстовъ, различно распредѣляющихъ внѣшнимъ образомъ матеріалъ, который могъ въ цѣломъ и тамъ и здѣсь остаться одинаковымъ по объему, въ чемъ мы и убѣждаемся путемъ сопоставленія самыхъ текстовъ (теперь изданныхъ): существенныхъ различій въ содержаніи, распорядкѣ матеріала между Trap. (= Andr.) и Cr.-Eer. мы не находимъ. Разница между ними, обязанная вкусамъ и взглядамъ каждаго изъ передѣлывателей старшаго текста, сказалась въ деталяхъ, во фразеологіи, и могла бы имѣть значеніе, если бы мы установили ее и для прототиповъ Trap. и Cr.-Fer.; могла бы она имѣть это значеніе, если бы мы нашли соотвѣтствіе различію текстовъ русскихъ и въ греческихъ чтеніяхъ (сочтя ихъ отзвукомъ, въ данномъ случаѣ, этихъ прототиповъ).

Выше дано было сопоставленіе трехъ отрывковъ, соотвѣтствующихъ другъ другу въ обоихъ текстахъ М.-П. = Т. и Пып.; это сопоставленіе указало, какъ мы видѣли, на редак-

ціонную разницу текстовъ. Но какова по природѣ эта редакціонная разница? есть-ли это результатъ редакціонной разницы греческихъ текстовъ, т. е. разница переводовъ съ различныхъ греческихъ текстовъ, или же результатъ редакціонной разницы уже русскихъ текстовъ, къ XVIII вѣку успѣвшихъ еще болѣе видоизмѣниться, независимо другъ отъ друга?[1]).

Второе предположеніе возникаетъ (помимо общихъ причинъ: съ такого рода явленіемъ мы часто имѣемъ дѣло при изученіи переводныхъ памятниковъ на русской или славянской почвѣ) изъ замѣченнаго нами цѣлаго ряда точекъ соприкосновенія между М.-П. = Т. и Пып. въ словарѣ, словоупотребленіи, близости ихъ по времени и средѣ появленія, возможности считать за одно лицо предполагаемыхъ Н. С-чемъ переводчиковъ обоихъ текстовъ. Рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону можетъ только текстуальное изученіе совпадающихъ отрывковъ въ русскихъ текстахъ параллельно съ таковымъ же въ греческихъ, къ которому мы и должны обратиться.

Къ сожалѣнію перваго же отрывка русскаго текста, который можно бы сопоставить съ греческими текстами (изъ исторіи Амира, отца Девгенія, сохраненной выпиской Карамзина, см. выше, стр. 3, 132 и сл.) намъ не съ чѣмъ сравнивать: въ этомъ мѣстѣ наличные греческіе тексты настолько расходятся съ русскимъ (Пып. и, вѣроятно, М.-П.) въ самомъ содержаніи и расположеніи матеріала (если даже устранить путаницу, несомнѣнно, допущенную въ Пып.), что рѣшительно приходится говорить о различныхъ редакціяхъ этого мѣста въ оригиналѣ русскаго перевода (возьмемъ-ли мы его по Пып. или М.-П. — все равно) и въ наличныхъ греческихъ. Достаточно, вспомнивъ схему разсказа въ Пып. (и М.-П., судя по отрывку Карамзина, одинаково излагающимъ эпизодъ), сравнить со схемой, даваемой Trap. = Andr. и Cr.-Fer. Въ первыхъ двухъ текстахъ она такова: отпущенный женой и братьями ея Амиръ, обѣщавъ возвратиться, ѣдетъ

---

1) Какъ это полагали Пыпинъ (у. с., стр. 89) и Владиміровъ (у. с. стр. 93 — 94).

къ матери, по дорогѣ убиваетъ страшнаго льва, клыки и когти котораго назначаются въ подарокъ маленькому Дигенису; изъ ближайшаго города въ Сиріи (Ῥαχάβ, Ῥουχᾶ=Эдесса) онъ шлетъ пословъ матери съ извѣщеніемъ о прибытіи; радуясь, мать, родственники и народъ встрѣчаютъ его; мать спрашиваетъ, почему онъ такъ долго не возвращался изъ Романіи. Амиръ разсказываетъ, какъ тайна ея посольства была обнаружена, какъ онъ помирился съ братьями и былъ ими отпущенъ. Затѣмъ онъ снова обращается къ матери уже по отходѣ гостей съ пира, устроеннаго въ честь его прибытія, признается ей, что онъ увѣровалъ во Христа, убѣждаетъ ее принять крещеніе и съ нимъ ѣхать опять въ Романію (гдѣ ὁ παράδεισος αὐτὸς ἔνι). Мать убѣждена, родственники, бывшіе случайно при этомъ, также готовы принять крещеніе и ѣхать въ Романію. Всѣ ѣдутъ въ Багдадъ, отпускаютъ плѣнныхъ, Амиръ шлетъ богатые подарки своей супругѣ и во главѣ огромной блестящей свиты двигается въ путь съ матерью; дойдя до границъ Каппадокіи, Амиръ торопится впередъ къ женѣ, которой о прибытіи его сообщаютъ прислужницы (βάΐαι), происходитъ радостная встрѣча. Прибывшую съ нимъ свиту онъ отпускаетъ домой (εἰς τὴν Συρίαν), богато одаривъ, а при себѣ оставляетъ мать и сто арабовъ. Этимъ кончается третья книга въ Trap.-Andr. Тоже самое, только иными словами (этотъ перифразъ — результатъ личнаго труда и вкуса передѣлывателей — лишь словесные цвѣты) передаетъ и Gr.-Fer., не прибавляя ни одного факта, не измѣняя и общаго тона разсказа: нѣтъ и тѣни того суроваго настроенія, которое до сихъ поръ сквозитъ даже въ испорченномъ текстѣ Пып.; нѣтъ и эпизода съ аравитяниномъ съ замками на устахъ; Амиру не приходится хитрить, передавать царства брату (о немъ и рѣчи нѣтъ); за то эпизодъ съ львомъ въ русскомъ отсутствуетъ. Ясно, что по отношенію къ этому эпизоду надо признать, что дѣленіе на 8 или на 10 книгъ двухъ греческихъ передѣлокъ не при чемъ для установленія разницы редакцій греческихъ текстовъ: оно — позднее, вѣроятно, и механическое, внѣшнее, не сопряжен-

ное съ существеннымъ измѣненіемъ въ содержаніи. Второй изъ подлежащихъ сравненію отрывковъ (дѣтство Дигениса, его первая охота, см. выше, стр. 35 и сл.)[1]) по Trap. и Andr. (1-я половина 4 кн.) даетъ слѣдующее: послѣ реторическаго вступленія, сравненія Дигениса съ Сампсономъ, Ахилломъ, Гекторомъ и Александромъ Великимъ (конечно, не въ пользу послѣднихъ), рѣчи о предкахъ Д. (Амбронъ), побѣдахъ отца Д., похищеніи имъ дѣвицы изъ племени Дуковъ и о рожденіи Дигениса, его генеалогіи по женской линіи (ст. 760—845 по Trap., 1292—1378 -Andr.)[2]), начинается описаніе дѣтства Дигениса: онъ три года учится у учителя наукамъ, изящной литературѣ, затѣмъ предается увлеченіямъ охотой, ежедневно съ отцомъ упражняется въ владѣніи копьемъ и мечемъ, становится удивительнымъ бойцомъ, храбрецомъ. Когда ему стало 12 лѣтъ, онъ какъ солнце блещетъ среди дѣтей, обладаетъ силой взрослаго человѣка. Однажды, когда ему исполнилось 12 лѣтъ, сынъ сталъ проситься на охоту на дикихъ звѣрей. Отецъ, радуясь его желанію, считаетъ, однако, нужнымъ отказать: онъ еще молодъ для такой опасной охоты: ему, вѣдь, только двѣнадцать лѣть; если, Богъ дастъ, онъ станетъ большимъ (ἀνδρὸς εἰ μῆκος φθάσῃς), тогда онъ будетъ охотиться на звѣрей[3]). Д. возражаетъ, что ему хочется и себя прославить и свой родъ. Отецъ соглашается. На утро, взявши дядю Константина (γυναικαδελφόν του, χρυσοῦν τὸν Κωνσταντῖνον) и сына, Амиръ со свитой ѣдетъ съ соколами перелинялыми (γεράκια.... λευκά, ἐκ τῶν μουτάτων) ѣдетъ въ горы. Здѣсь они издали видятъ медвѣдя и медвѣдицу[4]). Медвѣдь напра-

1) Этотъ отрывокъ и имѣлъ въ виду Н. С. Тихонравовъ. Соч. I., 264—267.

2) Это начало, дѣлающее собственно излишнимъ 1 — 2 книги, намекаетъ, что здѣсь начинается одинъ изъ источниковъ (пѣсенъ) первоначальной поэмы (см. выше о составѣ).

3) Въ Andr. просьба Д. и отвѣтъ отца случайно пропущены; слѣдуетъ прямо немотивированное возраженіе Дигениса.

4) Въ Andr. лишнее противъ Trap.: увидавши звѣрей, Д. спрашиваетъ дядю (τὸν θεῖον): что это за звѣрь? Дядя отвѣчаетъ: это — медвѣди; чтобы считаться храбрымъ, надо побѣдить медвѣдя съ одной палицей и безъ меча; такъ и онъ долженъ сдѣлать. Д., бросивъ оружіе, кидается на медвѣдей.

вляется на мальчика, разинувъ пасть и желая пожрать (τὴν κεφαλὴν συντρίψαι) его; но Д. схватилъ его за пасть и нанесъ ему ударъ кулакомъ; медвѣдь издохъ[1]). Шумъ, поднятый борьбой, вспугнулъ оленя изъ лѣса, Амиръ крикнулъ сыну: вотъ тебѣ еще звѣрь. Какъ левъ или барсъ, скакнулъ Д., догналъ оленя, схватилъ за ногу и разорвалъ пополамъ. [Далѣе лирическое отступленіе автора прототипа: Кто не подивится величію милости Божіей...?]. Всѣ дивятся, съ похвалой въ честь Богородицы восклицаютъ: «человѣкъ этотъ не отъ міра сего, онъ посланъ отъ Бога». Въ это время является страшная львица (δεινὴ λέαινα) со львенкомъ; всѣ обращаютъ взоры на юношу, который одной рукой тащитъ пару медвѣдей, другой — оленя. Дядя кричитъ: «брось мертвыхъ звѣрей, вотъ еще живой, на которомъ испытываются дѣти благородныхъ (ἐν τούτοις δοκιμάζονται τῶν εὐγενῶν οἱ παῖδες)!» Мальчикъ отвѣчаетъ: «если Богъ соизволитъ, и её увидишь ты мертвой, какъ и медвѣдей». Дядя кричитъ въ слѣдъ: «возьми мечь, это, вѣдь, не олень!» Юноша—въ отвѣтъ: «сказалъ я тебѣ и опять говорю, дядюшка: нѣтъ для Бога невозможнаго». Схватилъ мечь и двинулся на встрѣчу львицѣ, которая рычала и била хвостомъ по бокамъ. Д. ей разрубилъ голову до плечъ, говоритъ дядѣ: «видишь, дядя, величіе Божіе!» Его обнимаютъ отецъ и дядя, радуются его красотѣ. Далѣе — описаніе наружности Д. (κομὴν ξανθὴν (εἶχε).... v. 972—974). Отецъ предлагаетъ ему (такъ какъ въ полдень звѣри скрываются въ чащѣ), перемѣнить запачканную кровью и потомъ одежду, вымыться въ источникѣ (онъ самъ πλύνω.... τοὺς πόδας σου ἐγὼ μετὰ χειρῶν, μου); вода въ источникѣ холодна, какъ снѣгъ. Всѣ идутъ къ источнику, Д. моется, переодѣвается въ роскошную одежду (она описывается), затѣмъ Д. спѣшитъ домой къ матери, которая не можетъ безпокоиться, садится на коня, бѣлаго, какъ голубь (описывается сѣдловка коня: въ гривѣ бубенцы, звонъ коихъ

---

1) Въ Andr. иначе: Д. сдавилъ медвѣдицу руками, такъ что внутренности вышли черезъ пасть, медвѣдица издохла; (ср. М.-П. = Тих.); затѣмъ онъ убиваетъ кулакомъ и медвѣдя.

приводитъ въ восторгъ (ἐκπλήττοντα) всѣхъ), конь подъ нимъ играетъ; юноша на немъ какъ розанъ (ὡς ῥόδον πεπλησμένον). Всѣ возвращаются домой; по дорогѣ юноша играетъ копьемъ. Амиръ затѣмъ живетъ спокойно, радуясь на жену, сына и друзей (μετὰ τῶν ὑίῶν (sic!) αὐτοῦ καὶ μετὰ φίλων) до старости[1]). Cr.-Fer. передаетъ содержаніе эпизода опять совершенно сходно съ Trap. и Andr., отличаясь только въ выраженіяхъ и нѣкоторыхъ мелочахъ, которыя представляютъ отчасти нѣкоторый интересъ для русскихъ текстовъ: если, согласно съ Trap. и Andr. въ началѣ эпизода упомянутъ только дядя Константинъ, то ниже (передъ появленіемъ льва) упомянуты уже οἱ θεῖοι (v. 161); въ разсказѣ о борьбѣ съ медвѣдицей сказано: Ἐκεῖνος (т. е. Дигенисъ) ὢν ἀπείραστος εἰς θηριομαχίαν (v. 124), что нашло себѣ отраженіе и въ Тих.; какой-то намекъ, что источникъ, къ которому пошли умывать Девгенія, не былъ обычный, холодный, есть какъ будто въ Cr.-Fer. Ἔρρεεν ἔξω τῆς πηγῆς καὶ ἔπινον ἀπλήστως, ὡς ἂν ἐκ τούτον γένωνται κἀκεῖνοι ἀνδρειομένοι (v. 217—218), чего нѣтъ въ Andr.-Trap.; но нѣкоторое соотвѣтствіе этому есть въ русскихъ текстахъ:

во источницѣ бо томъ светла вода (?) яко свѣща свѣтится, и не смѣяше бо къ водѣ той отъ храбрыхъ пріити никто, понеже бяху мнози чюдеса въ водѣ той, змѣй великъ живяше. (Тих.).

источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріитъти, понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся (Пып.).

Окончаніе же эпизода въ Cr.-Fer. нѣсколько иное, нежели въ Trap.-Andr.: здѣсь онъ кончается словами о томъ, какъ всѣ съ охоты возвращаются домой, при чемъ Д. играетъ копьемъ; далѣе (ст. 254) ex abrupto начинается разсказъ о Стратиговнѣ;

1) Далѣе (Trap. 1037 — 1092; Andr. 1575 — 1657) краткій, отрывочный разсказъ о томъ, какъ Д. сталъ апелатомъ, пришелъ къ Филопаппѣ, вошелъ въ его шайку (въ ней Киннамъ и Іакникій), всѣхъ разбойниковъ перебилъ и дубины ихъ принесъ Филопаппѣ. Общаго этотъ отрывокъ не имѣетъ съ разсказомъ о Филопаппѣ и Максимѣ ничего.

т. е. опущено общее мѣсто о томъ, какъ живетъ Амиръ, какъ Д. становится апелатомъ, его отношенія къ Филиппапѣ (см. предъид. прим.) Совершенно такъ же, какъ въ Cr.-Fer., эпизодъ съ охотой кончается и въ Тих.; въ Пып.: «и съ тое поры прекрасный Девгеній царевичь нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ»— фраза, которая могла явиться въ текстѣ его независимо отъ греч. подлинника (намека на что либо подобное нѣтъ въ Andr.-Trap. и, конечно, въ Cr.-Fer.), какъ переходъ къ слѣдующему разсказу (о Филиппапѣ и Максимѣ).

Если сопоставимъ приведенныя выше схемы изъ Тих. и Пып. съ только что даннымъ пересказомъ греческихъ текстовъ, то получимъ нѣсколько иное впечатлѣніе, нежели вынесъ Н. С. Тихонравовъ: при общемъ сходствѣ схемъ греч. и русскихъ текстовъ (различія между собой этихъ послѣднихъ объяснимъ ниже), въ русскихъ обоихъ найдемъ одинаковыя отличія отъ «греческой» схемы: возраженіе Д. отцу (повидимому, опущенное случайно въ Пып.) иное нежели въ греч.: «понеже имамъ упованіе на сотворшаго Бога, нѣсть ми нуды въ томъ, по великое утѣшеніе»; 2) въ греч. нѣтъ эпизода охоты на зайцевъ (и лисицъ), надъ чѣмъ смѣется Д.:

отецъ его ловитъ зайцы и лисицы и стрыи (ср. выше: θεῖοι) его ловятъ, а Девгеній имъ смѣяшеся (Тих.).	Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловити со псами; преславный же Девгеній посмѣявся и рече: «отче, не тако звѣрей ловятъ». (Пып.).

3) подробности русскихъ текстовъ объ источникѣ, приведенныя выше, исчезнувшія безслѣдно изъ Trap.-Andr. и м. б. оставшіяся въ видѣ неяснаго намека въ Cr.-Fer., говорятъ о томъ же; 4) эпизодъ со змѣеемъ сохраненъ и въ Тих. и Пып.; онъ могъ быть и въ оригиналѣ греч., какъ перенесенный изъ другого мѣста поэмы (см. выше, стр. 55).

Съ другой стороны, мы опять видимъ отсутствіе редакціон-

наго отличія между 8-книжной и 10-книжной версіями «Дигениса» и по отношенію къ этому отрывку: приведенныя различія между Trap.-Andr. и Cr.-Fer. настолько незначительны, что редакціоннаго значенія для характеристики болѣе краткой и болѣе пространной редакціи имѣть не могутъ; если же мы придадимъ значеніе концу эпизода, дѣйствительно, различно передаваемому въ Andr.-Trap. и Cr.-Fer., то получимъ опять затрудненіе для утвержденія, что Тих. = 10 кн. редакціи. Пып. = 8-книжной: конецъ въ нихъ одинаковъ и совпадаетъ какъ разъ съ 8-книжной, тогда какъ мы должны были ждать для Тих. соотвѣтствія именно съ 10-книжной, если это дѣленіе мы считаемъ показательнымъ для разницы греческихъ редакцій, источниковъ Тих. и Пып. Нельзя не отмѣтить при этомъ и обстоятельства, косвенно подтверждающаго нашъ выводъ изъ сопоставленія: мѣста, не оказавшіяся въ 10-книжной ред. и нашедшіяся въ 8-книжной, нашли себѣ отраженіе въ русскомъ текстѣ Тих., отчасти и въ Пып. Наконецъ, не отрицая правильности того наблюденія Н. С. Тихонравова, что упоминаніе дяди (имя его отсутствуетъ въ рус. текстѣ) или дядей въ Тих. отличаетъ этотъ послѣдній отъ Пып., слѣдуетъ его нѣсколько ограничить въ смыслѣ рѣшающаго признака: дяди не отсутствовали и въ Пып., на что указываетъ въ немъ фраза: «(Амиръ) повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати съ юношами и съ шурьями своими»: это, вѣдь, и есть «дяди» Девгенія. Что же касается краткости изложенія интересующаго насъ эпизода въ Пып. сравнительно съ Тих., то приведенная выше схема (стр. 35) показываетъ, что эта краткость достигнута не сжатостью самого изложенія, а пропускомъ механическаго свойства; текстуальныя же отличія получатъ (какъ увидимъ ниже) объясненіе иное, нежели изъ различія греческихъ (намъ ближе неизвѣстныхъ) редакцій текста.

Т. о. и этотъ отрывокъ не оправдываетъ нашихъ надеждъ найти непреложныя доказательства того, что мы имѣемъ передъ собой два перевода двухъ различныхъ греческихъ редакцій текста; и надежда эта становится тѣмъ слабѣе при наличности

текстуальной близости обоихъ русскихъ текстовъ и въ этомъ отрывкѣ (ср. стр. 36 — 38).

Третій отрывокъ, даваемый обоими русскими текстами, идетъ изъ разсказа о похищеніи Стратиговны. Разсказъ этотъ составляетъ главное содержаніе 5 книги греч. «Дигениса» по Trap. и Andr.[1]), а въ Cr.-Fer. — значительную часть (ст. 254 — 965) четвертой. Не смотря на различное по числу дѣленіе поэмы на книги, разсказъ этотъ одинаково передается въ обѣихъ группахъ, давая мелкія (отнюдь не редакціонныя) отклоненія въ Cr.-Fer. отъ Trap.-Andr. Вотъ какъ разсказывается онъ въ нихъ[2]).

Въ это время Дука (ὁ Δούκας ὁ ὡραῖος), стратигъ части Романіи имѣлъ прелестную дочь по имени Евдокію, о которой слыхалъ Акритъ, такъ какъ она славилась своей красотой и знатностью рода[3]). Однажды (ἐν μιᾷ τῶν ἡμερῶν), возвращаясь съ охоты, Д. ѣдетъ мимо дома Стратига; поровнявшись съ домомъ восклицаетъ: «юноша, страстно желающій обладать юной красавицей, но не видящій ея прелестей, не имѣетъ въ сердцѣ радостей». Услыхавши эту пѣсню, дѣвица воспылала любовью и говоритъ своей нянькѣ: «выгляни и посмотри, какой прекрасный юноша!» Нянька, увидѣвъ удивительную красоту Акрита, отвѣчаетъ: «небу угодно было бы, если бъ отецъ твой пожелалъ его имѣть зятемъ; подобнаго ему нѣтъ на свѣтѣ». Оставаясь въ своей

1) Пользуюсь преимущ. этимъ послѣднимъ, такъ какъ въ Trap. текстъ въ этомъ мѣстѣ страдаетъ потерей листовъ: между ст. 1249—50 недостаетъ болѣе 200 строкъ, между 1341 — 2 около 50.

2) Отличія Cr.-Fer. привожу подъ строкой въ соотвѣтсвующемъ мѣстѣ.

3) Этого ничего нѣтъ въ Cr.-Fer.; разсказъ здѣсь начинается ex abrupto: οἶκος ὑπῆρχε καθ' ὁδὸν στρατηγοῦ τοῦ μεγάλου. Далѣе — прямо пѣсня Д. Пѣсню услыхала дѣвица, увидала юношу, не можетъ оторваться, говоритъ на ухо нянькѣ: «взгляни на юношу, какая удивительная юность; о если бы отецъ согласился взять его зятемъ!» Юноша, не зная и не притворно (ὡς ἀληθῶς) — спросилъ: чей это домъ? Не стратига-ли? Ему отвѣчаетъ отецъ (Амиръ) утвердительно, замѣтивъ при этомъ, что многіе погибли изъ за этой дѣвицы, ибо стратигъ жестоко съ ними расправился (=Trap.). Юноша, заявивъ, что онъ ничего не боится, проситъ отца посватать. Отецъ говоритъ, что онъ пробовалъ, но получилъ отказъ. Въ это время юноша увидалъ дѣвицу и черезъ няньку спрашиваетъ: по сердцу-ли онъ дѣвицѣ? и т. д., какъ въ Trap.-Andr.

комнатѣ, дѣвушка продолжаетъ въ щель (ἐκ τῆς ὀπῆς) глядѣть на юношу. Онъ же, какъ будто ничего не зная, спрашиваетъ: не это ли дворецъ Стратига, не здѣсь ли знаменитая его дочь, изъ за которой погибло столько благородныхъ воителей? Тутъ вышелъ подъ видомъ слуги отецъ дѣвицы (Стратигъ) и отвѣчаетъ: «Много людей пыталось похитить дѣвицу ради ея красоты, но это знаетъ ея отецъ; онъ устраивалъ засаду, всѣхъ ихъ хваталъ; однимъ отрубилъ головы, другихъ ослѣпилъ». Д. догадывается, кто передъ нимъ, и отвѣчаетъ: «отче, не думай, что пришелъ я похитить эту дѣвицу, засадъ же я не боюсь. Нельзя-ли передать господину Стратигу на счетъ предложенія? не согласится-ли онъ взять меня въ зятья? Я буду ему сыномъ, а онъ мнѣ отцомъ». Отецъ, услыхавъ предложеніе, отвѣчалъ: «Ты, заявилъ о своемъ желаніи, а онъ на него не согласенъ». Ничуть не боясь, Д. пришпорилъ лошадь, подъѣхалъ къ дѣвицѣ, увидалъ её у оконца (ἐκ τῆς ὀπῆς) и нѣжно сталъ говорить ей: «Скажи мнѣ, дѣвица, по сердцу ли я тебѣ, и есть ли у тебя желаніе выйти за меня замужъ? Если — да, превосходно и счастье для меня; если же другіе составляютъ предметъ твоихъ желаній, принуждать тебя я не стану». Дѣвица тотчасъ позвала няньку: «Сойди внизъ, няня, и скажи молодому человѣку: Богъ свидѣтель, ты у меня на сердцѣ. Но я, юноша, не знаю, какого ты рода? Если ты Василій Дигенисъ Акритъ, то ты изъ богатѣйшаго и благороднаго рода и, черезъ Дуковъ, ты намъ родня. Отецъ мой тебя подстерегаетъ. Многіе разсказывали ему о твоихъ подвигахъ; берегись, не подвергай себя изъ-за меня опасности, ибо отецъ мой жестокъ и не пощадитъ тебя». Няня передала ея слова Девгенію, онъ отвѣчалъ: «Выгляни, свѣтъ мой ясный (φῶς μου γλυκύ), дай взглянуть на красоту твою, чтобы любовь вселилась въ сердце мое, ибо я молодъ, какъ ты видишь, и не знаю, что такое любовь. И если любовь овладѣетъ душой моей, не испугаютъ меня ни отецъ твой Стратигъ, ни вся его родня, даже если бы они превратились въ стрѣлы и мечи!» — Дѣвица выглянула въ окошко; увидавши ее, поразительно красивую (опи-

саніе), Д. страстно въ нее влюбился, дѣвица, въ свою очередь,— въ него; посылаетъ черезъ няньку ему перстень со словами: «уходи, радуйся, меня не забывай». Онъ, взявши перстень, отвѣтилъ: «жди меня ночью!» Вернувшись домой, онъ усердно молится Богу, приказываетъ засѣдлать ему вороную лошадь (μου τὸν μαῦρον), положить на сѣдло мечь и палицу. Отъ волненія онъ не можетъ ужинать, поглощенный мечтами о дѣвицѣ. Мать его, замѣтивши это, допытывается о причинѣ его такого настроенія; но онъ заявляетъ, что онъ здоровъ. Она за него молится. Удалившись въ комнату, онъ играетъ на киѳарѣ (ибо онъ обладалъ и этимъ даромъ въ высокой степени) и поетъ, какъ соловей, и съ пѣсней трогается въ путь къ дому Стратига. Передъ домомъ поетъ короткую пѣсенку, вызывая дѣвицу. Не видя ее, онъ безпокоится, теряется въ догадкахъ. Но дѣвица пѣсню услыхала, проснулась, выглянула въ оконце, упрекаетъ его въ опозданіи, въ томъ, что онъ въ такой часъ играетъ на киѳарѣ: отецъ-Стратигъ, братья и родственники, если услышатъ, погубятъ, какъ погубили тѣхъ, кто тайно хотѣлъ ее похитить, проситъ перестать ради нея, ради ея любви. Д. въ отвѣтъ хвалитъ ея заботливость, говоритъ, что онъ никого не боится, всѣхъ побьетъ, проситъ ее поскорѣе съ нимъ ѣхать, пока не начался солнечный жаръ; людей же онъ не боится: «клянусь святымъ Ѳеодоромъ (θ. τὸν μέγαν ἀπελάτην): пусть придутъ всѣ биться: онъ ей покажетъ, какого мужа она теперь имѣетъ!» Дѣвица опять изъясняется въ любви, ради которой она отрекается отъ родителей и родственниковъ, богатства. Она колеблется, но любовь беретъ въ ней верхъ, и, послѣ обращенія съ молитвой къ Богу, они клянутся взаимно въ любви. Дѣвица выходитъ, онъ ее цѣлуетъ, сажаетъ на лошадь, ѣдетъ и, обращаясь къ дому, громко кричитъ: «благослови меня, Стратигъ, съ твоей дочерью и благодари Бога за такого зятя!» Услыхали въ домѣ Стратига, онъ самъ, — общее смятеніе: Стратигъ проситъ стражей догнать Д., жена его оплакиваетъ дочь. Снаряжается погоня. Въ это время восходитъ солнце. Во главѣ погони бросается впередъ богатырь Сарацынъ (Σουδάλης ὁ σαρακηνός), на-

скакиваетъ на Д. Д. ссаживаетъ дѣвицу на землю, быстро сражаетъ Сарацына, возвращается къ ней. Затѣмъ на него двигается цѣлая толпа (300 человѣкъ) погони. Евдокія боится, какъ бы ихъ не разлучили. Д. сажаетъ дѣвицу на возвышающую скалу [1]), обращается къ толпѣ. Дѣвица проситъ его пощадить ея братьевъ. Д., побивъ воиновъ, братьевъ легонько ударяетъ палицей, сшибаетъ ихъ, не ранивши [2]). Приближается, стеная и плача, самъ Стратигъ. Д. вѣжливо проситъ у него благословить его съ дочерью, принять его зятемъ, ибо лучшаго онъ на свѣтѣ не найдетъ. Стратигъ, поднявши руки вверхъ, благодаритъ Бога, признаетъ его зятемъ, зоветъ ѣхать къ нему въ домъ, обѣщаетъ дать ему богатые дары (слѣдуетъ перечень). Д. отвѣчаетъ, что онъ беретъ дѣвушку за ея красоту, отказывается отъ даровъ въ пользу ея братьевъ, зоветъ ихъ всѣхъ на свадьбу къ себѣ въ родительскій домъ. Стратигъ соглашается. Д. сажаетъ опять на сѣдло дѣвицу и ѣдетъ къ себѣ въ домъ. Слѣдуетъ торжественная встрѣча Амира съ сыномъ, благословеніе молодыхъ людей, встрѣча его съ матерью. Амиръ посылаетъ братьевъ своей жены звать на свадьбу Стратига [3]). Стратигъ дѣлаетъ богатые подарки Д. (перечень: 12 лошадей, покрытыхъ великолѣпными пурпурными шелковыми попонами, богатыя сѣдла, уздечки, 12 соколовъ Аварійскихъ, линялыхъ, 12 пардусовъ, 12 слугъ (βαΐτζας — кормилицъ), одежды, палатка красная съ золотомъ, прекрасная, большая, съ шелковыми кистями, сверхъ того двѣ драгоцѣнныхъ иконы святыхъ Ѳеодоровъ (Стратилата и Тирона) [4]), арабскія копья, мечь Хозроя и т. д.). Такіе же богатые дары дѣлаютъ

1) Cr.-Fer. на развѣсистое дерево.

2) Нѣсколько подробнѣе въ Cr.-Fer.: дѣвица два раза проситъ пощадить братьевъ, проситъ и о пощадѣ отца. Д. обѣщаетъ и исполняетъ обѣщаніе.

3) Въ Cr.-Fer. (860 исл.) приведены и слова приглашенія, какихъ нѣтъ въ Andr.-Trap.: Κέλευσον, ὦ συμπενθερέ, τοῦ ἐλθεῖν εἰς τοὺς γάμους, οὓς ὁ θεὸς ἡτοίμασεν, ἡμῶν μὴ βουλομένων, стоящія въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что въ Cr.-Fer. выше (308—9): Амиръ говоритъ сыну, что онъ не разъ предлагалъ Стратигу поженить дѣтей, но получалъ отказъ.

4) Перечень даровъ въ Cr.-Fer. тотъ же.

его жена и пять сыновей (перечня нѣтъ)[1]). Д. женится на дѣвицѣ, свадьбу празднуютъ три мѣсяца[2]). Молодые стали жить счастливо. Потомъ Д. съ женой удаляется въ горы, совершаетъ подвиги, слава о которыхъ разносится по вселенной. Далѣе слѣдуетъ его встрѣча съ греческими царемъ (ὁ βασιλεύς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων) Романомъ (Василіемъ).

Только что изложенная схема разсказа въ греческихъ текстахъ по десятикнижной и восьмикнижной редакціямъ, если даже и имѣть въ виду указанныя между ними расхожденія въ частностяхъ, даетъ въ результатѣ сравненія ея со схемой, какъ Тих., такъ и Пып. (см. выше, стр. 44 — 45) совершенно опредѣленный выводъ: сохраняя въ общемъ теченіи разсказа сходство между обѣими редакціями греческими, она въ нихъ обоихъ отклоняется, какъ отъ того, такъ и другого изъ русскихъ текстовъ; ясно, что дѣленіе греческихъ текстовъ на 8 или 10 книгъ, (если счесть его редакціоннымъ) не можетъ служить опорой для признанія различія греческихъ редакцій оригиналовъ Тих. и Пып.: если бы это различіе основывалось, дѣйствительно, на различіи въ редакціонномъ отношеніи самихъ греческихъ текстовъ, послужившихъ оригиналами для Тих. и Пып., мы бы должны были предположить, что, если Тих. слѣдуетъ въ общемъ Trap.-Andr. (какъ думаетъ Н. С. Тихонравовъ), прототипъ Тих. и прототипъ Пып. расходились въ чемъ либо другомъ, а не только въ дѣленіи на книги и сравнительной полнотѣ и краткости такихъ чтеній, какія предполагались Н. С-чемъ по отношенію къ Trap. (10 кн.) и Cr.-Fer. (8 кн.). Мало того, это предположенное соотвѣтствіе внушаетъ тѣмъ болѣе сомнѣнія, что, какъ можно было видѣть изъ того же сравненія наличныхъ греческихъ текстовъ и русскихъ, мы въ Тих. найдемъ точки соприкосновенія съ ред. Cr.-Fer. тамъ, гдѣ онъ расходится съ Trap. (а къ нему,

1) Въ Cr.-Fer. перечень есть (917 и сл.). Кромѣ того, и Амиръ дѣлаетъ подарки своей невѣсткѣ (см. выше, стр. 16).

2) Въ Cr.-Fer. добавлено, что свадьба повторяется и у Стратига: всѣ ѣдутъ къ нему въ домъ, послѣ чего Амиръ съ женой и шурьями возвращается вмѣстѣ съ молодыми домой.

вѣдь, ближе Тих., нежели Пып.), каковъ, напр., эпизодъ со свадьбой Девгенія: по Cr.-Fer. онъ празднуетъ дважды свадьбу свою, сперва у своего отца, затѣмъ у Стратига, по Тих.—также (только наоборотъ: сперва у Стратига, потомъ у себя дома), тогда какъ въ Trap. о второмъ праздиествѣ (у Стратига) рѣчи нѣтъ; на то же соприкосновеніе съ Cr-.Fer. указываетъ, конечно, и именованіе (въ дальнѣйщемъ разсказѣ) царя Василіемъ (а не Романомъ, какъ въ Trap. и Andr.), и намекъ на первоначально трагическій исходъ этого эпизода (см. прим. къ стр. 97), читавшагося въ прототипѣ Cr.-Fer. и сохраненный разсказомъ Тих. Т. о. разборъ и этого третьяго отрывка убѣждаетъ насъ въ томъ, что причину различія между Тих. и Пып. нельзя искать въ фактѣ дѣленія дошедшихъ до насъ греч. текстовъ на 8 и 10 книгъ, что̀ вполнѣ будетъ понятно, если мы припомнимъ, что дѣленіе это скорѣе всего слѣдуетъ признать явленіемъ позднимъ, моложе, нежели время оригинала (или оригиналовъ), съ котораго дѣлался русскій переводъ. Въ согласіи съ этимъ стоитъ и сдѣланное выше (стр. 48—49) предположеніе о своеобразномъ дѣленіи на части (главы) оригинала русскаго перевода, что̀ въ свою очередь найдетъ себѣ оправданіе въ томъ составѣ греческаго текста, который можно было предположить (для Тих. по крайней мѣрѣ) на основаніи текста русскаго (см. выше, стр. 50—52). Этотъ реконструируемый текстъ, какъ мы могли видѣть, по плану своему, по расположенію въ немъ матеріала, будетъ подходить и къ тексту Пып. (т. е. къ его оригиналу, если таковой допустить): въ этомъ убѣждаетъ и пересказъ содержанія М. (= Тих.) у Карамзина въ тѣхъ частяхъ, которыя не сохранились въ Тих., но уцѣлѣли въ Пып., и наличность въ Пып. тѣхъ эпизодовъ, которыхъ нѣтъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Trap.-Andr. и Cr.-Fer., но которые на тѣхъ же мѣстахъ, что и въ Пып., на лицо у Тих. (о мужѣ съ 12 замками, о борьбѣ со змѣемъ у источника, о Филипаппѣ и Максимѣ). Все это, ясно, говоритъ о томъ, что и въ греческихъ оригиналахъ (если ихъ допустить, какъ отдѣльные тексты) тексты, послужившіе источ-

никами Тих. и Пып., были по редакціи весьма близки другъ къ другу, если не были они даже тожественны, по скольку это касается ихъ отличій отъ дошедшихъ до насъ греческихъ текстовъ или ихъ прототиповъ. Конечно, это единодушіе русскихъ текстовъ по отношенію къ дошедшимъ не исключаетъ возможности расхожденія ихъ въ другихъ случаяхъ другъ съ другомъ, что̀ могло бы вести къ предположенію объ аналогичныхъ отличіяхъ другъ отъ друга и ихъ греческихъ (до насъ не дошедшихъ) оригиналовъ. Въ такомъ случаѣ, если бы мы могли доказать такое соотношеніе греческихъ текстовъ, служившихъ оригиналами для нашихъ, мы естественно, пришли бы опять, но другимъ уже путемъ, къ тому выводу, который былъ сдѣланъ Н. С. Тихонравовымъ, т. е. къ наличности двухъ переводовъ съ двухъ греческихъ текстовъ. Но, не говоря уже о томъ, что для подобнаго предположенія у насъ нѣтъ данныхъ въ нашихъ текстахъ въ виду ихъ отрывочности и отсутствія совпаденія по содержанію между отрывками за исключеніемъ разсмотрѣнныхъ небольшихъ трехъ, для него значительнымъ препятствіемъ является стилистическая сторона сохранившихся отрывковъ того и другого русскаго текста: совпаденіе въ этомъ отношеніи М.-П. = Тих. и Пып., указанное выше, ведетъ къ признанію тождества переводчика того и другого, какъ по времени, такъ и по отношенію къ средѣ, гдѣ могъ возникнуть переводный оригиналъ какъ Тих., такъ и Пып.; допуская же два перевода, мы тѣмъ самымъ должны допустить довольно не естественное предположеніе: одинъ и тотъ же переводчикъ переводилъ дважды одно и тоже произведеніе, при томъ въ текстахъ, во всякомъ случаѣ, близкихъ другъ къ другу по редакціямъ; иначе, мы не объяснимъ тѣхъ точекъ соприкосновенія въ манерѣ перевода, его стилѣ, которыя были нами отмѣчены выше.

Между тѣмъ эти всѣ затрудненія устранятся, если мы признаемъ переводъ въ обоихъ отрывкахъ Тих. и Пып. за одинъ и найдемъ объясненіе текстуальныхъ различій, даваемыхъ этими отрывками въ доступныхъ сравненію мѣстахъ инымъ

путемъ, т. е. допустивши, что мы имѣемъ передъ собой въ Тих. и Пып., дѣйствительно, двѣ редакціи, но не греческихъ въ ихъ русскихъ отраженіяхъ, а русскихъ же, иначе: допустимъ, что первоначальный переводъ съ теченіемъ времени подвергся уже на русской почвѣ[1]) измѣненіямъ, результатомъ которыхъ получились двѣ различныхъ, уже русскихъ, редакціи перевода, представляемыя теперь дошедшими до насъ Тих. = М.-П. и Пып. Такъ представлять себѣ дѣло образованія редакцій первоначальнаго перевода тѣмъ естественнѣе, что дошедшіе до насъ списки Тих. и Пып. отдѣлены рядомъ вѣковъ отъ своего оригинала-перевода: его мы могли отнести ко времени едва-ли моложе XII—XIII вѣка, тогда какъ Тих. и Пып. должны быть сочтены не старше XVIII-го; за этотъ промежутокъ времени текстъ въ рядѣ копій измѣнялся въ зависимости отъ различныхъ условій то болѣе, то менѣе, могъ подвергаться передѣлкамъ, если и сохранялъ старую основу и тѣ или другія ея особенности, которыя сквозятъ изъ подъ позднѣйшей оболочки. О степени этихъ измѣненій того или другого текста независимо другъ отъ друга судить мы имѣемъ возможность, благодаря отрывкамъ текста М.-П., сохраненнымъ Н. М. Карамзинымъ: сопоставленіе Тих. и Пып. съ этими отрывками рукописи XVI в. М.-П. показываетъ, какъ мы это видѣли выше и изъ сравненія въ статьѣ Н. С. Тихонравова[2]), что Тих. сохранилъ текстъ почти не измѣненнымъ въ томъ его видѣ, какъ онъ читался въ рук. М.-П. (XVI в.), и въ этомъ отношеніи долженъ быть сочтенъ ближе къ первоначальному тексту перевода въ общемъ, нежели Пып.[3]). Т. о. Пып. можетъ быть сочтенъ одной изъ послѣдующихъ (сравнительно съ Тих. = М.-П.) по времени стадій измѣненій этого первоначальнаго

---

1) Мысль о томъ же, повидимому, была уже у П. В. Владимірова, хотя не была имъ достаточно отчетливо формулирована (см. выше, стр. 99).

2) Ср. выше, стр. 98.

3) Былъ-ли, однако, М.-П. тожественъ по чтеніямъ съ первоначальнымъ переводомъ, сказать трудно. Эту отдаленность именно Пып. отъ оригинала отмѣтилъ уже самъ А. Н. Пыпинъ. (Очеркъ, 89), ограничивъ однако, самую степень «переиначенія» (тамъ-же).

текста. Изучая ближе текстъ Пып., особенно сравнительно съ Тих. = М.-П., мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ состояли, и какимъ путемъ возникли тѣ измѣненія первоначальнаго текста, которыя онъ представляетъ (преимущественно тамъ, гдѣ въ Тих. = М.-П. мы можемъ предположить сохраненнымъ первоначальное чтеніе)?

Прежде всего, разсматривая текстъ Пып. — эту позднюю копію XVII — XVIII вѣка — самъ по себѣ, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ — довольно плохой сохранности въ смыслѣ передачи стараго текста, несетъ на себѣ слѣды значительныхъ отклоненій «отъ того вида повѣсти, какой имѣла она въ древнемъ спискѣ или подлинникѣ» (слова А. Н. Пыпина, Очеркъ, стр. 89), если и сохранилъ много старинныхъ оборотовъ и выраженій (указанныхъ мною выше), если текстъ и не былъ «переиначенъ до такой степени, какъ сказка о Синагрипѣ» (Пыпинъ, тамъ же). Плохая сравнительно сохранность въ немъ старшаго текста видна уже изъ того, что онъ страдаетъ явными, въ ущербъ смыслу, пропусками, которые возстановляются на основаніи Тих., который въ свою очередь, получаетъ оправданіе въ греческихъ текстахъ безъ различія ихъ версій (Trap. и Gr.-Fer.), иначе, въ предполагаемомъ греческомъ прототипѣ. Такъ, напр., въ разсказѣ о первой охотѣ Девгенія: онъ просится на охоту: «нача отца своего нудить; отецъ же нача ему говорить: чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити, — и повелѣ кони свои сѣдлати» (Очеркъ, стр. 326). Эта фраза примыкаетъ непосредственно къ предъидущей, стоящей въ явномъ съ первой противорѣчіи: «На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія». Если такъ, то ему не зачѣмъ было «нудить» отца, получать отъ него отрицательный отвѣтъ на свою просьбу; а кромѣ того, послѣ такого отвѣта (безъ возраженій Девгенія) распоряженіе отца не имѣетъ оправданія. Т. о., кромѣ несообразностей, намѣчаются пропуски: послѣ словъ «нача.... нудить» (гдѣ бы мы ожидали содержанія просьбы Д.) и послѣ словъ отца (гдѣ долженъ быть отвѣтъ Д.,

убѣдившій отца согласиться на его просьбу). Въ Тих. (= М.-П.) мы, дѣйствительно найдемъ то и другое вполнѣ правильно: «На ді лѣто покушашеся (= похупается – М.-П.) вся звѣри побѣдити, и начатъ прилежно нудити отца своего и стрыевъ: поидите со мною на ловы. И рече ему отецъ: еще еси, сыну мой, младъ, о ловѣхъ не молви, понеже жаль ми тебѣ млада нудити. И рече Девгеній отцу своему: тѣмъ, отче, не поди (sic: пуди?) мене, понеже имамъ упованіе на сотворшаго Бога, яко нѣсть ми нуды въ томъ, но великое утѣшеніе. И то слово слышавъ отецъ юноши, яко такъ глаголетъ юноша, и совокупи вся вои....» Туже послѣдовательность имѣютъ въ виду греческіе тексты: Девгеній, ἱππηλάσια καὶ κυνηγεῖν ποθήσας, упражняется въ томъ и другомъ подъ руководствомъ отца;

Μιᾷ δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν πατέρα τοῦ λέγει·
πόθος, αὐθέντα καὶ πατὴρ, ἐσέβη εἰς τὴν ψυχήν μου
τοῦ δοκιμάσαι ἐμαυτὸν εἰς θηρίων πολέμους
καὶ, εἴπερ ὅλως ἀγαπᾷς Βασίλειον υἱόν σου,
εἰς τόπον ἃς ἐξέλθωμεν ἔνθα εἰσὶ θηρία...

Отецъ, услыхавъ это и радуясь въ сердцѣ, однако отвѣчаетъ:

ὦ τέκνον ποθεινότατον, ὦ ψυχὴ καὶ καρδία,
θαυμαστοὶ μὲν οἱ λόγοι σου, γλυκεῖα καὶ ἡ γνώμη,
πλὴν οὐ παρέστηκε καιρὸς τῆς θηριομαχίας,
θηρίων γὰρ ὁ πόλεμος δεινότατος ὑπάρχει....

Сынъ отвѣчаетъ со слезами.

εἰ μετὰ τὴν τελείωσιν ἀνδραγαθήσω, πάτερ,
τί μοι ἐκ τούτου ὄφελος;...

Послѣ этого отецъ соглашается (по Cr.-Fer. IV, 70—101; ср. Trap. IV, 855 — 895). Въ дальнѣйшемъ разсказѣ опять такого же рода пропускъ: когда изъ густого лѣса выбѣжалъ «лютый звѣрь разъемше челюсти своя и хотяше проглотити

юношу», то «отецъ же его рекоша: чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвыя, зри живаго — на тя бѣжитъ и хощетъ тя поглотить» (Оч., стр. 327).

Выраженіе: «пометай мертвыя» въ контекстѣ Пып. не понятно, тогда какъ въ Тих. оно понятно, какъ и въ греческихъ (Cr.-Fer., IV, 165 — 166 = Trap., V, 938 — 939): когда «звѣрь лютъ изъ того жъ тростія выиде», въ это время, «Девгеній жъ влечаше лосову главу въ правой рукѣ и два медвѣдя убитіе на лѣвой рукѣ [раздраны лось], почему «стрый (= греч. ϑεῖος) рече ему: приди, чадо, сѣмо и мертваа та поверги».

Въ томъ же отрывкѣ мы видимъ еще неудачную вставку, разрѣзавшую стройный текстъ и взятую изъ конца эпизода объ охотѣ, гдѣ она, согласно съ греческими, на мѣстѣ: сказавши о томъ, что Д. «на первое на десять и на второе[1]) начаша копьемъ играти, а на третее на десять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити», текстъ вдругъ перерываетъ (очевидно, подтолкнутый упоминаніемъ о коняхъ) перечень дальнѣйшихъ успѣховъ Д. по годамъ словами: «и бысть гораздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ вельми.... отъ прегуданія... умъ человѣчь исхититца»[2]), а затѣмъ опять: «На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеній. . . .» (см. выше). Въ Тих. = М.-П., какъ и въ греч. (Cr.-Fer. и Trap.), сплошной разсказъ о послѣдовательныхъ успѣхахъ Д.: Преславный Девгеній в҃і лѣто мечемъ играше, а на г҃і лѣто копіемъ, а на д҃і лѣто покушашеся вся звѣри побѣдити»; тогда какъ описаніе наружности Д. и его коня со звонцами правильно отнесено къ эпизоду переодѣванія Д. послѣ охоты при возвращеніи домой (Пып. и текстуально соотвѣтствуетъ этому мѣсту Тих., почему Пып. въ концѣ эпизода долженъ былъ повторить, что подъ нимъ «конь играетъ»). — Конецъ Пып. представляетъ скомканную передачу того, что находимъ въ Тих.: съ этимъ эпизодомъ (начало

1) Нескладно.

2) Очеркъ, стр. 326. За описаніемъ наружности идетъ рѣчь о конѣ бѣломъ и о бубенцахъ, украшавшихъ коня.

разсказа о похищеніи Стратиговны) Пып. не справился, очевидно, перебивъ отдѣльныя детали и не съумѣвъ ихъ расположить; поэтому и здѣсь пришлось дѣлать повторенія: Д. пріѣзжаетъ ко двору Стратига, находитъ юношу, который говоритъ, что Стратига нѣтъ дома, пугаетъ его храбростью и силой Стратига. Д. вспоминаетъ пророчество волшебной книги; затѣмъ вторично сообщается, что онъ пріѣхалъ ко двору Стратига. Это видитъ Стратиговна, приникши къ оконцу, размышляетъ о Девгеніи. Д. ѣдетъ изъ города, веселится всю ночь. Стратиговна спрашиваетъ мамокъ о немъ; ей сообщаютъ, что Д. собирается ее похитить. Утромъ Д. опять ѣдетъ въ городъ, звонцы его коня приводятъ въ смятеніе Стратиговну. Она (не смотря на то, что ей уже извѣстно, что это Д.) опять посылаетъ мамокъ справиться, что это за юноша, чего ему надобно? Мамка же передаетъ ему просьбу дѣвушки уѣхать (Очеркъ, стр. 330 — 332).

Видно, что всѣ эпизоды, изъ коихъ состоитъ этотъ разсказъ, были на лицо у Пып. (они есть въ Тих.), но, пожелавъ ихъ размѣстить, онъ не усвоилъ порядка своего оригинала (вѣроятно, сходнаго съ Тих.) и перебилъ, почему ему и пришлось сочинить, что Стратиговна опять «приниче къ оконцу», и объясненіе этому взять изъ предъидущаго — о звонцахъ — (Оч., стр. 326) и повторить буквально почти характеристику украшеній коня[1]). Кромѣ того, въ его изложеніи не умѣстились эпизоды съ наказомъ свитѣ «держать стражу» (онъ уже использованъ былъ раньше, въ выраженіяхъ, близкихъ къ Тих.), о пѣснѣ Д., о похищеніи Стратиговны (гдѣ себя называетъ Девгеній; отсюда выкроена въ Пып. рѣчь мамки). Ясно, что Пып. текстъ получился путемъ искаженія текста, подобнаго Тих. (соотвѣтствующаго здѣсь и греческимъ), путемъ сокращенія его, но неудачнаго и неумѣлаго.

1) Ср.: конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ человѣчь не можетъ смыслить.... и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человѣчь исхититца (326) — на своемъ бѣломъ конѣ, у коего здѣланы звонцы въ гривѣ.... и отъ того игранія умъ человѣчь исхититься (332).

Вѣроятно, такого же рода неискусная рука передѣлывателя прошла и въ другихъ мѣстахъ Пып., не нашедшихъ себѣ соотвѣтствія въ Тих.; такъ можно думать и относительно мѣста тамъ, гдѣ есть соотвѣтствіе отрывку М.-П. (о мужѣ съ замками): въ Пып. получился текстъ съ механическимъ пропускомъ подробностей.

Имѣя же въ виду то текстуальное сходство, на которое указано было уже, а также одинаковость фразеологіи, мы можемъ съ достаточной убѣдительностью сдѣлать выводъ, что, поскольку дѣло касается взаимоотношеній Тих. и Пып., послѣдній долженъ быть сочтенъ лишь искаженіемъ текста подобнаго Тих., не давая такихъ чертъ, которыя бы указывали на особый для него греческій оригиналъ, т. е. считать его уже русской редакціей, передѣлкой старшаго текста, сходнаго съ Тих.

Есть въ Пып. и другой рядъ отклоненій отъ старшаго текста, не находящихъ себѣ оправданія ни въ извѣстныхъ греческихъ, ни въ Тих. (поскольку они могутъ другъ съ другомъ текстуально быть сравниваемы). Эти отклоненія слѣдуетъ отнести на долю автора этой русской редакціи, его литературныхъ вкусовъ и реминисценцій: имъ искать соотвѣтствія въ греч. безполезно, да и нѣтъ нужды. Это — фразеологическія дополненія, идущія, повидимому, изъ двухъ источниковъ, и привлекавшіяся по памяти, какъ результатъ нѣкоторой начитанности и знакомства съ другими памятникамв: во-первыхъ это будутъ отзвуки — воспоминанія изъ области устной (сказочной, м. б., былинной) поэзіи, во-вторыхъ — ходячей книжной. Къ первымъ мы бы отнесли такія вставки, какъ вопросъ сыновей матери, послѣ похищенія дочери: «Скажи намъ, мати наша, кто тя обидилъ, царь-ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животѣ, тожь ты обидима будешь». Ничего подобнаго, даже самого вопроса, нѣтъ въ греч. текстахъ (ср. Andr. II, 317 и сл Cr.-Fer. I, 69 и сл.). Ср. въ былинѣ о Хотенѣ[1]):

---

1) Лыбопытно, что нѣчто подобное былинному выраженію, встрѣтилось въ «Дигенисѣ» греческомъ, но въ иномъ мѣстѣ (оставшемся у насъ не пере-

Свѣтъ-сударыня, моя матушка!
Что же ты идешь съ честна пира не весела,
И не весела идешь, не радостна?
Али мѣсто ти было на пиру не полюби,
Али чарою тебя пообнесли,
Али надсмѣялся пьяный пьяница?

(Рыбн.[2] I, № 71, стихи 68 и сл.).

Тоже почти въ былинѣ о Василіи Казимировѣ:

Что ты идешь съ пиру невеселой?
Не дошло тебѣ отъ князя мѣсто доброе?
Не дошла-ли тебѣ чара зелена вина?
Или кто тебя, Василій, избезчествовалъ?

(Был. стар. и нов. зап. № 37, стихи 72 и сл.).

Къ числу такихъ же реминисценцій изъ области былевой, вѣроятно, поэтики надо отнести: «начаша братаничи меншово брата крутить (снаряжать въ бой); а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ, аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно» (стр. 320)[1]) — оборотъ, замѣнившій собой описаніе, какъ готовились къ битвѣ братъ по-

---

даннымъ): влюбленный Девгеній не пьетъ, не ѣстъ за ужиномъ; мать его допрашиваетъ:

Τί σοὶ συνέβη, τεκνον μου, καὶ θλίβεσαι τοιούτως;
μήπως θηρίον σ'ἔχρουσε καὶ σ'επίασεν ὁ φόβος;
ἢ τίς κακὸς σ'ἐβάσκανε, βλέπων σου τὴν ἀνδρείαν;

(Andr. IV, 1803 и сл.).

1) Въ приведенной выпискѣ чувствуется даже стихотворный ритмъ, напоминающій былинный. Помнится, такіе же мотивы въ томъ же сочетаніи встрѣтились въ варьянтахъ былины о боѣ Алеши съ Тугариномъ. Ср. также въ «Видѣніи короля Шведскаго»:

Закричалъ ли король Шведскій громкимъ голосочкомъ:
«Поглядите вы, ребята, на свою сторонку — все темно и чорно, жить молодцамъ невольно.
Поглядитежь вы, ребята, въ Русскую сторонку, —
У, какъ тамъ ли, во Россіи ясно все и красно;
Ясно все и красно, жить молодцамъ прекрасно!»

(Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, стр. 115 — 116).

хищенной дѣвицы и Амиръ, ихъ вооруженія (Cr.-Fer. I, 146 и сл.).

Изъ круга тѣхъ же отзвуковъ устнопоэтическихъ воспоминаній, по всей вѣроятности, идутъ и болѣе мелкія выраженія, характерныя для манеры передѣлывателя старшаго текста; сюда, повидимому, слѣдуетъ отнести детали описанія битвы между Амиромъ и братомъ похищенной дѣвицы: «начаша ся сѣщы саблями и ударишася собою копьями» (стр. 320) — очень обычное и въ былинахъ[1]); склонность къ постояннымъ, при томъ обычнымъ въ устной поэзіи эпитетамъ и повтореніямъ: «златъ стулъ» (на которомъ сидитъ дѣвица, 321), «славою славенъ и силою силенъ и мудростію мудръ и богатствомъ богатъ» (322, 324), «румяно лице, яко маковъ цвѣтъ[2]), очи. . . . яко чаши» (306)[3]), лѣсъ — обычно «темный»[4]) 326); «борзый конь» (329; въ другихъ случаяхъ, какъ и въ Тих., борзый фарь), гусли — «звончатыя» (331; въ Тих. и греч. — серебряныя съ златыми струнами); сюда же слѣдуетъ отнести и такія выраженія, какъ: «протчая воинства его (Стратига), не можетъ земля держать» (329), «воинству его смѣты нѣтъ (331), «въ тимпаны и набаты бити и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить и въ гусли играть» (332), сочетаніе: «цари-царевичи, короли-королевичи» (331), цари и короли (330, 329); Девгеній называется не только преславнымъ (какъ и въ Тих.), прекраснымъ (и въ Тих.), но часто по сказочному—«царевичемъ»

1) Напр.:

Они съѣхались съ нимъ да все ударились;
Востры сабельки у нихъ да поломалися,
Востры копья у нихъ всё потупилися.
(Бѣломорскія былины, стр. 56).

2) Ср. въ былинѣ о Добрынѣ-сватѣ (Пѣсни Кирѣевскаго, III, 70) характеристику невѣсты:

Ея бѣлое лицо, какъ бы бѣлый снѣгъ,
И ягодицы (щеки), какъ бы маковъ цвѣтъ.

Въ Тих. — «яко червецъ».

3) Ср. въ «Богатырскомъ словѣ» (Спб. 1881, стр. 17):

«Очи у него (Скоропѣевича), какъ чаши».

4) Въ другихъ случаяхъ — «пустой лѣсъ».

(326, 327, 328, 332). Изъ сказочнаго репертуара идетъ, навѣрное, переработка эпизода о коняхъ, которыхъ посылаетъ мать Амиру[1]): она даетъ арабамъ, посланнымъ къ нему, «конь, рекомый вѣтренница, другый громъ, третій — молнія». Кони эти обладаютъ чудесными свойствами: «вѣтреница» дѣлаетъ человѣка невидимымъ, конь-«громъ»—отъ него «услышатъ всѣ Аравитяне Срацынскіе земли» (когда поѣдетъ Амиръ домой, надо думать), «молнія»-конь сдѣлаетъ ихъ невидимыми въ Греческой землѣ. Наконецъ, къ тому же сказочно-былинному стилю надо отнести, кажется, такія слова, встрѣтившіяся въ текстѣ, какъ: «въ другой рядъ» (320), «в тѣ поры» (319), «мамки» (332) и др.

Общій выводъ изъ этихъ наблюденій получается приблизительно такой: на своеобразный стиль старой воинской повѣсти (одинаковый въ Тих. и Пып., какъ въ одномъ и томъ же переводѣ) подъ перомъ позднѣйшаго передѣлывателя, взглянувшаго на повѣсть, какъ на близкое къ сказочнымъ и устнонароднымъ произведеніе (ср. А. Н. Пыпина, Очеркъ, 89: повѣсть извѣстна была охотникамъ «до сказочнаго чтенія»)[2]), налегъ слой передѣлокъ стиля, отчасти деталей въ содержаніи, сближавшій эту повѣсть, дѣйствительно, съ народноустными произведеніями. Въ этомъ выразился одинъ рядъ измѣненій стараго текста, получившаго теперь новую редакцію.

Второй рядъ измѣненій, проникшихъ въ текстъ, надо объяснять, повидимому, также воздѣйствіемъ на передѣлывателя со

1) Въ греч. (Trap. III, 221) просто: ἔστειλα δέ σοι, ὡς ὁρᾷς, ἐπίλεκτα φαρία, τὸ βάδιον καβαλλίκευε, καὶ τὸ δαγάλλιν σύρε. τὸν μαῦρον μετὰ προσοχῆς ᾽ἐὰν καβαλλικεύσῃς, ὡς ἀετὸς ἀνίπταται, τίς ποτὲ οὐ μὴ σὲ φθάσῃ = Andr. III, 671 сл. = Cr.-Fer. II, 94 сл.).

2) Это подтверждаетъ и весь составъ сборника (Публич. Библ., Погодина, № 1773), въ которомъ А. Н. Пыпинъ нашелъ «Девгеніево дѣяніе». Подробное описаніе сборника см. «Повѣсть о горѣ и злочастіи», изд. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ (Спб. 1903), стр. 18—23, ср. выше, стр. 13). Кстати: здѣсь же перепечатано и первое извѣстіе А. Н. Пыпина (изъ Современника, 1856, т. LVI, отд. I, стр. 49 — 50) о «Девгеніевѣ дѣяніи», случайно опущенное выше; новаго, сравнительно со сказаннымъ А. Н. Пыпинымъ въ его «Очеркѣ», замѣтка ничего не заключаетъ, только категоричнѣе указываетъ на юго-славянское происхожденіе перевода этого «героическаго романа».

стороны, но на этотъ разъ уже со стороны произведеній, скорѣе всего книжныхъ, отзвуки коихъ по памяти руководили имъ при переработкѣ. Къ числу такихъ отзвуковъ (какъ не находящихъ себѣ параллели въ греческихъ текстахъ), можетъ быть, слѣдуетъ отнести такой эпизодъ изъ встрѣчи братьевъ, поѣхавшихъ выручать сестру и встрѣтившихъ 3000 амировыхъ стражей: «Болшый братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшый полкъ, а меншый съ лѣвую руку» (318); эпизодъ могъ возникнуть подъ впечатлѣніемъ русскихъ военныхъ повѣстей о битвахъ (напр. съ Мамаемъ въ повѣстяхъ о Дмитріи Іоанновичѣ)[1]). Таково же описаніе храбрости воиновъ Амира: «храбріи и силніи: единъ на сто человѣкъ наѣдетъ» (319); у Стратига такіе же воины: «единъ на сто напуститъ» (331); ср. напр. въ Толковой Палеѣ характеристику «храбрыхъ» Давида: «меншему ихъ быти противу .р҃. ратныхъ, а ващьшему противу тысащи» (рук. Барсова [Ист. Музей], № 619, л. 225 в.), «Одиноасъ.... и сь обнажи копьє своє на ҃п сотъ воинъ» (ibid. л. 225). «Иавеса.... въздвиже оружьє своє на .т҃. мужь (ibid. 225 с.).

Такимъ же заимствованіемъ изъ готоваго источника (мнѣ ближе не извѣстнаго) объясняется стереотипная вставка въ «пре-

1) Вообще можно говорить, что точки соприкосновенія текстъ Пып. обнаруживаетъ, именно, съ этими повѣстями о Мамаевщинѣ, въ частности съ той версіей списковъ 3-ей редакціи ихъ, которая «украшена цитатами изъ народной поэзіи» (см. С. К. Шамбинаго «Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ» (Спб., 1906), (Сборн. рус. яз. и сл. Ак. Наукъ, LXXXI, стр. 292 и сл., особ. стр. 302). Впрочемъ, интересующій насъ эпизодъ можетъ быть поставленъ въ связь и съ устной поэзіей; ср.:

Метали (богатыри) жеребей промежь себя:
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,
Кого поставить въ середку силы въ матицу.
(Кирѣевскій, Пѣсни, IV, 44).

Или:

Ай Самсонушку-ту ѣхать во праву руку,
Пересмяни со племянницькомъ по лѣву руку,
А Ильѣ-то ѣхать Муромцу во середоцьку.
(А. Марковъ, Бѣломорск. былины, 50).

Источникъ этихъ эпизодовъ въ былинахъ (обѣ цитаты изъ былинъ о Мамаѣ), повидимому, въ тѣхъ же повѣстяхъ о Мамаевщинѣ.

лестномъ» письмѣ Максимьяны къ Девгенію съ приглашеніемъ пріѣхать повидаться (328): («Ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ), яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенные листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, (тако же и ты въ насъ процвѣте»). Такой же стереотипной фразой (имѣющей въ глазахъ передѣлывавшаго цѣль придать разсказу своего рода торжественность) приходится считать вставки о крещеніи Амира и затѣмъ Девгенія: «И вземше патріарха града того со всѣмъ соборомъ и пріидоша на рѣку Ефрантъ и сотвориша купель.... и крестиша его самъ патріархъ, а отецъ былъ крестной царь града того» (324).... «а крестиша его самъ патріархъ, а мати крестная царица града того» (326)[1].

Такимъ образомъ, выдѣливши до извѣстной степени тѣ элементы Пып., которые можно признать идущими изъ иныхъ (не изъ оригинала греческаго) источниковъ, въ остаткѣ получимъ ту старую основу, которая лежала подъ этимъ текстомъ. Основу же эту, и по содержанію и по стилю, мы должны признать тождественной съ текстомъ, какъ онъ читался въ Тих. (или его прототипѣ): опоры для признанія за этими основными текстами различныхъ оригиналовъ мы не видимъ, исходя изъ тождественности ихъ содержанія (поскольку оно могло быть изучаемо сравнительно) и стиля, а наоборотъ должны признать единство этой основы; тѣ же значительныя отклоненія, какъ текстуальныя, такъ и въ общемъ тонѣ всей повѣсти по списку Пып., мы должны объяснять тѣмъ, что уже русскій старый переводъ «Девгеньева дѣянія» на русской почвѣ переработанъ въ болѣе позднее время въ новую редакцію; и процессъ этой переработки мы могли прослѣдить по всему тексту, какъ онъ читался въ позднемъ спискѣ ея, представляемомъ Пып.

---

1) Далѣе соображенія писавшаго: «и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича», — не извѣстно на чемъ основанныя (м. б. Амиръ и «царь града того», 4 царевича — 3 дяди и Девгеній?).

Въ результатѣ изученія русскихъ и греческихъ, дошедшихъ до насъ, текстовъ, мы должны притти къ такого рода выводамъ:

1) Переводъ «Девгеньева дѣянія» былъ въ нашей древней письменности одинъ.

2) Сдѣланъ онъ съ греческаго, до насъ не дошедшаго (или еще не найденнаго), прямо на русскій (безъ югославянскаго посредства).

3) Сдѣланъ этотъ переводъ еще въ пору Кіевской Руси, не позднѣе XII—XIII вѣка, въ эпоху особаго оживленія интереса къ «воинской» повѣсти (Флавій, Слово о полку Игоревѣ, «лѣтописные» боевыя повѣсти), отразивши въ себѣ стиль и вкусы этой эпохи.

4) Греческій оригиналъ, предполагаемый для нашего перевода, представлялъ черты во многомъ болѣе архаичныя, нежели дошедшія до насъ стихотворныя греческія обработки его XV—XVII в., далѣе конца XIV или начала XV в. не восходящія въ томъ ихъ видѣ, какъ онѣ представлены въ рукоп. And., Trap., Gr.-Fer. и Escor. (а тѣмъ болѣе Oxon.—Петрициса).

5) Этотъ предполагаемый греческій оригиналъ не имѣлъ дѣленія на книги (λόγοι) подобно дошедшимъ греческимъ текстамъ, а распадался на рядъ разсказовъ, представлявшихъ каждый болѣе или менѣе законченное цѣлое, имѣлъ свой распорядокъ матеріала, отличный въ частностяхъ отъ того, который даютъ дошедшіе тексты греческіе для ихъ прототипа (или прототиповъ), имѣлъ такіе эпизоды, какихъ не было въ прототипѣ дошедшихъ греческихъ текстовъ. Въ этомъ—важное значеніе русскаго перевода для исторіи текстовъ византійскихъ.

6) Вопросъ о томъ, весь-ли «Девгеній» былъ переведенъ, или конца его не было въ русскомъ переводѣ, долженъ быть оставленъ открытымъ въ виду отрывочности сохранившихся русскихъ списковъ. Пересказъ Карамзина, его выписки изъ М.-П., текстъ Пып. и Тих., удостовѣряя существованіе перевода первой половины «Дигениса», цѣльнаго, какъ онъ данъ въ позднихъ

греческахъ передѣлкахъ, отчасти въ народныхъ «акритическихъ» «пѣсняхъ», не даютъ достаточно матеріала для рѣшенія вопроса.

7) Старый переводъ сохранялся въ болѣе или менѣе неизмѣнномъ видѣ долгое время (Тих. относится къ серединѣ XVIII в.), но подвергался и измѣненіямъ, выработавши уже русскую редакцію: это — текстъ Пып., сблизившій переводную старую повѣсть съ устно-народнымъ творчествомъ и отчасти книжными «воинскими» и др. повѣстями.

27 II. (12 Марта) 1918. Москва.

Приложенія.

I. Пересказъ содержанія «Девгеніева дѣянія» у Н. М. Карамзина.

II. Выписки изъ «Девгеніева дѣянія» въ изд. «Слова о полку Игоревѣ» (1800 г.).

III. Выписки изъ «Девгеніева дѣянія» у Н. М. Карамзина.

IV. «Девгеніево дѣяніе» по рукоп. Н. С. Тихонравова (Рум. Муз. № 399).

V. «Девгеніево дѣяніе» по рукоп. М. П. Погодина (Публичн. библ. № 1773).

I.

Пересказъ содержанія «Девгеніева дѣянія».

Н. М. Карамзинъ. *Исторія госуд. россійскаго, т. III, гл. 7, прим. 272.*

Вторая повѣсть изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы, и племянника ихъ, Девгенія. Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и сѣкутъ головы тысячами. Однакожь сообщимъ нѣкоторыя описанія. «Ста Амера на сумежіи Грецкой земли.... и по конецъ носа 12 замка замчена»[1]). О Девгеніи сказано: «Двѣнадцати лѣтъ мечемъ играетъ.... звѣрь побѣдити»[1]). Онъ ѣдетъ къ славной краса-

1) См. ниже «Выписки Н. М. Карамзина».

вицѣ Стратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: «Кажи ми отца своего и братію.... паволокою покрыты»¹). Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ имъ: «азъ старости.... знаменія мѣсто». Онъ женится на Стратиговнѣ, и тесть предлагаетъ ему дары: «Пода Стратигъ своему зятю.... имъ же нѣсть числа»¹).

II.

Выписки изъ «Девгеніева дѣянія» въ 1-мъ изд. «Слова о полку Игоревѣ». (М. 1800 г.. стр. III, прим.).

6. Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о брьзости, о силѣ и о храбрости.

7. Сказаніе о Филипатѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ.

8. Аще думно есь слышати о свадѣбѣ (sic) Девгѣевѣ, и о всъхыщеніи Стратиговнѣ.

(Тоже у Пыпина: «Очеркъ», 85).

III.

Выписки изъ «Девгеніева дѣянія» по рукоп. М.-Пушкина у Карамзина въ «Ист. гос. рос.».

Т. II, гл. 12, прим. 333.

«Кто сему не дивится, како дрьзость яви уноша, како лось нагони бръже фаря брьзаго».

«Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ гораздо на немъ играетъ».

Т. III, гл. 7, прим. 272.

«Ста Амера на сумежіи Грецкой земли и рече: Боярство мое великое, сынове Аравитьстіи! имѣете ли дръзость на Гречкую землю, противу тъ (той) силѣ паки поставити? И единъ Аравитянинъ велегласно рче.... устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многи жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена».

«Двѣнадцати лѣтъ мечемъ играетъ, а на 13 лѣто копіемъ, а на 14 лѣто похупается (покушается) всякый звѣрь побѣдити».

«Кажи ми отца своего и братію, каковы суть! И начя дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саженъ, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братія моя суть въ сребреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты».

«Азъ старости твоея дѣля пожалую дамъ ти свободу, и сыномъ твоимъ; толико (только) знаменіе свое хощу возложити на васъ.... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ, и у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемь: то взя у нихъ на знаменіа мѣсто».

«Пода Стратигъ своему зятю 30 фаревь (коней), а покрыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ кръмильцы своими и дасть ему кожуховь 50, сухымь златомь шиты, и паволокъ великыхъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомь; вмѣщахуся вонь многы тисуща (тысящи) вой, и ужица бяху шатра того шолъкова, а колца сребрена; и подасть ему икону злату св. Ѳеодоръ, и копіа 4 Аравитьская, и мечь дасть прадѣда своего. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; прьвый шуринъ уноша подасть ему 50 поясовъ златокованныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъже нѣсть числа».

(Отсюда же у Пыпина: «Очеркъ», 85—86).

IV.

Рукопись Рум. Муз. № 399 (Н. С. Тихонравова).

Житие Девгенія.

(31) Прѣславныи Дѣвгенія ві̇ лѣто мечемъ йграше а҆ на гі̇ лѣто копїемъ а҆ на д҃і лето покѹшашеся вся звѣри побѣдити и҆ начатъ прилежно нѹдити о҃ца своего и҆ с҆трыевъ поидите со мною на ловы и рече емѹ о҃цъ еще еси с҃нѹ мои младъ ѿ ловехъ

не мо̂ви понеже жаль ми тебѣ млада нѹдити и рече Девгеніи о^т^цу своемѹ тѣмъ о^т^че не нѹди[1]) менѣ понеже имамъ ѹ̆пованіе на со^т^воршаго бг҃а, яко нѣсть ми нѹды в томъ но великое ѹ̆тѣшеніе и то слово слышавъ о^т^ц҃ъ юноши яко такъ глаголетъ юноша и совокѹпи вся вои і гра^д^ весь и ра^д^ бысть с нимъ ехать на ловъ и мнози ідяхѹ (31[2]) и^з^ града того на ловы за нимъ зане слышахѹ Девгеніевѹ де^р^зость и выше^д^ше і^з^ града на ловы о^т^ц҃ъ его ловитъ зайцы и лисицы и ^о^тры его ловя^т^ а̃ Девгеніи имъ с'меяшеся и в пѹстыню вниде и сніде с' коня яко соколъ млады на бж҃ію силѹ надеясь и два ме^д^ведя по^д^ тро̂тію хождаше и̂ ними дети ихъ бысть и ощѹти[2]) ме^д^ведица юношѹ противъ ему поскочи и хотяше его[3]) пожрети юноша^ж^ еще неѹ̆ченъ како звѣри бити и по̂кочи вбо^р^зе переди ея похвати и согнѹ ея лактями и все (е)же бѣ во чреве (е)я выде и^з^ нея борзо ме^р^тва бысть в рѹкѹ дрѹги ме^д^ведь бежаше во глѹбинѹ тро̂тія того и кликнѹ его к немѹ чадо с'терегись доколе не̂кочитъ на тебѣ ме^д^ведь и Девгеніи радо̂тенъ бысть и поверже свою ро̂вицѹ на ме̂те на немже стояше яко скоры соколъ ме^д^ведя на̂кочи и ме^д^ведь к немѹ во^з^вратись ра^з^верзь ѹ̆ста[4]) своя хотя его пожрети юноша^ж^ бо^р^зо скочи и̂ ѹ̆хвати его за главѹ и̂ ото^р^ва емѹ главѹ и вборзе ѹ̆мре в рѹкѹ его ѿ рыканія жь ме^д^ведя того и ѿ гласа[5]) юноши голкъ великъ побѣже и А^м^ира цр҃ь к сынѹ кликнѹ Девгеніи с҃ну мои стерегись понеже лось бѣжитъ велми великъ тебя же укротитъ негде кто слышавъ Девгеніи поскочи яко левъ и догнавъ лося похвати его за за^д^ніе ноги на двое ра^з^дра ѿ чюдо преславно божіимъ дарованіемъ кто семѹ не дивится какова де^р^зость явисъ млада ѿрочати кто лося догна быс'трее лва ѿ бг҃а ему надо всемъ силѹ имѣти како побѣди ме^д^веди безъ о̂ружія (32[2]) ѿ чюдо пре̂лавно (о) видимъ юноши ӏ҃і летъ во^з^]атомъ сѹща но не ѿ прос'тыхъ людеи но ѿ бг҃а есть со^з^данъ но глаголаше межъ

1) Ркп.: нади.

2) Ркп.: щѹти.

3) Вверху строки: въ строкѣ было тоже слово, но смазано.

4) Ркп. ѹ̆ды.

5) Рук. гласи.

собою и абие зверъ лютъ зѣло из болота выиде из тогож тротїя ї узреста юношу и чато глядаху дабы не вредилъ юноши Девгенїиж влечаше лосову главу в правои руке и два медведя убитїе на левои руке раздраны лось ї стрыи рече ему приди чадо сѣмо и мертвая та поверги зде суть ины живы звер понеже то есть не лось раздрати на двое то люты левъ съ великою обороною итти к нему отвещаша юноша гдне стрыю надѣюсъ 1) на творца и на его величїе бжїе и млтву матерню яжъ мя породи и то слово Девгенїи рече ко оцу прїиде ї вохити мечь свои вборзе и противу звери поиде звер же обрелъ юношу к себѣ идуща 2) ї начатъ рыкати и хвотомъ своя ребра бити и челюсти своя разнемъ на юношу ї покочи Девгенї жъ удари его мечемъ во главу и пресече его на полы и начатъ оцъ его ко стрыю глати виждь стрыю 3) величия бжїя како расеченъ бысть левъ якоже и прежни лось и борзо покочита оцъ со стрыями и начата целовати его во уста 4) и очи и руце и глаху к нему вси видѣще гдне твоего велеглавнаго возратъ и красоты и храбръства кто не подивится бе бо юноша возрастомъ (32) велми лепъ наче меры а власы имуще кудрявы и очи велики 5) горазло 6) пань зрети лицеж его яко снегъ ї румяно яко червецъ брови же черны имяше перси жъ его сажени шире виде же отцъ юношу велми крана радовашесь ї гла къ нему чадо мое милое преславны Девгенїи зпои золъ и великъ в полудни бысть всяки зверь сохранїся бяше въ пустолесие поидемъ чадо к студеному источнїку измыеши бо лице свое о многаго пота и воины порты облечеши а рудныя с 7) себѣ снимеши понеже о зверинаго пота ї медвежи капани и лютаго звери крови порты на тебѣ орудишасъ їзмыютъ 8) твои и нозѣ ї самъ азъ во источнїцѣ бо томъ свети а вода яко свеща светится ї не смеяше бо к воде тои о храбрыхъ прїитъти никто понеже бяху мнози чюдеса в воде тои змеи великъ живяше и пришедшимъ 9) имъ ко источнїку и седоша около 10)

1) Ркп.: стыюсъ. 2) Ркп. идущу. 3) Ркп. с'тыю. 4) Ркп. усто. 5) Ркп. вели. 6) Ркп. горазды. 7) Ркп. к. 8) М. б. измыю тя? 9) Ркп. пришедши. 10) Ркп. о'коло.

Девгенїя и начаша мыти лице его и рѹце ѻнъ же рече рѹце мои ѹмываете ӑ еще имъ колоти и того слова юноша не кончавъ абие змеи великъ прилете ко ӥточникѹ яко чл҃къ явись троеглавои и хотяше людеи пожрети и ѹзре Девгенїи и вбо^р^зе мечь свои похвати і противо змия поиде и̓ г҃ главы ему ѻсече и начатъ рѹки ѹмывати и̓ вси пре^д^стоящи почюдишася (33) такои де^р^зости юноша [1]) показа на лютомъ звери ї нача хвалѹ бг҃ѹ во^з^давати ѿ чюдо велие ѻ вседе^р^жителю вл^д^ко со^з^давы чл҃вка ї великѹ силѹ давъ емѹ надо всеми сн҃ыми и дивно хра^б^рыми показалъ чл҃вки сильнее ихъ ї начаша юношѹ прилежно целовати и ризы с' него совлекоша испо^д^нї жъ быша хладари ӑ ве^р^хни бяхѹ черны [2]) сѹхимъ златомъ тканы а пре^д^рѹкавие драгимъ жемчюгомъ сажены ӑ наколѣники его бяхѹ драгая паволока ӑ сапоги его вси златы сажены драгимъ жемчюгомъ ї каменїемъ алигъпаретомъ [3]) ѻ трози его виты златомъ со и^з^марагдо каменїемъ и повеле юноша борзо ко граду [4]) погнати да мати его не печалѹетъ по немъ ї приїдоша в домы своя вси и начаша веселитись ї радотно пребываша паче всехъ Девгенїева мт҃и веселяшеся занеже [5]) породи сн҃а славнаго ї велегл҃наго и кр҃наго бысть же Девгенїевъ конь бѣлъ яко голѹбь грива же ѹ него плетена драгимъ каменїемъ и среди камения звоцы златы и ѡ ѹмноженїя звоцовъ и ѿ каменеи драгихъ велелюбѣзны [6]) гласъ ї хождаше на и^з^дивленїе всѣмъ на ля^д^вияхъ коневы^х^ драгою паволокою покрыто ле^т^няго ради праха а ѹ^з^да его бысть златомъ кована со и^з^марагдомъ и каменїемъ кон же его бысть борзъ и гораздъ їграти а юноша храбръ бысть и хитръ на немъ сидети и то видя чюдиша (33²) како фаръ по^д^ нїмъ скакаше ӑ онъ велми на немъ крепко сѣдяще и всячѣкимъ ѻрѹжїемъ играше и храбро скакаше. Бг҃у нашемѹ слава ныне и̓ прїсно и во вѣки вѣковъ Аминь.

.....(9) и приниче ко ѻкнѹ а сама не показася Девгени жъ (?) и в'спятъ во^з^вратися и Девгенӣ в'зирающе на ^д^воръ. И тогда девая [7])

---

1) Слово вписано подъ строкой. 2) Слово вписано между строкъ. 3) маргаретомъ? 4) Ркп. гдаду. 5) По выспособленному. 6) Ркп. велелїобѣзны. 7) Слово вписано между строкъ.

видевше й подивися бе бо время прем(м)ин8ло па нощъ а Девгенй пойде во вов шатры.... [1]) я с собою юношу того любовь велик8 до него имея (сов)лещи повеле с него по^р^ты х8дыя я облещи в драгая и сотвори худо ть[2]) велик8 въ т8 нощь со своими милостивники а зау́тра вота рано и повелѣ своей др8жине имети у себѣ сторож8 и рече имъ ра^з^делитеся на многия п8ти и др8гъ др8га стерегите аще к вамъ пріидитъ Стратигъ азъ не (?) приготовлюсь и начнетъ вамъ пакоти творит(и) со многи^х^ странъ и бѣите съ нимъ не ужано донеле^ж^ азъ не приспею то слово и^з^рекъ и облече во многоценныя ризы и повеле взяти г8сли со ^з^латыми стр8нами и повеле приняти юнош8 но приятаго и по(ѣх)а самъ че^т^твертъ ко двор8 Стратигов8 и взя г8сли начатъ играти и пети поне^ж^ дапа ем8 бжія помощъ иже имеетъ всегда на себе (?)[3]) (9²) всегда ем8 допеется о прекрасной двце Стратиговне исхищенои[4]) быти о Девгенія сна Амира царя и слышавши того гласа два и прекраснаго играпія бысть ужана и трепетна к (око)нъц8[5]) припиче и у ре Девгенія самого че^т^ве(рта)[6]) мимо дворъ ед8ща и [7]) всели в ню любовь и начатъ звати ко^р^милиц8 и рече еи какъ юноша мимо дворъ еха и умъ ми ихити и ныне молю ти сь всемъ ср^д^цемъ прилежно иди и глаголи к нем8 пре^д^варити и когда во^з^врати^т^ся юноша и виде ко^р^милица и рече къ нем8 кою де^р^зость имаши и что есть тѣбѣ ор8діе къ сем8 дом8 но не имеетъ птица прилетети мимо двора сего о^т^ моеи гжи мнози главы своя положиша и о^т^веша Девгеніи кто тя пола глаголати мнѣ и рече ем8 мене пола гопожа моя прекрасная Стратиговна жал8ючи[8]) юностъ твою да быша тебѣ не вредили гла к ней мови гопоже своеи тако рекъ Девгеніи[9]) (10) в борзе приклони лице свое ко оконц8 и покажи образа своего велегласнаго и тогда уведаешъ чего ради ра^ж^дающе аще ли того не сотворишь не имаши живота имети собѣ и въси твои родители и услышавъ двца Стратиговна

1) вырвано: м. б. «и вз». 2) радость (?) 3) Стерлось на концѣ строки и концѣ листа. 4) Ркп. исхищено. 5) Оборванъ край листа. 6) Рук. не. 7) Тоже. 8) жалѣючи (?) 9) Слово приписано внизу строки.

ко ѡ҆̈кóцꙋ скоро припаде и пачатъ глаголати к Девгенію свете светозарныи ѻ прекрасное сл҃нце жал ми тебѣ гд҃не аще моси ради любьве хощеши ся погꙋбити [1]) запе ини мнози мене ради главы своя положиша а не видевъ ни гл҃авъ [2]) со мною а ты кто еси показавъ велію [3]) дерзость о҃тцъ мои вельми храбръ и братия моя силни сꙋть а ꙋ о҃тца моего мꙋжіе единъ о҃т нихъ на р҃ наедетъ а ты имаши мало с' собою вои гл҃а [4]) Девгеніи к' дв҃це аще бы я Бг҃а пе боялся смерти бы предал тя далди ми о҃ветъ в'скоре что имаши на ꙋме хощеши ли слыти [5]) Девгениева Акрита [6]) жена или требꙋеши емꙋ быти раба полонена слыша же то дв҃а сле҃но о҃веща емꙋ аще имаши любовъ ко мнѣ велію то ныне мя ихити яко о҃тца мо го дома не҃ (10²) ни сн҃нои моеи братіи или чемꙋ ти исхитити менѣ азъ сама едꙋ с тобою токмо въ мꙋжескꙋю ѻдежду ѻблецы мя зане имамъ мꙋжескꙋю дерзость аще пꙋте мя на҃гонятъ то сама ѻборонюсъ мнози бо предо мною пе ꙋспеютъ ничгоже со҃творити и то слыша Девгеніи радостенъ бысть и рече к' дв҃це нѣть на ср҃це тако яко же ты глаголеши понеже ми есть в томъ срамъ о҃т о҃ца твоего и о҃т братіи твоеи начнꙋ҃т глаголати татьбою приехавъ Девгеніи дв҃цꙋ о҃т на исхити но сице ти гл҃ю [7]) повеленное мое сотвори когда пріидетъ о҃цъ твои и братия твоя скажи имъ исхищеніе свое и рече ей выди пре҃ врата и поклони Девгенію и приятъ Девгеніи единою рꙋкою и посади ю на гриве ꙋ копя и нача҃ ю любезно целовати и ссади ю с коня своего дв҃ца҃ не хотяше о҃лꙋчитися о҃т него и рече Девгеніи во҃врати и сотвори якоже ти рекохъ до ѿца твоего пришествія ѻжидаи и менѣ к себѣ пригтоившесь стани внѣ храма пре҃ сеньми (11) и тако рекъ поцелова ю и поиде ѿ нея и пꙋ҃ти во градъ юношꙋ сгоже взятъ пре҃ градомъ и приказа ему с вестью быти какъ приедетъ С'тратигъ то слово рекъ а самъ поиде ко шатрꙋ своему и сотвори радость велію з дрꙋжиною своею и абие Стратигъ к' словꙋ приехавъ а юноша к' Девгенію с вестью приде и рече Девгенію Стратигъ приеха и повеле Девгеніи

1) Ркп. порꙋбити. 2) Рук: главъ. 3) Рук.: велею. 4) Ркп.: гла. 5) Ркп. слыша. 6) Между строкъ. 7) Ркп.: глю.

ѳара своего бо^р^заго се^д^лати а самъ ѡ̑блечесъ о многоценыя ризы и поеха на полꙋбице инаходомъ а ѳара бо^р^зого пре^х^ собою вести и̑ приехавъ во градъ вседе на ѳаръ свои с' милͦтивники пꙋсти пре^х^ градомъ а самъ взятъ копїе и ко ^д^ворꙋ С'тратигову приеха она жъ д҃ва начатъ поведа^т^ о^т^ц҃ꙋ своемꙋ еже еи повеле [1]) Девгенїи и рече С'трати^г^ тꙋ дꙋмꙋ дꙋмали мнози храбри и не ^в^быт ся и то слово и^з^рече Стратигъ а славны Девгенїи приспе и ꙋ̑слышавъ дв҃ца громъ ѳара и гла͠с златыхъ звонцовъ и скочи бо^р^зо пре^х^ сени где еи Девгенїи повеле а̑ Девгенїи ꙋ̑даривъ во врата копиемъ и врата ра͠спадошась и вьехавъ на дворъ и начатъ велегла͠но клика^т^ (11[2]) Стратига вонъ зовы и с͠ныя его с҃ны дабы видели сес'тры своя ѿхищенїе слꙋги^ж^ Стратига зовяхꙋ и поведа емꙋ каковꙋ Девгенїи де^р^зость показа на ^д^воре стоя бе^з^ боязни Стратига вонъ зовы и слы(ша)въ [2]) Стратигъ Девгенїя и̑ не ятъ веры г҃ля сице зде в мои дворъ птица [3]) не ^с^меетъ влететь ниже ч҃лвкꙋ внити и поиде вонъ и^з^ храма [4]) Девгени^ж^ стоя три часы ѡ̑жидаяи его и не бысть емꙋ никако͠ о^т^ветъ а иии пре^д^стоящи не ^с^меяху [5]) ничто^ж^ глаголати и повеле Девгенїи дв҃це преклонитися к себѣ и яко ѡ̑релъ исхити прекраснꙋю Стратиговнꙋ и посадї ю на гриве ꙋ̑ бо^р^заго своего ѳара и рече Стратигꙋ выедя и о^т^имя д'щерь свою прекра͠снꙋю ꙋ̑ Девгенїя да не мо͠виши тако что пришедъ та^т^бою ꙋ̑краде и то слово и^з^рекъ и̑ поехавъ з' двора сла^д^кꙋю пѣснь пояхꙋ и б҃га хваля и тꙋ песнь скончa и̑ пр..^х^ градъ выеде к милостивникомъ своимъ и посади дв҃цꙋ на коне иноходомъ и̑ поиде к' шатромъ своимъ и шедъ на гору бо^р^зе ест ли по немъ погоня и̑ рече дв҃це велика есмъ срама добылъ (12) аще не бꙋдетъ по мнѣ погони во^з^врати͠ и поносъ имъ сотворити с милͦтивники нарядивъ и повеле воемъ с'трещи ѡ̑коло дв҃цы а̑ самъ поеде во градъ ко ^д^ворꙋ Стратиговꙋ и поеха во ^д^воръ Стратиговъ и ꙋ̑дари в сени С'тратиговы копїемъ и сени ра͠спадошася и в'си быша во ꙋ̑жасти во ^д^воре и начатъ велегла͠но кликать вонъ зовы Стратига и рече ѡ̑ Стратиже

1) Ркп.: повелено. 2) Въ рук. опущено взятое въ скобки. 3) Ркп.: птице. 4) Переправлено изъ чего-то; кажется: «града». 5) Ркп.: не͠мея.

прелавпы кою де^р^зость имаши или снове твой иже есмь исхитилъ у тебѣ тщерь и не бысть по мнѣ погони о^т^ тебѣ ни о[1]) сновъ твойхъ и еще во^з^вратися и понос ти великъ сотворихъ да не глешп последи что та^т^бою пришедъ ихити[2]) у мене тщерь аще имееши мѹжескѹю де^р^зостъ у себѣ и кметы твои то о^т^ими у мене тщерь свою и то слово и^з^рече и поеха з двора и во^з^вратись вспять и кликну велегласно азъ едѹ и^з^ града и пождѹ васъ на поле да не мовите что пришедъ и ообостивъ побеже о^т^ насъ услыша Стратигъ и зело вотрепета и нача^т^ кликати сны своя где сѹтъ мои кметы иже а емлютъ а ини (12[2]) и по две и по е и по десяти тысящъ и ныне борзо совокѹпите ихъ и протъчи сйни вой Девгені^ж^ пріде к двце и сади с коня своего и рече двце сяди обыщи мя главѹ мою додеже оцъ твои и братия твоя приидѹтъ с вои своими аще азъ успѹ то не мози бѹдити мя ужаспо на во^з^буди мя тихо и сяде двца начатъ емѹ искати главѹ и Девгенін[3]) усне а двца имея у себѣ стражѹ Стратиг же собра множество вои своихъ и кметы своя и тысящникй и пойде о^т^имати тщеръ свою у Девгенія и выехашася и^з^ града со многими вои своими и узре двца и бысть ужасна и начатъ бѹдити Девгенія тихо со слезами рекѹще такъ востани восия солце и мць просветится Стратигъ бо[4]) уже припе на тя со многими вои своими а ты еще не собра своихъ вой какъ емѹ даешъ надеждѹ твердѹ Девгени жъ востакъ рече не требую азъ члвческия помощи но надеюсь на силѹ бжїю и въскочи и сяде на бо^р^земъ своемъ ѳаре и препепояса мечемъ и рогвицею своею вземъ и начатъ двцы вопрошати (13) хощеши ли о^т^цу своемѹ и братїи живота или вскоре смерти предамъ и начатъ двца прилежно молитись гдне бгомъ зданы силою не предаи о^т^ца моего смерти да греха не имаши и поношенія о^т^ людеи да н(е) глютъ тебѣ что тѣстя убилъ и начатъ ея вопрошати скажи ми о^т^ца своего и братїю каковы[5]) сѹтъ и начатъ емѹ двца глаголати на о^т^це моемъ брони златы и шеломъ златъ з драгимъ каменїемъ и

---

1) Ркп. у. 2) рук. ихати. 3) Ркп. Дивгеній. 4) рук. стратигбъ. 5) вы — между строкъ.

жемчюгомъ саженъ а конь его покрытъ паволокою зеленою а братїя мои сꙋть в' сребряных бропех токмо шеломы на них златы а кони ихъ покрыты паволоками червлеными и то слышавъ Девгенїи поцеловавъ ю и противъ ихъ поеха из̾далече стрети ихъ и яко дюжи соколъ ꙋдари҃ п҃реди ихъ и якоже добры косецъ травꙋ положи первое скочи ꙋби ,з҃ и абие воврати҃ ꙋби ,к҃ третїи ꙋдари҃ и Стратига нагна ꙋдари его ро҃вицею тихо (13^2) сверхъ [1]) шелома и съ коня сверже и начатъ Стратигъ молитись Девгенїю бꙋди тебѣ радоватись с во҃хищеною д҃вцею прекра҃ною моею дщерю подаждь ми животъ и тꙋтъ (?) пꙋсти его Девгенїи а с҃новъ его превяза нагнавъ и приведе ихъ а Стратига не вяза и иныхъ превяза яко па҃тꙋхъ о҃вецъ пред собою погна где д҃вца стояше и ꙋзре д҃вца о҃ца и рече а҃зь о҃че преже ти гла҃ ты же мне не ятъ [2]) веры и повеле Девгенїи своимъ мило҃тивником Стратиговы [3]) вои гнатъ связаны и самаго Стратига и с҃новъ его съ собою поняти и бысть Стратигъ прискорбенъ и начатъ молитися прилежно с' сыны своими г҃люще емꙋ сице яко же еси насъ смерти не предалъ но животъ намъ еси даровалъ тако же насъ и с собою не вози даи намъ свободꙋ и ꙋслы(ша)въ [4]) д҃вца моленїе о҃ца своего и братїи и начатъ сама молитися Девгенїю (14) г҃люще азъ есми дана б҃гомъ в рꙋце твои и по мнѣ паки и над родите҃ми моими имаши вла҃ть ꙋже бо еси многи вои победи҃ а о҃цꙋ моемꙋ и братїи даи свободꙋ и не о҃печали матере моея во҃кормивши тебѣ женꙋ и то изрече д҃вца и по҃лꙋша ея Девгенїи и рече Стратигꙋ азъ старость твою пощажу дам ти свободꙋ и с҃номъ твоимъ токмо знаменїе свое возложꙋ на васъ и рече Страти҃ такꙋю намъ свободꙋ даеши аще знаменїе возложиши д҃вца же и от знаменїя ꙋмоли ихъ ꙋ Девгенїя и бысть на Стратиге кр҃гъ златъ прадеда его многоцененъ а ꙋ с҃новъ его жуковины многоцены з драгимъ каменїемъ и жемчюгомъ и взятъ ꙋ них за знаменїа прочаго ради времене Девгенїи жъ начатъ ихъ на с҃ватьбꙋ к себѣ (звати) [5]) и рече Стратигъ несть подобно на҃ пленикомъ ехать к тебѣ на с҃ватьбꙋ но

---

1) Ркп.: в сверхъ. 2) Ркп.: яхъ. 3) Ркп.: Стратиговъ. 4) Проп.; рук. услывъ. 5) Ркп.: опущено.

молю ти҃ прилежно и чада моя не в'веди на҃ въ срамъ, и ча^д моихъ бꙋдꙋще единой и҆ тщери ꙋ҆ матери яко пленицꙋ хощеши вести и во^з врати҃ въ домъ (свой) [1]) мой и радость ти велїю сотворю и сва^д дбꙋ преславнꙋю дары прїимеши с великою честїю (14[2]) во^з вратишись ꙋ҆слышавъ же Девгенїи мо҃бы [2]) Стратиговы во^з вратись в домъ свой Стратиго҃ с' своею о҃брꙋченицею и три м҃ца сва^д бꙋ деяша и со^т вориша радость велїю и приятъ дары многи Девгенїи и все именїе еже было не весть чего приятъ и ко^р милица и слꙋги и с великою ч҃тїю поеха во своясы егда же прїиде во ^с вою [3]) вла҃ть и по҃ла милостивники своя с великою ч҃тию с в҃тию ко ѿцꙋ своемꙋ и матери повеле пр҃итроить пр҃елавнꙋю сва^д бꙋ и рече ко ѿцꙋ своемꙋ ты о^т че прежьде [4]) силенъ про҃былъ еси силою и славою а҆ нынѣ а҆зъ б҃жїею помощию и твоимъ благословенїемъ и҆ матернею молитвою что есмь здꙋмалъ то ми и ^з быстся и несть мнѣ противника то҃ко быстъ Страти^г во всехъ храбрыхъ силенъ быстъ но б҃жїею силою при мн҃ѣ не ꙋ҆спе ничтоже и҆ во҃хитихъ бо ꙋ҆ него тщерь а нынѣ о^т че выеди с великою ч҃тию противо менѣ на ^с третенїе Стратиговны и прише^д пре^д статели о^т цꙋ его поведаша повеленая Девгенїемъ и слышавъ о^т ц҃ь и мати его радости напо҃лнишась [5]) (15) и начаша сва^д бꙋ готовить и со^з ваша весь градъ и поидоша противꙋ Девгенїя и Стратиговны и стретиша и҆хъ за п҃ поприщъ о^т града с великою ч҃тїю и падоша ницъ вси пре^д Девгенїемъ г҃люще емꙋ тако о҆ великое чюдо со^т воримое тобою млад҃ы юношемъ о҆ де^р зость благодатьная Стратига победи и тщерь его и҆хити и рече имъ Девгенїи не а҆зъ победихъ Стратиговꙋ силꙋ но б҃жїею силою побежденъ быстъ и Амиратъ въ бо^р зе шꙋ^р ю свою со^з ва и к' Стратигу по҃ла на ^с ва^д бꙋ (звати) [6]) г҃ла емꙋ не ленивъ бꙋди сватꙋ к намъ по^т рꙋдитися да кꙋпно ѡбрадꙋемся и видимся и҆ чада наши о҆брадꙋются понеже ихъ б҃гъ совокꙋпи бе^з нашего повеленїя и слышавъ то Стратигъ радостенъ быстъ и вборзе скопивъ весь родъ

---

1) Зачеркнуто. 2) Надъ строкой инымъ почеркомъ: слышав милосерды (sic) мои. 3) Ркп.: во҃воясь. 4) Конецъ строки. 5) Внизу строки инымъ почеркомъ: с восхищеною. 6) Ркп.: опущено.

свои и многоценое именїе еже дарити зятя милово совокꙋпив же женꙋ и дети своя пола[1]) ко Амирату сватꙋ своемꙋ и слышавъ Амиратъ црь Стратига к себѣ грядꙋща и с великою честию и з Девгенїемъ противъ его выехаша и совокупишася с нимъ на единомъ мѣстѣ и начаша ся дарити и по г мцы преславнꙋю свадбꙋ твориша (15[2]) и дасть Стратигъ зятю свемꙋ л ѳаревъ а покрыты драгими поволоками а села злато кованы и дать ему к конюховъ пардꙋсовъ и соколовъ л с кормилицы своими и дастъ смꙋ к кожꙋховъ сꙋхимъ златомъ шиты и поволокъ великих р да шатеръ великъ единъ весь[2]) златомъ вмещахꙋсь в немъ многия тысящи вои а ужища у шатра того шелковы а коца сребряные и дать смꙋ икону златꙋ стыи Ѳеодоръ да д копїя аравитцкихъ[3]) да мечь прадеда своего а теща дать л драгих поволокъ зеленых к кожухов шиты сꙋхимъ златомъ з драгимъ камениемъ и жемчюгомъ иныя дары многи дасть емꙋ первы шуринъ дать ему п поясовъ златокованых иныя шꙋря даша ему многия дары имже неть чила испоиниша г мцъ радꙋюще свадбе и приятъ Стратигъ велїю честь и жена его и снове его и Амиратъ црь а Девгенїи поеде с нимъ провоженїя ради и зря нань Стратигъ радовашесь и снове его славꙋ бгꙋ воздаяхꙋ иже сподоби имъ бгъ таковаго зятя и возвратися Девгенїи во воясы и проводи[4]) (16) Стратига и подастъ пленикомъ свободꙋ а самомꙋ Ѳилипапе стрыю возложи пятно на лице и отпꙋсти его во воясы[5]) а Маѯиме подасть свободꙋ своими предсгатели а самъ начатъ жити и ловы деяти зане бяше охочь единь храбровать ѿ великое чюдо братие кто семꙋ не дивиться си есть не от простыхъ людеи ни от Амира создапъ но посланъ есть от гда всемъ храбрымъ хритияномъ показась слава его и явись во всеи земли славенъ бгъ въ мире о[6]) Хртѣ Исѣ гдѣ нашемъ емꙋже слава со отцем и стымъ (хр)[7]) дхомъ ныне и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

---

1) Ркп.: послахъ. 2) Вписано между строкъ. 3) Ркп.: аравитцихъ.
4) Ркп.: проводих. 5) Ркп.: звоясы. 6) Ркп.: т. 7) Зачеркнуто.

Сказание како победи Девгеній Василія цр҃я.

Некто бысть цр҃ь именемъ Василиї и слышавъ о҃ деʳзости и о҃ храбрости Девгениеве бысть яро҃тенъ зело и желание имея велие како бы его добыти зане бо Василіи цр҃ь всю страну Ка҃падокеискꙋю стереглъ и услышавъ Девген[и]їевꙋ деʳзость яро҃тенъ бы҃ть боʳзе нарядивъ послы[1]) своя посла грамотꙋ написавъ с ласканиемъ прелестью (16[a]) сице гл҃а емꙋ Девгеніи славны велие желание има҃ видети҃ с тобою а ныне не ленись продитись к моемꙋ цр҃твꙋ зане деʳзость и храбрость твоя про҃лыла по всеи вселенеи и любовь вниде в мя велия видети хощꙋ юность твою и принесоша оᵗ цр҃я Девгенїю[2]) грамоту и прочетъ Девгенїи и разꙋме яко прелесно бысть писанїе к немꙋ и гл҃а Девгени к немꙋ а҃зъ есмь оᵗ просты˟ людеи не имать цр҃ьство твое до мене николи᷀ вины но аще хощешъ видети҃ со мною поими с' собою мало вои и҃ приди на рекꙋ Еѳра҃тъ црви жь своемꙋ рцыте что какъ у҃дꙋмалъ еси хꙋдобꙋ мою видетй немного᷀ поими воинъ с' собою да не раˢгневаеши мене зане юность чл҃вческая на много безꙋмие приводитъ аще азъ раˢгневаюсь сокрꙋшꙋ вои твой а҃ самъ не воˢвратишись и приеха посо҃ (не воˢвратишись)[3]) гл҃аголаше цр҃ю вся рекомая Девгениемъ и у҃слыша яростенъ бысть вборзе (я)[4]) нарядивъ и по҃ла к' Девгенїю гл҃а емꙋ чадо не имамъ понять вой много вои с' собою то҃ко имамъ юность твою видети цр҃ьство мое и҃ного помышленїя не имамъ на срˣцы пришедъ посолъ цр҃евъ гл҃а Девгенїю реченая цр҃емъ и оᵗвеща Девгенїи рцы цр҃ю своемꙋ такъ а҃зъ не боюсь (17) цр҃тва твоего ни многи˟ твоихъ вои зане у҃пование имеяи на бг҃а не боюсь твоего помысла но гл҃ю ти приїди на рекꙋ гл҃емꙋю Еѳра҃тъ и тамъ видишись со мною или со многимъ вой приїдешй да но обрадꙋешися цр҃твꙋ своемꙋ а войства твоя вся сокрꙋшаᵗся и҃ пришедъ посолъ к Василию цр҃ю сказа

---

1) Ркп.: посы.
2) Ркп.: Девгею.
3) Зачеркнуто.
4) Замазано писцомъ.

см҃ вся реченая Девгениемъ и слыша цр҃ь вборзе повеле собрати вои своя и совок҃пися поиде на место где Девгении рече и̑ приеха ко Еѳрат҃ реке и постави ша^тры своя далече ѿ реки а црвъ шатеръ вѣми великъ бысть че^рвленъ а ве^рхъ его шитъ с҃химъ златомъ а вн҃три ша^тра многи̑ тысящи вмещах҃съ вои а вся воиства сохранена бысть ѡ̑ви въ шатрехъ а ини в сокровеномъ месте и пребысть цр҃ь на реке ҃ѕ дней и рече воеводамъ своимъ нечто Девгенїи у̑ведалъ и у̑д҃малъ на^д нами либо хощетъ со многими вои бытъ то слово и̑^зрече Василїи цр҃ь у̑жасе пѡла Девгенїи своего пре^дстателя црви глаголя дивлюся како потр҃дися цр҃ь твой (17^а) к моеи х҃дости но ѡ̑бычеи ти рекохъ а̑ще хощеши видетись со мною то прїиди с малыми вои а̑ се собралъ много вой хотя меня поведать в томъ есмь срамъ а̑ мне множество покоренїе дать зане и̑детъ слава моя по всеи земли и̑ по странамъ а̑ ныне какъ намы̑лилъ еси такъ и сотвори рече же Васили цр҃ь да кою де^рзость и̑маши аще против҃ моего цртв҃ не дась ми покоренїя и нарядивъ пѡла своего и пѡсла за рек҃ а Девгенїева приятъ и̑ пришедъ црвъ посолъ гла Девгенїю вся повеленая цремъ и о^твеща Девгенїи гли своем҃ аще ты надеешися на свою велик҃ю сил҃ а̑зъ же имамъ у̑praванїе на создавшаго бга не имать у̑подобитись сила твоя противъ бж҃їи силы а у̑же время премин҃ло[1]) а зау̑тра рано и̑ополчеваись и въстани со своею силою воликою да у̑^зришп х҃даго мужа де^рзость како пре^д тобою вѡходи^т занеже ми есть срамъ в неипо̑ненїихъ м҃жъ сл҃житъ и пришедъ Василїевъ посолъ о^т Девгенїя глы поведа (18) црю цр҃ь же вбо^рзе со^зва бояры своя начатъ д҃мати о^твѣщаша[2]) ем҃ многоимцы во что вменяется цртво твое црю а̑ще тебѣ единаго м҃жа у̑жан҃тись не видимъ с нимъ вои ничтоже и Девгенїевъ посолъ скочивъ у̑ нихъ за рек҃ и поведа Девгенїю вся бывшая у̑ цря и̑ зау̑тра рано и̑по̑чи̑са цр҃ь Василии и д҃маше чрезъ рек҃ ехати хотяще яко заица в тяняте яти Девгенїя у̑видевъ Девгенїи и множество

1) Ркп.: преминоло.
2) Ркп.: о^тващаша.

вои испочено у цря Василїя и разуме яко хотя приеха[т] чрезъ реку и боити его и Девгенїи яроти исполнись и рече своим пре[д]стателемъ прїидите по мне мало поме[д]ливше азь же пре[ж]де васъ потру[ж]даюся и полужу црю и то слово и[з]рекъ и по[д]пресся копиемъ и скочи чрезъ реку яко дюжи соколъ велегласно кликнувъ где есть Василїи црь иже имѣя желание видетись со мною и то слово и[з]рекъ и воины к нему ударишась и онъ копїе вотъкнувъ и вынявъ мечь противо вои и поскочи яко добры жнецъ траву сечетъ пе[р]во скочи ,а их победи и во[з]вратись в спять и поскочи (18[2]) ,а победи црь же Василїи видевъ де[р]зость Девгенїеву вскоре поемъ с собою мало вои и вобеже а про[т]чихъ вои Девгенїи поб[и] 1) а иныя связа и кликну за реку предъстателемъ своимъ прїведите ми бо[р]зы мои ѳаръ рекомы ветръ они же примчаша ему ѳаръ и вседъ нань борзо погна Василїя нагна блиско града его а что было с нимъ вой всехъ победи а цря самого четве[р]та взятъ и среде единаго пола о[т] нихъ во градъ с вѣтью гли гражьданомъ выдите противъ Девгенїя днесь подаи ми бгъ црьствовати в вашеи области они[ж] слышавъ его вси совокупишась изыдоша пре[д] градъ битися чающе яко с простымъ члвкомъ битись он же пола гля пожалуите оружїя и не ра[з]гневаите мене они[м] о[т]вещавъ ему не имаши противенъ быти всему граду ты единъ и слышавъ то Девгенїй ра[з]гневась и поскочи на нихъ овыхъ и[з]би а иныхъ превяза и дастъ пре[д]стателемъ своимъ и вниде во градъ и начатъ ца[р]ствовати а плены[х] 2) (19) свободи по мале времени по писанїю яко несть рабъ боле гдна своего ни снъ болше оца своего а еще ми пребысть кі летъ в животѣ и ныне хощу опочинути 3) многи победы и брани во юности своеи и со[т]ворихъ та вся и[з]глаголавъ о[т]цу своему посадивъ на престоле црскомъ а при[з]ва плѣныя своя давъ имъ свободу у на Канама со Иаакимомъ возложи имъ знамение на лице ихъ и отпусти ихъ в родъ свои и родъ свой при[з]ва и сотвори радость

1) Было: победи.
2) Въ ркп.: дважды.
3) Ркп.: опочинити.

велїю и по многи дн҃и пребысть. Бг҃ꙋ нашемꙋ слава ныне и҆ присно и во веки вѣковъ. Аминь.

V.

Рукопись Гос. Публ. Библ. № 1773 (М. П. Погодина)[1]).

Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія.

Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя ко спасенію — отъ церкви николи же отхождаше, — и бысть у нея три сыны велелѣпны и велеозарны, молитвою же матери своея дѣюще храбрость о дѣлехъ своихъ. У той же вдовы бысть дщерь велелѣпна и велеозарна красотою лица своего, и услыша о красотѣ (ея)[2]) дѣвицы тоя Амиръ царь Аравитскіе земли и собра войска своего множество много и поиде пакости творити (въ) греческой землѣ, для ради красоты дѣвицы тоя. И пріиде въ домъ вдовы тоя и восхитивъ прекрасную дѣвицу Амиръ царь мудростію своею и невидимъ бысть никимъ же въ греческой землѣ, но токмо видѣ единая жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви божіи, а сынове во иной странѣ на ловлѣ. И пріиде же вдова та отъ церкви божіи, и не обрѣте прекрасной своей дщери, и нача вопрошати въ дому своемъ рабовъ своихъ и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: «не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной» — токмо едина жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдовѣ: «пріиде, госпожа, аравитцкіе земли Амиръ царь, и исхитивъ дщерь твою, а нашу госпожу, мудростію своею, и невидимъ бысть въ земли нашей». И слышавъ же то вдова отъ рабы своея и

1) Лл. 342—361. Печатается по изданію А. Н. Пыпина (Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, Спб. 1858, стр. 316—332). Мелочи написанія (но не чтенія) не сохраняются, титла раскрыты, правописаніе нормировано, текстъ вновь провѣренъ по рукописи преподавателемъ Петроградскаго Университета В. В. Виноградовымъ, которому приношу сердечную благодарность за трудъ.

2) Лишнее.

нача терзати власы главы своея и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: «увы мнѣ, окаянной вдовицѣ, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою». — По малѣ же времяни пріидоша въ домъ чада ся и видѣвше плачь матери своея, и начаша вопрошати матери своея; «скажи намъ[1]), мати наша, кто тя обидилъ, царь ли или князь града сего? токмо насъ не будетъ въ животѣ, то же ты обидима будешь». Рече жь имъ мати ихъ: «чада моя милая, никимъ же не обижена града сего, развѣе имѣли есте у себя вы едину сестру, и та нынѣ исхищена руками Амира царя аравитцкіе земли; и урва ми сердечное кореніе и унзе мя яко бездушную трость, а нынѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моея: идите вы, угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя положьте[2]) за сестрицу свою, и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть». И рекоша же сынове ея: «мати наша милая, не скорби ты о томъ, дай намъ благословеніе свое и молитву; вскорѣ скрыемъ путь свой». — И препоясаша на себя оружія своя и всѣдоша на кони своя, и поѣхаша, яко златокрылатые ястребы, кони же подъ ними яко летаху. И доѣхаша сумежья срацынскія земли и срѣтоша нѣкоего срацынина, стражи бдуща, и начаша братаничи вопрошати его: «повѣждь намъ, брате[3]), колко до жилища вашего Амира царя?» Срацыненинъ же изовлече мечь свой и течаше на нихъ дерзостно, а чающе яко беглецы суть, а не вѣдая ихъ дерзости. Скочивъ же ихъ меньшей братъ и ухвативъ же срацынина за горло, и примча его ко братіи своей и хотяше его убити; рѣче же болшый братъ: «братія моя милая, чѣмъ намъ о срацыненина мечь свой осквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя, той бо есть намъ виненъ.» А сего срацыненина привезаша на горѣ у древа, а сами поѣхаша

---

1) Рук. дважды.
2) Ркп. полоте.
3) Ркп. братие.

путемъ тѣмъ, и срѣтоша иныхъ многихъ стражей Амира царя; отъ великія рекомыя рѣки Багряницы; бяше же ихъ числомъ 3000. Видѣша же братія великую стражу Амира царя, и рече жь имъ болшый братъ: «братія моя милая; во единомъ ли мѣстѣ намъ ѣхать на стражу Амира царя?» И рече середній братъ: «братія моя милая, то есть стража великая Амира царя, и мы раздѣлимъся на трое.» Болшый братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшый полкъ, а меншый съ лѣвую руку, и поскочиша на амировыхъ стражей, и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити, — овіихъ изсѣкоша, а овіихъ связаша и приведоша на гору высоку, и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побиша, токмо тремъ мужемъ животъ даша провожденія ради ко Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: «повѣждьте намъ, срацыпяне, во градѣ ли вашъ Амиръ царь пребываетъ или внѣ града?» Отвѣшавъ же имъ срацыняне: «господіе[1]) три братіе, Амиръ царь нашъ внѣ града пребываетъ, за семь поприщъ отъ града, и подъ тѣмъ градомъ многіе шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многія вмѣщаются тысячи сильныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто напустить.» И рекоша же братаничи: «братія срацыняне, аще ли бы мы не боялися Бога, давно бы васъ смерти предали; но вопрошаемъ васъ: повѣждьте намъ, каковъ шатеръ Амира царя вашего?» Рекоша же имъ срацыня: «Амира царя шатеръ черленъ, а по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчюгомъ укаченъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатеръ синь, а по подолу зеленъ, а по шатру также златомъ и сребромъ украшенъ, а иные[2]) многіе шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія кмети, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1000 и по 2000, силніи и храбріи суть: единъ на сто человѣкъ наѣдетъ.» Братаничи[3]) же отпустиша тѣхъ срацынъ трехъ ко Амиру царю

1) Ркп. гдине.
2) Ркп. нынѣ.
3) Ркп. Братничь.

своему словомъ вѣсть....[1]) да не рекъ бы онъ такъ Амиръ царь, что мы пріидоша къ нему татемъ. И рече срацыняномъ братаничи: «поидите вы во свояси.» Срацыняне жь ради бысть отпущенію ихъ, сказаша царю своему; слышавъ же то Амиръ царь и ужастенъ бысть, и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: «братія моя, силніи кмети, видѣхъ я ночесь сонъ, яко ястребы три біюше мя крилы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ; занеже братаничи сіи придутъ, а начнутъ прю творити.» Въ то жь время пріѣхаша братаничи къ шатру Амира и начаша кликати Амира царя: «царю, поиди вонъ изъ шатра, повѣждь намъ, Амиръ царь, что еси не умѣешь на пути стражей ставити; мы жь къ шатру твоему пріѣхаша безо всякія оборони, а нынѣ повѣждь намъ . . . уязви . . .[1]) пришедъ и исхитилъ еси сестру нашу татьбою; аще бы мы втѣпоры были дома, то не могъ бы[2]) ты убѣжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работѣ была. А нынѣ повѣждь намъ гдѣ сестрица наша?» Отвѣщавъ же Амиръ царь: «братія моя милая, видите гору оную велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея.» И рекоша же царю братаничи: «зло ти отъ насъ будетъ!» И поидоша они на тое гору искати сестры своея, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены, и начаша сестры своея тѣла искати, и обрѣтше едину дѣвицу прекрасну зѣло, и начаша по ней слезы испущати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меншый братъ: «братіе! нѣсть сестры нашей, то есть не наша.» И сѣдше братаничи на кони своя, и вопіяше пѣснь ангелскую велегласно ко Господу: «Благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руцѣ мои на ополченіе и на брань». И рече они между собою: «попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ея родили, днемъ ся мы и

---

1) Ркп. пропускъ.
2) Ркп. не немогъ.

скончаемъ[1]) по повелѣнію матери своея и главы своя положимъ за сестрицу свою». И прискочиша къ шатру Амира царя, и шатеръ его на копья своя подняша. И рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, отъѣдите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы межь собою жребій, кому отъ васъ со мною выиметца жребій битись; аще мя преодолѣете, то и сестру свою возмете; аще азъ васъ преодолѣю, и мнѣ годно васъ всѣхъ посѣщы.» Братаничи жь отъѣхаша отъ шатра его и начаша метати жребія, и вергоша жребія впервыя, и выняся жребій меншему брату на брань ѣхать. Братія жь въвергоша въ другой рядъ жребія, што не меншему ѣхать битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть; и въ другой рядъ выняся жребій меншему жь брату битися; они же вергоша жребій и въ третей рядъ: выняся меншему жь брату на брань ѣхать битися со царемъ Амиромъ, занежь они съ сестрою изъ единыя матерни утробы вмѣстѣ шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братаничи меншово брата крутить; а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно. Братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу». И сѣдшы жь они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амиромъ царемъ, и начаша ся сѣщы саблями и ударишася межь собою копьями. Видѣша жь то срацыняне и многія кмети дерзость меншого брата и рекоша Амиру царю своему: «великій господине, Амире царю, отдай имъ сестру ихъ и пріими миръ отъ нихъ, се бо единъ меншый братъ ихъ крѣпость твою побѣждаетъ; аще совокупятца вси три во едино мѣсто, то вся земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ.» Меншый ихъ братъ заѣде созади Амира царя и удари его межь плечь и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и примча его ко братіи своей. И рекоша[2]) вси срацы-

---

1) Ркп. скончаемъся.

2) Далѣе лишнее: имъ, въ ркп..

няне велегласно Амиру царю: «отдай, Амире царю, сестру ихъ имъ, да тя не погубятъ до остатку». Рече имъ Амиръ царь: «помилуйте мя, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любве ради дѣвицы тоя, да буду язъ вамъ зять». Рекоша же братаничи: «брате, Амире царю, власть имамъ посѣщы тя и власть имамъ пустити тя, — какъ намъ за холопа выдать сестру свою, а нынѣ повѣждъ намъ, гдѣ сестра наша?» Рече же имъ Амиръ царь слезно: «братія, видите оно въ полѣ прекрасно: тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша; а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ». Слышавъ же то братія радостьни быша и поскочиша[1]) къ шатру ея и прискочиша; стражіе же не рекоша имъ ничегожь, а чающе, яко приходцы суть, а не чающе, яко братія ея. И пріидоша же братія къ шатру, и внидоша въ шатеръ къ сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на зла(тѣ)[2]) стулѣ сѣдящу и лице ея покровенно драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: «повѣждь намъ, сестрица, дерзость Аиира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единымъ словомъ, то отымемъ же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, оскверпивъ крестьянскую дѣву». Въ то жь время Амиръ царь собра триста верблюдъ и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго и далъ братаничамъ въ даровяхъ, любви ради дѣвицы тоя, и рече[3]) Амиръ царь ко братаничемъ: «помилуйте мя, братія моя, отвергусь я вѣры своея и днесь крещуся во святое крещеніе, да буду вамъ зять». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «повѣждь намъ, сестрица наша, аще со Амиромъ царемъ сраму добыла еси, то мы отъимемъ главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да не будеть похвалятись, оскверпивъ крестьянскую дѣву». Рече же дѣвица ко братіи: «никакоже, братія, не имѣйте

1) Далѣе лишнее: стражіе, въ ркп.
2) Ркп. опущено: тѣ.
3) Далѣе въ ркп.: имъ — лишнее.

никакова о мнѣ во умѣ своемъ, — коли я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть полоненица; занеже и азъ повѣдала Амиру царю дерзость вашу, и Амиръ царь всегда ко мнѣ пріѣжьжаше единою мѣсяцомъ и издалеча на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрывати, а въ шатеръ никтоже николиже вхождаше; а нынѣ, братія моя милая, хощу къ вамъ глаголати, да прежь хощу васъ заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вамъ заповѣди моея,—аще толко отверщетца Амиръ царь правдою вѣры своея, и днесь креститьца во святое крещеніе и иного вамъ зятя[1]) таковаго не обрѣсти, занеже славою славенъ и силою силенъ и мудростію мудръ и богатествомъ богатъ». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «совокупитъ васъ матерня молитва со Амиромъ царемъ», и рекоша братаничи Амиру царю: «аще хощешы быти намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганыя, любве ради сестры нашея; днесь крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ Греческую землю, по любимой своея дѣвицы». И рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, недамся азъ вамъ; не суть Греченя, яко полонивъ зятя въ домъ свой ведутъ; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честію, хощу прежь ѣхать и изобрать верблюды со всей земли и наполнити на нихъ богатества, и хощу избрати силные кмети, а хто хощетъ со мною итить во святое крещеніе; и пріиду къ вамъ въ Греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ, а вы коней вашихъ не томите, подожьдите мя на дорогѣ». Братія жь вземше сестру свою и поѣхаша путемъ своимъ, а Амирскій царь пріѣхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прелестію глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: «мати моя милая, что ходихъ въ Греческую землю и полонихъ себѣ любимую дѣвицу, и пріидоша во слѣдъ ко мнѣ братія ея и начаша со мною битись, и единъ отъ нихъ, меншы

---

1) Ркп. запятя.

братъ, крѣпость мою побѣдилъ; аще бы совокупились всѣ три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была». Рече же мати ко Амиру царю, сыну своему, гнѣвно и власы главы своея нача терзати и лице свое и рече ему: «на што нарекаешься царемъ и силный кметь у себя имѣешы, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, и ты иди нынѣ и совокупи воиска своего, и иди въ Греческую землю и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ». Амиръ же, рече къ матери своей прелестію: «мати моя, азъ хощу то жь сотворить, собрати воя своя много и идти накости творить въ Греческую землю». И рече братъ Амиру царю: «поидемъ, брате, вскоре, собравъ войско свое, да не допустимъ братію съ любимою дѣвицею во градъ». И рече Амиръ царь ко брату своему: «сяди ты, брате, на престолѣ моемъ, а язъ единъ хощу ѣхати пакости творити въ Греческой землѣ». Въ то жь время Амиръ царь посади брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатества и верблюды со всей (земли)[1]) и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго и каменія драгаго многоцѣнного. Видѣвъ же то срацыняне, яко на рать не ходятъ тако, а не глаголаше ему ничего. Доиде же Амиръ царь до сумежія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ[2]): «братія моя милая, силніи и храбріи Аравитяне! хто хощетъ со мною дерзость творить, той поди со мною въ Греческую землю пакости творити». И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устѣхъ имѣя у себя дванадесять замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю: «великій государь, Амире царю, пріидоша[3]) отъ Греческія земли въ нашу Срацынскую землю три юноши, и единъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди[4]); аще бы всѣ были три совокупилися во едино мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итить въ Греческую землю, то они насъ и

---

1) Въ ркп. опущено.
2) Ркп. Аравитямъ.
3) Ркп. пріидо.
4) Ркп. побѣди.

до остатку всѣхъ погубятъ». Амиръ же царь, отпустивъ богатество, наполненныя казны верблюды впередъ въ Греческую землю, и взявъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю. Братаничи же не доидоша Греческаго града за пятьдесятъ (верстъ)[1]) поприщь и сташа на полѣ; сестра же начатъ имъ молитися: «братія моя милая, не введите мя въ срамъ великій отъ человѣкъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ исхищена была рукама Амира царя; подождите зятя своего нареченного Амира царя». По малѣ же времяни пріидоша къ нимъ Амиръ царь со всѣмъ войскомъ[2]), богатествомъ и съ верблюды, наполненныя златомъ и сребромъ, и рече Амиръ царь: «слава Богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти». И рекоша братія ко Амиру царю: «рабе Христове, буди ты намъ зять». Два же брата, болшый и середней, съ сестрою своею поѣхаша во градъ нощію, народа ради, и внидоша въ домъ матери своея, и видѣвъ матерь два сына и дшерь свою и рече имъ слезно: «сестрицы вы своея[3]) добыли, а братца изгубили есте». И рече ей сынове ея: «радуйся, мати, и веселися, братъ нашъ меншый пребываетъ съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ, а нынѣ ты, мати, доспѣвай бракъ великъ, занежь есми добыли зятя — славою славенъ и силою силенъ и богатествомъ богатъ, а нынѣ намъ ево ввести во святое крещеніе». И вземше патріарха града того со всѣмъ соборомъ и пріидоша на Ефрантъ рѣку и сотвориша купель, и выидоша изъ града (вонъ) множество народа. Видѣвше же (то)[4]) братаничи истомна Амира царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амира царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестиша его самъ патріархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своея и сотвориша бракъ великъ, преславенъ зѣло, и сотвориша свадбу по 3 мѣсяцы; и потомъ Амиръ царь сотвори себѣ

---

1) Лишнее въ ркп.
2) войскомъ — опущ. въ ркп.
3) Ркп. свою.
4) Лишнее въ ркп.

особый дворъ и полаты [1]) и жити нача съ своею любимою дѣвицею. По томъ же времяни услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся вѣры своея, любве ради дѣвицы тоя, и нача терзати власы главы своея и собра воиска своего много (же) множество и рече имъ: «кто имѣетъ дерзость внити въ Греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его изъ Греческія земли съ любимою дѣвицею его?» И рекоша жь ей три срацыняне: «мы госпоже, идемъ въ Греческую землю и отнесемъ.... какъ [2]) книги ко господину своему, Амиру царю». И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь, рекомый Вѣтреница, вторый Громъ, третіи Молнія: «аще внидете [3]) въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и изведите его изъ Греческія земли, и сядете на Вѣтреницу, и вы невидими будете никимъ же; аще внидите въ Срачинскую землею съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его любимою, и сядите вы на Громъ-конь, и тогда услышатъ вси Аравитяне [4]) Срацынскіе земли; аще сядете на Молнію, и невидими будете въ Греческой землѣ». Срацыняне же взяша три коня и книги ко Амиру царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и пріѣхаша подъ градъ Греческій, и сташа внѣ [5]) града въ сокровенномъ мѣстѣ, и всѣдоша на Молнію, и невидимъ бысть въ Греческой землѣ. Тоя же нощы царица Амира царя, прекрасная царица дѣвица, видѣша сонъ и ужасна бысть суть и повѣдаша братіямъ своимъ: «братія моя милая, видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатыи соколъ и ятъ мя за руку и изнесе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти». Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисеи, и повѣдаша сонъ сестры своея, и волхвы же рекоша братіямъ: «госпожу нашу, прекрасную

---

1) и полаты — въ ркп. дважды.
2) Ркп. — испорченное мѣсто.
3) Ркп. внидетъ.
4) Ркп. аравитіи.
5) Ркп. в неи.

дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хощеть исхитить изъ полаты и бѣжати въ Срацынскую землю и съ любимою сестрицею вашею; а три врана, то суть три срацыненина — стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери зъ грамотами.» Братія жь пришедъ ко Амиру царю и начаша его вопрошати и обличать; онъ же кленяся живымъ Богомъ, и вземъ же они Амира царя и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжниками [1]) и фарисеями, и обрѣтоша за градомъ три срацынянина [2]), и они жь изымаша ихъ и начаша вопрошати. И они же имъ сказаша всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестиша ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амира царя, а кони ихъ вземъ Амиръ царь и роздалъ братаничемъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девгеніевѣ, и потомъ царица Амира царя прія плодъ во утробѣ своей, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и ъвергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекрасныи Девгенеи, а крестиша его самъ патріархъ, а мати крестная царица града того, — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспиташе Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первоенадесять лѣто и на второе начаша копьемъ играти, а на третьеенадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его вельми великіи яко чашы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ человѣческій не можетъ смыслить, а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человѣчь исхитится. На четвертое же лѣто на 10 [3]) ѣздиша прекрасный

1) Ркп. книжницами.
2) Ркп. срацынянень.
3) Ркп. ошибкой: лѣто на 14.

Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: «чадо рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити», — и повѣлѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощетъ звѣриную дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмѣявся и рече: «отче, не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ далные пустыя лѣса». Отецъ же поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря, и видѣ прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзѣе[1]) борзаго фарыжа, и догнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его положа на руку, и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща. Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, розодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людіе и удивишася зѣло; людіе же многи ту стояху и дивляхуся. По малѣ же времяни видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь, разъемше челюсти своя и хотяше проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго — на тя бѣжитъ и хощетъ тя поглотить; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему». И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечь свой и скочи къ нему на встрѣчю, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и пріѣхавъ къ сыну своему и цѣлова его во уста и во очію, како дарова ему Богъ таковаго отрока и подасть силу надо всѣми храбрыми и силными, и рече отецъ сыну своему: «о свѣтозарное

---

1) Ркп. борзые...

солнце, преславный Девгеній, отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая порты на тебѣ[1]) изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного — есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріитьти, понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся[2]), и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ и нозѣ». И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чюдеси, и пріидоша ко источнику, и нача отецъ сыну своему лице омывати и руцѣ и нозѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеней: «отче, руцѣ мои моешь, а еще имъ калнымъ быть.» По томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя, яко человѣчи[3]), и видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечь свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людіе и дивишася чюдеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброгласныи начаша прегудать, и пріѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего, и любезно цѣлова его. И съ тое поры прекрасный Девгеней нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ.

Посланіе Филипъпапы и отъ[4]) дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

Слышавъ же то Филипъпапа и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипъпапа же храбръ

---

1) Ркп. тебя.
2) Ркп. творяща.
3) Ркп. человѣчь.
4) Ркп. ѡ.

и силенъ добрѣ и много у себя войска имѣетъ; також и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣетъ, и войско ихъ силно и храбро добрѣ, яко Македоняне. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Ефрантѣ, и послаша Максимьяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишетъ: «о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и силныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенные листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, пріиди къ намъ не во мнозѣ [1]) силѣ на Ефрантъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никакова жь». И прочетъ же тое грамоту преславный Девгеній и посмѣявся и рече отцу своему: «отче, хощу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипъпапу и Максимьяну дѣву». Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: «чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ силную рать ѣхать; еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратного дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипъпапа въ ратехъ храбръ и силенъ, также и Максимьяна, дщерь его, мужскую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло». Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишетъ: «срамъ ми есть великъ въ томъ—противо дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипъпапа, во мнозе силе пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ». Прочетъ же грамоту Максимьяна дѣвица и рече Греку мужу: «никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣй помысла во умѣ своемъ никакова, занеже пріѣхали мы юности твоей видѣти». Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣть храбрость Филипъпапы, и поятъ съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь

---

1) Ркп. далѣе зачеркнуто: времяни.

свой и рече отцу своему: «отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никако же отъ руки человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божію и на вашу молитву». И поѣде въ путь свой и пріѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на брегу и посла Грековъ своихъ къ Филипъпапѣ и къ Максимьянѣ дѣвицѣ. И видѣвъ же то Филипъпапа Девгеніевыхъ людей немъного, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копье свое и попре въ рѣку концемъ и перескочи чрезъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ веліимъ, велегласно: «дайте мой борзый конь, рекомый Фаръ», и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву коситъ: въ первомъ поскокѣ тысящу поби войска Филипъпапы; а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипъпапу самого и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межь плечь и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуще отца ея Филипъпапу, и заправя копье свое хотяще пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати копье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже съ коня на землю, и связавъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища, и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жь пору старый Филипъпапа обратяся къ Девгенію и рече: «о златокрылатый ястрябь, преславный Девгеней, ты славенъ еси и силенъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще тя есть храбрѣе и силнѣе на семъ свѣтѣ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля[1]) держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть на семъ свѣтѣ краше,— мнози цари и короли храбріи и силніи суть, а нихто не можетъ ея пояти, —

[1]) Въ ркп. далѣе зачеркнутое: поднять.

хто не пріѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебя Богъ одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость мою, отпусти мя». Рече же ему преславный Девгеній: «хощу преже провѣдати; аще истину сказалъ ми еси, тогда пущу тя, толко[1]) возложу знаменіе на лице твое, протъчаго ради времяни». Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: «о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній, мнози ко мнѣ цари и короли, присылалися ко мнѣ храбріи и силніи, во мнозѣ[2]) силѣ, а нихто мя не оскверни единымъ словомъ; всѣ побѣждени моими руками, а нынѣ Богомъ покорена есми[3]) тебѣ; аще ты совокупишыся со мною, да будемъ мы вмѣстѣ, и силы нашей не можетъ держати нихтоже». И рече ей преславный Девгеней, дѣвицѣ Максимьянѣ: «не имѣю ни отъ какова человѣка помощы, кромѣ милости Божіи и матернія молитвы; та ми поможетъ». А Девгеній же мудръ бысть велми и взя книгу и посмотри[4]) въ нея о житіи своемъ и о смерти, и досмотрився въ книзѣ той: аще Девгеній прекрасный совокупится съ Максимьяною дѣвицею, то житія его щеснадцать лѣтъ; аще достигнетъ прекрасной Стратиговны, и то житія его тридцать 6 лѣтъ, — и кликнувъ велегласно къ Греку мужу: «поиди ко отцу и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здравіемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерію моею, — что помыслилъ Филипъпапа и Максиміяна дѣвица, да не бысть имъ тако, — а сего старого Филипъпапы везите ко отцу моему, а Максиміану дѣвицу отдайте матери моей: аще къ ней прикоснетъся хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти». И отпусти ихъ впредь, а самъ назади поѣхаша и пріѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ же его и мати ради бысть зѣло, сождавъ своего сына, преславного Девгенія. Преславный же Девгеней нача мыслить во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ,

---

1) Ркп. токо.
2) Въ ркп. далѣе зачеркнуто: вре.
3) Ркп. еси.
4) Ркп. мотри.

а Максимьяну дѣвицу повелѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бреженіи, инача прекрасный и преславный Девгеней у отца своего и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видѣть преславнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и прекрасную Стратиговну. Отецъ же его нача унимать: «чадо мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея». Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумежья Стратиговы земли. И не доѣзжая до града за пять верстъ и устави воинство свое и повелѣ имъ межь себѣ около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и пріѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣте юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: «нѣсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ ловы дѣеть[1]) и съ четырмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино нѣсть таковые прекрасные на семъ свѣтѣ; многіе суть пріѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а нихто въ очи ея не видалъ, и нихто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри суть такови: единъ на сто напуститъ, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣетъ, иному никому на ея зрѣть неподобно суть развѣе тебе». И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане суть и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею; и поѣде же Девгеней прекрасный градомъ Стра-

1) Ркп. дѣюще.

тиговымъ и проиде ко двору Стратигову, и нача взирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу и видѣ красоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышляти, занеже есть красенъ, а не силенъ; Девгеней же ѣздиша по двору и возвратися назадъ [1]) и пріѣхаша въ станъ свой съ новопріемънымъ юношею, и нача веселитися во всю нощь, и повелѣша людемъ своимъ въ тимпаны и въ набаты бити и въ сурны играти, сіи рѣчь, трубить и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошать мамокъ своихъ, что де сіе за играніе подъ градомъ нашымъ велегл.... рече же ей мамъки: «то де госпожа наша Стратиговна, пріѣде подъ градъ нашъ [2]) изъ Греческія земли царевичь Девгеній прекрасны, и преславны, и храбрый, а хощеть тебе взяти....» Во утріи же поѣде опять во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у коего здѣланы звонцы въ гривѣ, и пріѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздить, а гутъцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того игранія умъ человѣчь [3]) исхититьца. И слышавъ же то Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: «идите на дворъ и вопросите его, что велію дерзость имѣетъ сей юноша ко двору нашему». И выиде же кормилица и нача ему глаголати: «о свѣте, свѣтозарное солнце, младый юноша, велѣла тебѣ говорить государыня наша, жалуючи тебя, в.... ты красенъ, а не силенъ, что имѣеш.... ружіе и дерзость ко двору сему и из.... ты изъ града вонь, откуду еси пріѣхалъ; аще ли тя заѣдетъ отецъ мой и братія...».

---

1) Отмѣченное здѣсь и ниже точками не могло быть прочитано на послѣднемъ листѣ рук., потертомъ и заклеенномъ.

2) Ркп. вашъ.

3) Въ ркп. опущено: ср. выше.